

Мф

МИР ФАНТАСТИКИ

ПОЛ
АНДЕРСОН

Три сердца
и три льва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Пол Андерсон

Три сердца и три льва (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1954, 1961, 1971

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Андерсон П. У.

Три сердца и три льва (сборник) / П. У. Андерсон — «Азбука-Аттикус», 1954, 1961, 1971

Если в знаменитом «Патруле Времени» герои Андерсона, охраняя будущее от прошлого, действуют в мире историческом и вполне реальном, то в романах, представленных в этой книге, и история и реальность переплетены с магией. А где магия, там не действуют физические и человеческие законы – вернее, действуют, но есть ли гарантия, что какой-нибудь хитрюга-волшебник не изменит их в свою пользу? И Хольгер Карлсен («Три сердца и три льва»), перенесшийся с боевых полей Второй мировой войны в царство средневековой магии, и Скафлок Смертный («Сломанный клинок»), пусть и сам воспитанник добрых эльфов и вероломных троллей, и капитан Матучек («Операция „Хаос“»), вынужденный ради спасения дочери спуститься в ад, – все они на собственной шкуре испытали, как непросто выжить и одержать победу в мире искаженной реальности.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© Андерсон П. У., 1954, 1961, 1971
© Азбука-Аттикус, 1954, 1961, 1971

Содержание

Три сердца и три льва	8
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	61
Глава 14	65
Глава 15	71
Глава 16	76
Глава 17	80
Глава 18	84
Глава 19	87
Глава 20	92
Глава 21	96
Глава 22	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Пол Андерсон

Три сердца и три льва (сборник)

Poul Anderson

THREE HEARTS AND THREE LIONS

Copyright © 1961 by Poul Anderson

THE BROKEN SWORD

Copyright © 1954 by Poul Anderson

OPERATION CHAOS

Copyright © 1971 by Poul Anderson

© Э. Гюннер (наследники), перевод, 2015

© К. Королев, перевод, 2015

© Г. Л. Олди, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Три сердца и три льва

Пролог

Теперь, через много лет, я имею право предать огласке эту историю. С Хольгером я познакомился лет двадцать назад, и тогда все было иным – и времена, и люди. Жизнерадостные парни, которым я читаю сегодня лекции, – отличные, разумеется, ребята, но мы с ними давно говорим на разных языках, и нет никакого смысла делать вид, будто мы можем понять друг друга. Поэтому я совсем не уверен, что эта история придется им по вкусу. Они гораздо рациональнее, чем были когда-то мы с Хольгером, и этим, на мой взгляд, сильно обедняют себя. Правда, им не привыкать к чудесам. Откройте любой научный журнал, любую газету, откройте собственное окно и спросите себя: обычна ли наша обыденность и не полна ли чудес повседневность?

Мне рассказ Хольгера кажется правдоподобным, хотя я и не настаиваю на его абсолютной истинности, так как не имею никаких тому доказательств. Но, публикуя его, я далек от мысли о скандальной славе. Просто мне кажется, что если он правдив, то из него можно извлечь кое-какие уроки и, может быть, они кому-нибудь пригодятся. Если же – что вероятнее – он только сон или откровенная мистификация, то и в этом случае заслуживает огласки – хотя бы из-за его оригинальной увлекательности.

Безусловно достоверно то, что осенью далекого 1938 года в конструкторском бюро, где я служил, появился Хольгер Карлсен, и в течение последующих нескольких месяцев я имел возможность узнать его довольно хорошо.

Был он датчанином и, как большинство молодых скандинавов, нес по всему миру великое любопытство. В юности он исколесил пол-Европы, на велосипеде и пешком, позднее, исполненный традиционного для жителя его страны восхищения перед Соединенными Штатами, добился стипендии в одном из наших восточных университетов и стал осваивать профессию инженера. В летнее время он скитался по Северной Америке (в основном – автостопом) и брался за любую подвернувшуюся работу. Он так полюбил нашу страну, что после получения диплома устроился на неплохое место и стал подумывать о натурализации.

Хольгер легко сходилась с людьми и быстро превращал их в своих друзей. Симпатичный, спокойный, со здоровым чувством юмора и скромными запросами, он не был ханжой и довольно часто позволял себе отпускать поводья в датском ресторанчике. Он не слишком блистал как инженер, но вполне соответствовал занимаемой должности: его мозги были приспособлены больше к решению практических задач, чем к глубоким аналитическим рассуждениям. Короче говоря, его умственные способности я бы не назвал выдающимися. Чего нельзя было сказать о его внешних данных. Он был высок – больше двух метров ростом – и в то же время так широк в плечах, что никто не называл его долговязым. Разумеется, он играл в футбол и, если бы не отдавал столько сил наукам, стал бы звездой университетской команды. Грубая лепка его лица – с широкими скулами и выдающимся подбородком – была неправильной, но выразительной. Добавьте сюда очень светлые волосы и широко расставленные голубые глаза – и вы получите его точный портрет.

Ему бы побольше наглости, и он мог бы стать настоящим донжуаном. Однако какая-то робость удерживала его от желания умножать приключения такого рода.

Итак, Хольгер был славным, но, в общем-то, довольно заурядным парнем того типа, который многие определяют как «свой в доску».

Он поделился со мной некоторыми подробностями своей биографии.

– Хочешь верь, хочешь нет, – сообщил он мне, усмехнувшись, – но я настоящий подкидыш. Да-да, ребенок, буквально подброшенный на крыльцо. Такие случаи в Дании очень редки. Полиция изо всех сил пыталась что-либо разнюхать, но у нее так ничего и не получилось. Мне было, наверное, всего несколько дней, когда меня нашли в одном из дворов в Хельсингере. Это очень красивый городок, вы называете его Эльсинором, родиной Гамлета. Меня усыновила семья Карлсенов. И больше в моей жизни не было ничего примечательного.

Так казалось ему тогда.

Помню, как однажды я уговорил его пойти со мной на лекцию иностранного физика, одного из тех великолепных талантов, какие рождаются только в великой Британии, – ученого, философа, остролова, поэта, эссеиста – короче, человека Возрождения, хотя и лишенного, может быть, печати гения.

Он излагал новую космогоническую теорию. Лекция завершилась несколькими смелыми гипотезами о характере будущих научных открытий. В частности, лектор говорил, что если теория относительности и квантовая механика доказывают, что не бывает наблюдения без участия, если логический позитивизм утверждает, что многие из известных сущностей всего лишь абстракции или результат общественного договора, если ученые твердят, что о многих способностях разума мы даже не подозреваем, то, может быть, в основе многих старинных мифов и волшебных сказок лежат не суеверия, а что-то иное. Когда-то откровенно смеялись над шарлатанами, занимающимися гипнозом и телепатией. Кто скажет, сколько великих загадок было осмеяно без осмысления? Фактами магии и волшебства пестрит история любого народа, любой фольклор. Возможно, эти факты когда-нибудь будут поняты с точки зрения науки. В нашем мире великое множество загадок. А в других вселенных? Принципы волновой механики уже сейчас позволяют допустить существование самостоятельной, параллельной нашему миру вселенной. Докладчик именно так и выразился: «Совсем нетрудно вывести математическую формулу существования бесконечного количества параллельных миров. В каждом из них фундаментальные законы природы будут немного другими. Следовательно, где-то в бесконечно удаленной вселенной должно существовать абсолютно все, что только можно и даже нельзя вообразить!»

Хольгер откровенно зевал на лекции, а когда после нее мы зашли пропустить по маленькой, иронично заметил:

– Эти математики так парят свои мозги, что в осадок у них, конечно, выпадает в конце концов метафизика.

– Ты употребил, хоть и сам не понял, именно то слово, что нужно, – не без ехидства заметил я.

– Это какое же?

– «Метафизика». Дословно – «до и после физики». Иными словами, там, где заканчивается физика, с которой ты привык иметь дело и которую ты меряешь логарифмической линейкой, или там, где она еще не начиналась. Именно о метафизике и шла речь в лекции.

– Ха! – Он прикончил виски и заказал еще. – Вижу, тебя эта тема волнует?

– Пожалуй, да. Что такое единицы физических мер? Это сущности или условные знаки, которыми мы пользуемся, чтобы соотнести одно явление с другим? Что такое ты, Хольгер? Кто ты есть? Или, точнее, кто ты, где ты, когда ты есть?

– Я – это я, я сижу здесь и в настоящий момент потребляю не совсем неприятную жидкость.

– Ты пребываешь в равновесии с данным континуумом, точнее, с рядом частных его проявлений. Я тоже – с тем же самым. Он для нас общий. Он представляет собой материальное воплощение определенных математических формул, связывающих воедино пространство, время, энергию. Некоторые из этих формул мы называем «законами природы». И потому строим на них целые науки – физику, астрономию, химию...

– Хей-хо! – Он поднял стакан. – Кончим умничать и начнем пить с умом!

Я махнул рукой. Хольгер больше не возвращался к этой теме, однако, думаю, наш разговор позднее сослужил ему неплохую службу. По крайней мере, льщу себя такой надеждой.

За океаном разразилась война, и поведение Хольгера изменилось. День ото дня он становился все более взвинченным. Твердые политические убеждения никогда не были его амплуа, но теперь он на каждом углу с горячностью, удивлявшей нас, стал твердить, что всей душой ненавидит фашизм. Когда же немцы вступили на территорию его страны, он несколько дней беспробудно пил.

Оккупация Дании протекала довольно спокойно. Правительство проглотило пилюлю и осталось на своем месте – единственное из всех европейских правительств. Просто объявило о своем нейтралитете под немецким протекторатом. Думаю, что этот выбор потребовал определенного мужества: благодаря сознательному унижению небольшой кучки политиков на протяжении нескольких лет удавалось удерживать оккупантов от жестоких, как во всех европейских странах, репрессий, особенно в отношении еврейского населения.

Хольгер буквально ошалел от радости, когда датский посол в США обратился к Белому дому с призывом вторгнуться в Гренландию. К тому времени большинству из нас было очевидно, что Америка рано или поздно будет втянута в эту войну. Самым простым выходом для Хольгера было дожидаться этого дня и немедленно встать в ряды ополченцев. Впрочем, он мог поступить еще проще – вступить в британскую армию или примкнуть к «Свободным норвежцам». В доверительных беседах со мной он часто повторял, что сам не поймет, почему не делает этого.

В 1942 году начали, однако, поступать известия, из которых можно было понять, что терпение Дании лопнуло. Дело еще не дошло до взрыва (который в конце концов прогремел в виде всеобщей забастовки, после чего немцы немедленно низложили короля и превратили страну в еще одну поработленную провинцию), но уже были пущены в ход карабины и динамитные пашки.

Вопрос о возвращении домой стал для Хольгера своеобразной *idee fix*. Он обсуждал его и так и этак, но никак не решался поставить точку. На принятие окончательного решения у него ушло много вечеров и пива. Наконец последовала капитуляция. После седьмой и последней, как говорят в Дании, Хольгер перестал быть американцем и решил исполнить свой гражданский долг. Он уволился, мы устроили ему прощальную вечеринку, и на следующий день он уже всходил на борт судна, идущего в Швецию. Из Хельсингборга он добрался домой на пароме.

Некоторое время он старался держаться в тени, не без основания побаиваясь, что поначалу немцы будут держать его под особым контролем. Он получил место на заводе «Бурмейстер и Вайн», специализирующемся на производстве корабельных двигателей. В середине 1942 года он решил, что оккупанты уже вполне уверились в его лояльности, и присоединился к движению Сопротивления. И тут оказалось, что его служба – настоящая золотая жила для диверсий и саботажа.

Не стану утомлять вас длинным перечнем его подвигов. Довольно сказать, что он работал на совесть. Их небольшая организация в сотрудничестве с английской разведкой действовала не менее успешно, чем эскадрилья бомбардировщиков. Во второй половине 1943 года они совершили самую дерзкую из своих акций.

Необходимо было вывезти из Дании некоего Х. Союзникам был нужен его талант. Немцы, прекрасно осведомленные о способностях Х., держали его под строжайшим надзором. Подпольщикам удалось, однако, вывести Х. из дома и доставить в Зунд, где уже ждала лодка, приготовленная для отправки в Швецию. Оттуда он должен был попасть в Великобританию.

Наверно, навсегда останется тайной, пронюхало ли гестапо об этой засекреченной операции, или ночной патруль наткнулся на пляже на группу подпольщиков совершенно случайно. Кто-то вскрикнул, кто-то спустил курок – завязался бой. Пляж был каменистым, плоским.

Звезды и огни со шведского берега лили на него тусклый, но ровный свет. Лодка уже отчалила, и подпольщики решили вызвать огонь на себя, чтобы дать ей без помех добраться до цели. Откровенно говоря, на это было мало надежды. Лодка была неуклюжей и тихоходной. Тот факт, что ее так отчаянно прикрывали, говорил о ценности груза. Через несколько минут, в течение которых датчанам удастся в лучшем случае убить десяток солдат, немцы вломятся в ближайший дом и по телефону свяжутся со штабом оккупационных войск в Эльсиноре. И мощный патрульный катер перехватит беглецов прежде, чем они достигнут нейтральной территории. Но подпольщики сделали свой выбор. Пути к отступлению не было.

Хольгер Карлсен понял, что сегодня умрет. Перед его внутренним взором пронеслись картины безмятежного прошлого, в котором было так много солнца, где кричали над головой чайки, а на крыльце дома, полного дорогих ему мелочей, стояли его приемные мать и отец... И почему-то он вспомнил старинный замок Кронборг, красную черепицу, и высокие башни, и покрытые патиной перила моста над зеркальной водой...

С пистолетом в руке он укрылся за камнем и палил в темные расплывчатые силуэты. Вокруг свистели пули. Рядом раздался чей-то стон. Хольгер в очередной раз прицелился и выстрелил...

Мир вокруг взорвался ослепительной вспышкой, и упала тьма.

Глава 1

Когда он пришел в себя, все его ощущения сводились только к одному – адской головной боли. Потом стало медленно возвращаться зрение. Вскоре он смог различить, что странный предмет, маячивший в тумане перед его глазами, – корявый древесный корень. Он шевельнулся – под ним зашелестели сухие листья. Ноздри щекотали запахи земли, мха, влаги.

– Где я нахожусь? – пробормотал он. – Что за черт!

Он сел. Потрогал голову и нащупал запекшуюся на волосах кровь. Должно быть, пуля только скользнула по черепу. Сантиметра бы на два ниже – и...

Ладно, но что же случилось потом? Сейчас ясный день, он в диком лесу, и вокруг никого. По-видимому, его товарищам удалось покинуть побережье, и они вынесли его на плечах. А потом спрятали в этой чаще. Но почему они раздели его догола и бросили одного?

Он заставил себя подняться на ноги. Мышцы ломило, во рту было сухо и гадко. Подташнивало от голода. Голова разламывалась от боли. По бьющим сквозь кроны деревьев лучам он определил, что солнце уже в зените: утренний свет не имеет такого золотистого отблеска. Ого! Он провалился без памяти часов двенадцать!

Рядом по пятнистому ковру из листьев и мха бежал ручей. Он наклонился и стал жадно пить. Потом умылся. Холодная вода несколько взбодрила его. Пытаясь понять, где же он находится, он внимательно осмотрелся по сторонам. Грибский лес?

Нет, конечно нет! Здесь настоящая чаща: огромные буки и ясени, наросты лишайника на стволах, буйные заросли боярышника, черный бурелом... В Дании со Средневековья не было таких лесов.

Красной искрой взлетела на дерево белка. Пронеслась пара скворцов. Сквозь разрыв в листве он увидел ястреба, парящего в небе. Разве в его стране еще остались ястребы?

Он вдруг сообразил, что совершенно наг. Что делать? Предположим, его товарищи имели самые веские причины раздеть его и оставить здесь. Но тогда они не могли бросить его надолго... С другой стороны, не стряслось ли чего-нибудь с ними самими?

– Не дай бог, тебе придется провести здесь еще ночь в таком виде, друг мой, – сказал он сам себе. – И еще очень хотелось бы знать, куда тебя занесло.

До его слуха донесся непонятный звук. Он прислушался. Звук повторился, и Хольгер узнал в нем лошадиное ржание. Он воспрянул духом. Значит, где-то поблизости ферма. Он уверенно двинулся вперед, в ту сторону, откуда донеслось ржание, продрался сквозь заросли кустарника и остановился в изумлении.

Таких лошадей он никогда не видел. На поляне стоял жеребец громадного роста – настоящий першерон, но изящного и благородного сложения. Черный и блестящий, как дождливая ночь. Уздечка украшена серебром. Поводья с бахромой. Седло тонкой кожи, с высокой лукой. Белая шелковая попона с вытканными на ней черными орлами. Притороченный к седлу выюк...

Хольгер протер глаза и подошел ближе.

– Все нормально, – произнес он, – кто-то питает слабость к костюмированным прогулкам верхом. Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Конь потянулся к нему, встряхнул длинной гривой и радостно заржал. Потом подвинулся к Хольгеру и фыркнул ему в щеку. Хольгер потрепал его по шее. Славный коняга. Что это у тебя на уздечке? На серебряной пластинке было выгравировано архаичным шрифтом: «Папиллон».

– Папиллон, – позвал Хольгер.

Конь снова заржал, откликаясь на свое имя, переступая с ноги на ногу, и ударил копытом.

– Значит, тебя зовут Папиллон? – Хольгер вздохнул коню гриву. – По-французски это бабочка. Удачная шутка – назвать бабочкой такого зверюгу.

Его заинтересовал выюк за седлом, он пощупал его и отогнул край ткани. Что за дьявол? Кольчуга!

– Эй! – крикнул он снова. – Есть тут кто? Выходи!

Тишина. Только прострекотала, словно издеваясь, сорока.

Оглянувшись вокруг, Хольгер заметил еще кое-что: к стволу дуба был прислонен длинный шест со стальным наконечником и защитной, как на шпаге, чашкой посередине. Копье? Ей-богу, настоящее турнирное копье!

Тот образ жизни, который вел Хольгер Карлсен во время войны, превратил его в человека, не робеющего перед буквой закона, как большинство его соотечественников. И потому он, не медля более, снял с седла выюк и развязал его. Он обнаружил там длинную, до колен, кольчугу, конический шлем с пурпурным оперением, стилет, кожаный пояс и толстый кафтан. Кроме того, несколько комплектов одежды: штаны до колен, рубахи с длинными рукавами, короткие туники и другие предметы старинного туалета. Часть одежды была из грубого крашеного полотна, другая – из обшитого мехом шелка. Он уже не удивился, когда, обойдя коня, обнаружил висящие на седле щит и меч. Щит был прямоугольный, фута четыре длиной, в новеньком полотняном чехле. Он снял чехол: стальная пластина на деревянной основе была с лазурным покрытием, и на ней – три красных сердца и три золотых льва.

Герб. Чей? Показалось, что где-то его уже видел... Странно. Кто здесь собрался на карнавал? Он вытянул меч из ножен – длинный, двуручный, обоюдоострый, с эфесом в форме креста. Низкоуглеродистая сталь, профессионально определил он. М-да, так старательно не мастерят реквизит даже в кино. Странно. Он вспомнил мечи, которые видел в музеях. Средневековые предки не могли похвастаться высоким ростом. Этот же меч как будто был сделан специально для него, а ведь его считали верзилкой в двадцатом веке.

Папиллон заржал и попятился. Хольгер резко обернулся. И увидел медведя.

Здоровенный бурый медведь, по-видимому, был просто привлечен шумом. Он уставился на Хольгера маленькими глазками, постоял с минуту и, удовлетворив любопытство, развернулся и убрался обратно в чашу.

Хольгер перевел дух. Сердце прыгало, как мячик.

– Не исключено, что где-то сохранился заповедный участок леса, – услышал он свой рассудительный голос. – Не исключено, что в нем и сохранилось несколько ястребов. Но в Дании нет – это абсолютно исключено! – медведей!

Может быть, медведь сбежал из зоопарка? Бред... Скорее всего, он сам свихнулся и у него начались галлюцинации. Или он видит сон... Нет, непохоже. Все слишком отчетливо и подробно: и пляска пылинок в луче, и запах лошадиного пота, и мха, и собственного тела. К черту! Как бы там ни было, во сне или в бреду, все равно надо что-то предпринимать. В любой ситуации прежде всего нужно искать информацию и пищу, подумал он. Именно в такой последовательности – информацию и пищу.

Жеребец казался настроенным дружелюбно. Грех покушаться на чужую собственность, однако его нужда, безусловно, острее, чем у того, кто так беспечно бросил здесь свое имущество. Прежде всего Хольгер оделся. Облачение в непривычный туалет требовало некоторой смекалки, однако все предметы, включая сапоги, странным образом оказались ему впору. Лишнюю одежду и оружие он снова упаковал и приторочил выюк на прежнее место. Вставил ногу в стремя, уселся верхом. Конь фыркнул, сделал несколько шагов и вдруг остановился возле копыа.

– Не думал, что лошади так умны, – вслух удивился Хольгер. – Ладно, намек понял.

Он поднял копье и поставил его концом на петлю, свисавшую с седла рядом со стремяном. Потом взял поводья левой рукой и чмокнул. Папиллон пошел.

Только проехав уже не меньше мили, Хольгер обратил внимание на то, что на удивление уверенно сидит в седле. Его опыт в верховой езде до сих пор исчерпывался несколькими

неуклюжими попытками в прокатных пунктах. Он вспомнил даже свою шутку о том, что если лошадь – это приспособление для сокращения расстояния, то проще сократить приспособление. Но откуда, скажите на милость, его внезапная симпатия к этой черной зверюге? Может быть, в его роду были ковбои?

Он предпринял попытку осмыслить технику езды и сразу почувствовал себя неуклюжей деревенщиной. Папиллон фыркнул. Хольгер мог бы поклясться, что насмешливо. К черту! Подумаем о маршруте. Они продвигались по тропе, но лес вокруг был так густ, что езда верхом, да еще с копьём наперевес, была сильно затруднена.

Тропа шла на запад. Солнце клонилось к закату. На фоне багрового неба стволы деревьев казались обугленными. Нет, это невозможно: в маленькой Дании нет таких обширных заповедников! Или, пока он был без сознания, его переправили в Норвегию? В Лапландию? В Россию? К черту на кулички?.. Что ж, черепная травма могла лишить его сознания и на день, и на неделю, и на месяц... Нет-нет, рана на голове слишком свежая. Он в сердцах плюнул.

Но все черные мысли вмиг испарились, стоило ему вспомнить о еде. Сейчас бы две... нет, три крупные копченые трески и кружку холодного пива... Или по-американски – отбивную с косточкой в жареном луке...

Хольгер чуть не вылетел из седла: Папиллон резко встал на дыбы. Из-за темных стволов выступил лев. Хольгер остолбенел. Лев остановился и яростно захлестал хвостом по бокам. Раздался рев. Папиллон нервно загарцевал и стал рыть землю копытом. Хольгер обнаружил, что рука сама подняла копьё и направила его острием в свирепую морду.

Из глубины леса донесся протяжный волчий вой. Лев не торопился атаковать, а у Хольгера не было никакой охоты вести с ним дискуссию о правилах движения по лесным тропам. Зато Папиллон был настроен воинственно. Но Хольгер сильно натянул поводья и заставил сопротивляющегося жеребца обойти зверя слева. Когда лев остался позади, Хольгер вытер рукой мокрый лоб.

Они продолжали свой путь, и вскоре настала ночь. В голове у Хольгера как будто вертелась дикая карусель. Медведи, волки, львы... В каких же странах эти звери живут бок о бок? В какой-нибудь глухой провинции Индии?.. Но в Индии, кажется, нет европейской растительности... Он попытался вспомнить что-нибудь из Киплинга, но ничего, кроме общих мест – «запад есть запад, восток есть восток», – не приходило в голову. Тут невидимая в темноте ветка хлестнула его по щеке, и мысли о Киплинге закончились чертыханьем.

– Кажется, эту ночь мы проведем с тобой под открытым небом, – сообщил он коню. – Давно об этом мечтал. А ты?

Папиллон – черная масса среди царства тьмы – уверенно шел вперед. До слуха Хольгера доносилось то уханье филина, то хриплый визг вдалеке, то жуткий вой... Что это?! Мерзкий хохот откуда-то прямо из-под копыт!

– Кто тут?! Кто это?!

Топот убегающих ног. Улетающий смех. Озноб по спине. Ладно, едем дальше. Ночи здесь довольно прохладные.

Внезапно небо над его головой взорвалось звездами. Хольгер не сразу сообразил, что они выехали из чащи на открытое место. Впереди мерцал огонек. Неужели жилье? Он прищипорил коня.

Вскоре Хольгер разглядел ветхое, убогое строение, стены которого были сплетены из ивовых прутьев и обмазаны глиной, а крыша покрыта дерном. Внутри горел огонь, светилося крохотное окошко без стекол. Хольгер остановил коня и облизал пересохшие губы. Сердце отчаянно колотилось, словно он снова встретился со львом.

Самое разумное сейчас – остаться в седле. Он ударил в дверь древком копьё. Дверь заскрипела и распахнулась. В дверном проеме на фоне тусклого света показалась черная сторбленная фигура и каркнула скрипучим старушечьим голосом:

– Кто здесь? Кто это пожаловал в гости к Матери Герде?

– Я, кажется, сбился с пути, – произнес Хольгер. – Непустишь ли меня на ночлег?

– О, это рыцарь! Молодой и прекрасный рыцарь! Хоть Мать Герда совсем ослепла от старости, но хорошо видит, кто ночью стучит в ее дверь, хорошо видит! Слезай, слезай с коня, славный рыцарь, и располагай всем, что есть у бедной старухи, которая тебе искренне рада. Я так стара, что уже не боюсь греха, хоть и знала другие времена, знала, знала... Но те времена кончились, увы, еще до того, как ты появился на свет, а теперь я стара, одинока и рада любой вести из большого мира, стучащейся ко мне в дверь. Входи, отринь опасенья, входи, прошу тебя. Здесь, на краю света, ты не найдешь другого убежища.

Хольгер протиснулся в дверь. В хижине больше никого не было. Кажется, здесь он мог чувствовать себя в безопасности.

Глава 2

Он сел на табурет возле колченогого тесаного стола. Глаза ел дым, который поднимался к потолку и медленно улечувивался через дыру в крыше. Еще одна дверь вела из комнаты в конюшню, где в стойле уже стоял Папиллон. Земляной пол. В грубом каменном очаге пылает огонь. Когда глаза притерпелись к дыму, Хольгер заметил еще пару табуретов, соломенный тюфяк в углу, хозяйственную утварь, а также большого черного кота, сидящего на бог весть откуда взявшемся здесь красивом и дорогом сундуке. Его немигающие желтые глазищи неотступно следили за Хольгером. Старуха – Мать Герда – мешала какое-то варево в железном котле, висащем над очагом. Седые грязные патлы свисали вдоль морщинистых впалых щек, нос торчал крючком, рот беспрестанно кривился в бессмысленной ухмылке, – она была горбатой, худой и дряхлой, ветхое платье висело на ней, как мешок. Но глаза, ее темные глаза хитро поблескивали.

– Не след, конечно, – заговорила она, – мне, бедной полоумной старухе, доверять тайны или просто-напросто то, о чем лучше бы не болтать первому встречному. Много тут бродит по краю света разного тайного люда – почему я знаю, может быть, ты рыцарь из Фейери, превратившийся в человека, чтобы проверить и наказать меня за болтливый язык? Однако, славный рыцарь, никак не может старуха удержаться, чтобы не спросить, как тебя величать. Нет-нет, не нужно настоящего имени – зачем открывать его старой никчемной нищенке, которая только и может, что молоть языком? Но хоть какое-то имя, чтобы я могла обращаться к тебе согласно приличиям и с надлежащим почтением.

– Хольгер Карлсен.

Она буквально подпрыгнула, едва не опрокинув котел.

– Как? Как ты сказал, славный рыцарь?

В чем дело? Может, его разыскивают? Может, это какая-нибудь дикая окраина Германии? Он нащупал рукоятку стилета, который на всякий случай сунул за пояс.

– Хольгер Карлсен! Что тебя удивляет?

– Ох!.. Н-н-ничего, милостивый господин. – Мать Герда отвела глаза и тут же вновь выстрелила в гостя зорким снайперским взглядом. – Только то, что и Хольгер, и Карл – надо сказать, очень громкие имена, как ты и сам знаешь, однако, если говорить напрямик, я никогда не слыхивала, чтобы один из них был сыном другого, ибо их отцами, как известно, были Пепин Годфред, и... или, точнее, я хотела сказать совсем другое... Конечно, в некотором смысле, король – всегда отец своего вассала и...

– Я не имею отношения к этим джентльменам, – оборвал ее Хольгер. – Это случайное совпадение.

Она как будто успокоилась, выловила из котла кус вареного мяса и предложила гостю. Он не заставил себя упрашивать и налег на еду, не мороча голову мыслями о заразе или отраве. Старуха выложила на стол хлеб и сыр, и он нарезал их стилетом. Увенчала меню кружка исключительно хорошего пива. Расправившись со всем этим, он сказал:

– Благодарю. Ты спасла меня от голодной смерти.

– Что ты, что ты, рыцарь, мне стыдно, что я подала тебе такую простую еду, – тебе, который, конечно, не раз и не два делил трапезу с королями и герцогами под музыку и песни менестрелей, и хотя я совсем стара и не очень искусна, но в твою честь, если пожелаешь, тоже смогла бы спеть и...

– У тебя отменное пиво, Мать Герда, – поспешно прервал ее Хольгер. – Я никогда не пивал пива этого сорта. Кажется...

Он хотел сказать: «Кажется, местный пивной завод чудом миновала громкая слава». Но старуха, хихикнув, перебила его:

– Ох, благородный сэра Хольгер, ты не простой рыцарь, и если ты даже и не из высшей знати, то человек опытный и проницательный. Мигом раскусил маленький фокус бедной старухи. И хотя добрые христиане вроде тебя чураются всякой магии и зовут ее измышлениями дьявола, но, по правде сказать, моя ворожба почти то же самое, что и чудотворные деяния святых угодников, которые творят чудеса как для язычников, так и для христиан. Ты, конечно, должен понять, что здесь, на краю света, ну никак не обойтись без капельки магии – больше для защиты от сил Срединного Мира, чем ради барыша, – и в милости своей не станешь требовать сжечь бедную, но добронравную старуху за то, что она чуточку поворожила над кружечкой пива, дабы оно лучше грело ее старые кости в холодные зимние ночи, в то время как столько могущественных волшебников, ничуть не опасаясь справедливой кары, у всех на виду прямо-таки торгуют черной магией...

«Так она, выходит, ведьма? – подумал Хольгер. – А мне и в голову не пришло... Но что это она заговаривает мне зубы? И зачем без конца кривляется?»

Он перестал обращать внимание на ее болтовню. Новая мысль поразила его. Он с удивлением прислушался к собственной речи. Он разговаривал со старухой на странном языке, твердом и звучном, похожем на старофранцузский с примесью немецкого. Вероятно, он сумел бы прочитать на нем какой-нибудь текст, с большим трудом, разумеется, однако никогда раньше не сумел бы говорить на нем так легко, как сейчас. Странно. Значит, способ, с помощью которого он совершил путешествие в... неизвестно куда, вооружил его знанием местного диалекта.

Он никогда не увлекался чтением научной фантастики, однако цепь всех этих странных событий все больше наводила его на мысль, что в результате какого-то невероятного воздействия он оказался в прошлом. И эта убогая хижина, и старуха, которая восприняла его рыцарскую экипировку как нечто само собой разумеющееся, и этот язык, и огромный заповедный лес... Ну хорошо, предположим. Но что это за страна? В Скандинавии так не говорили. Германия? Франция? Англия?.. Но если он оказался в средневековой Европе, то что здесь делает лев? И что означают слова старухи о стране Фейери?

Нет, эти вопросы нужно задавать не себе, а просто спросить напрямик.

– Мать Герда... – начал он.

– Да, благородный рыцарь? Каждое твое желание, которое я смогу выполнить, сделает моему дому честь, а потому только прикажи, а уж я расстараюсь. Все, на что способна по мере моих слабых сил, лишь бы ты остался доволен. – Она погладила кота, который все так же пристально пялился на Хольгера.

– Можешь ты мне сказать, какой сейчас год?

– Ох и дивные вопросы задаешь ты мне, славный рыцарь. Хотя виной тому, может быть, рана на твоей голове, которую получил ты, конечно, в ужасной битве с каким-нибудь великаном или чудовищем-троллем. Она, наверно, и замутила немного память моего благодетеля. Но, по правде сказать, хоть это и постыдно, признаюсь тебе, что счет годам я уже давно не веду, тем более что это и невозможно здесь, на краю света, где...

– Ну ладно. А что это за страна? Чье это королевство?

– Воистину, славный рыцарь, ты задаешь вопросы, над которыми бились многие мудрецы, а уж сколько ратников из-за них перебили друг друга! Хе-хе! Уж не знаю, с каких времен спорят об этих границах цари человеческие и властелины Срединного Мира, сколько здесь бушевало войн и творилось всякой чертовщины. Могу только сказать, что и Фейери, и империя претендуют на эти земли, но никто им не господин, хотя и прав на них, конечно же, больше у людей: ведь только наш род здесь укоренился. Право на эти земли отстаивают и сарацины: ведь их Махоунд был родом из местных злых духов, как говорят. Что, Грималькин? – Она погладила по спине поднявшегося кота.

– Значит... – Терпение Хольгера лопалось. – Где же я могу найти людей... ммм... христиан... которые смогут помочь мне? Где тут ближайший король, герцог или кто-нибудь в этом роде?

– Есть тут город, и не так уж до него далеко, всего несколько миль, – сказала старуха. – Однако я должна предостеречь тебя, рыцарь, что пространство здесь, как и время, пречудесно искривлено чернокнижниками, и часто бывает, что место, к которому ты направляешься, находится совсем рядом, но вдруг оно или провалится, или посыплется на тебя всякие напасти, так что ты запутаешься и не будешь знать, какую тебе выбрать дорогу и откуда ты шел...

Хольгер сдался. Либо перед ним сумасшедшая, либо его дурачат. В любом случае рассчитывать на полезную информацию не приходится.

– Однако если ты не побрезгуешь добрым советом, – внезапно произнесла Герда, – разумеется не моим, потому что от такой рухляди уже никакого толку, и не Грималькина, который хоть и ужасно ловок, но от рождения нем, то можно попробовать такой добрый совет испросить, а вместе с тем разведать и способ, который выгнал бы из тебя порчу и вернул здоровье и память. Только не гневайся, ибо я хочу предложить тебе чуточку магии. Она у меня совсем белая... Или серая, на худой конец. Ты ведь сам видишь, что я не могущественная волшебница – а то разве ходила бы я в этих лохмотьях и жила бы в такой развалюхе? Нет, дворец из чистого золота приличествовал бы мне, а тебе прислуживала бы сейчас челядь. Поэтому если я сейчас, по твоему повелению, вызову духа – маленького, совсем крошечного духа, то он поведаст тебе обо всем, что тебя волнует и о чем напрасно пытаться меня.

Хольгер поднял брови. Кажется, все ясно. Чокнутая. Лучше поддакивать, если он намерен провести ночь с нею под одной крышей.

– Как пожелаешь, Мать Герда.

– Ты и впрямь, рыцарь, из неведомых стран, если даже не перекрестился. Только иные рыцари хоть и сотворят крест, да зато уж потребуют, чтобы подали им самого Князя Тьмы, да с таким нетерпением, будто не жаль им своих горемычных душ, которым гореть за это вечно в адском огне. Конечно, они не такие уж праведники, однако для империи и они сгодятся, коли других не сыщешь в этих богом забытых краях. Ты не из таких, сэр Хольгер, так что как не задать тут вопрос: а не из Фейери ли ты в самом деле? Но молчу-молчу – попытаем счастья у духов, хотя должна тебя предостеречь, что они на редкость капризны и могут вообще ничего не ответить или ответить так, что понять будет непросто.

Герда взялась за крышку сундука, и кот спрыгнул на пол. Она достала треногу, повесила на нее котелок и всыпала в него какой-то порошок из склянки. В ее руке появилась короткая палочка, выточенная, похоже, из черного дерева и слоновой кости. Бормоча и бурно жестикулируя, она начертала палочкой на полу окружность, внутри ее – еще одну и вместе с котом встала между ними.

– Этот внутренний круг, – объяснила она, – для того, чтобы удержать духа, а внешний – чтобы не дать ему вырваться, потому что он может разбушеваться сверх меры, особенно если вызов окажется для него нежелательным. И я должна просить тебя, рыцарь, не молиться и не творить крестное знамение, ибо в этом случае демон без промедления сгинет, причем в страшном гневе.

– Ладно, начинай, – сказал Хольгер.

Она затянула заунывный напев и стала приплясывать, не выходя из очерченного круга, и Хольгеру показалось, что он уже где-то слышал это странное пение. «Amen, amen...» – пела она. Слова тоже были знакомы. «A malo nos libera sed...»¹

Мурашки побежали по спине Хольгера. Латинские слова скоро сменились каким-то кудахтаньем, в котором нельзя было разобрать ни единого слова. Потом она коснулась палоч-

¹ «Освободи нас от зла...» (лат.)

кой котла, и из него повалил густой белый дым. Клуб дыма рос и рос, но – фантастика! – не выходил за пределы внутреннего круга.

– О Велиал, Ваал Зебуб, Абуддон, Асмодей! – заклинала старуха. – Самиэль, Самиэль, Самиэль!

Дым стал густеть и окрасился в красный цвет, почти целиком скрыв от Хольгера сторбленную фигуру старухи. Он привстал с табуретки. Ему показалось, что над котлом нависло нечто змееобразное, полупрозрачное... О небо! Он увидел, как вспыхнули пурпурные глаза и это нечто оформилось в человеческую фигуру!

Он не верил себе: существо из дыма заговорило свистящим шепотом, старуха отвечала ему на непонятном языке. Чревоушание? Галлюцинация, порожденная его утомленным мозгом? Конечно галлюцинация, и ничего больше! Папиллон за стеной тревожно заржал и стал бить копытом. Хольгер случайно прикоснулся к стилету – лезвие было горячим. Значит, магия, рассудил он, возбуждает в металле циркуляционные токи.

Существо шелестело, ухало, корчилося. Хольгеру показалось, что их разговор со старухой длится уже целую вечность.

Наконец старуха подняла палочку и снова запела. Существо стало таять. Дым начал втягиваться обратно в котел. Хольгер сипло выругался и потянулся за пивом.

Когда дым полностью исчез в котле, старуха покинула круг. Ее лицо казалось бесстрастным, глаза были полуприкрыты. Однако от взгляда Хольгера не укрылось, что она вся дрожит. Кот поднял хвост, выгнул спину и зашипел.

– Престранный ответ, – пробормотала старуха. – Престранный ответ дал мне демон...

– Что он сказал? – с трудом выдавил из себя Хольгер.

– Он поведал... Самиэль поведал, что ты прибыл издалека, из такой дали, что человек мог бы идти и идти бесконечно, хоть до Судного дня, но никогда не достиг бы твоего дома. Так ли это?

– Так, – ответил Хольгер. – Да, я думаю, это так.

– И еще он поведал, что из переплета, в который ты угодил, выбраться сможешь только тогда, когда попадешь в Фейери. А значит, туда лежит твой путь, сэр Хольгер. В Фейери.

Хольгеру это ничего не говорило.

– Не так страшна Фейери, как ее малюют, – хохотнула старуха. – И если уж вовсе начистоту, то сама я не из злейших врагов герцога Альфрика, самого сиятельного из всех рыцарей Фейери. Он немного чванлив, как и весь его род, но тебе он поможет, коли ты попросишь у него милости, – так поведал мне демон. А я сегодня похлопочу о проводнике, чтобы ты мог туда добраться без проволочек.

– Сколько это будет?.. – Хольгер запнулся. – Дело в том, что я не могу заплатить много.

– Совсем ничего. – Старуха махнула рукой. – Может, зачтется при случае мне добрый поступок, когда покину я этот мир для мира иного. К тому же что может быть приятнее для бедной старухи, чем угодить такому красавцу? Эх, было время, да сплыло... Ну и ладно. Дай-ка мне поглядеть твою рану, а после ступай в постель.

Хольгер, стиснув зубы, терпел, пока она промывала рану и накладывала компресс из трав, бормоча при этом заклинания. Он был так измучен, что готов был вытерпеть что угодно. Однако у него хватило благоразумия отказаться от предложения занять ее тюфяк: он предпочел охапку сена в конюшне, рядом с бдительным Папиллоном. Нельзя бесконечно искушать судьбу. И так его занесло в края, по меньшей мере, диковинные.

Глава 3

Хольгер проснулся и какое-то время лежал с закрытыми глазами, припоминая, что с ним произошло накануне. Потом вскочил на ноги и осмотрелся.

Итак, он провел ночь в конюшне. Допотопное сумрачное строение, пропитанное запахом навоза и сена. Черный конь, тянущий губы к его ладони... Он стряхнул с одежды приставшие травинки. Отворилась дверь, и полумрак прорезал луч солнца.

– Добрый день тебе, славный рыцарь, – пропела Мать Герда. – Вот уж кто спал сегодня сном праведника, как говорится. Я за свою жизнь видала не один десяток честных людей, которых по ночам терзала бессонница, и людей подлых, от храпа которых ходила ходуном крыша. У меня рука не поднималась будить тебя. Иди взгляни, что тебя поджидает.

Оказалось, его поджидала миска овсянки с хлебом, сыр, пиво и кусок недоваренной свинины. Хольгера не нужно было долго упрашивать, и, расправившись с завтраком, он с тоской подумал о сигарете и кофе. К счастью, тяготы военного времени научили его довольствоваться малым. Он энергично умылся в корыте на улице и почувствовал себя совсем неплохо.

Когда он вернулся в хижину, оказалось, гостей в ней прибавилось. Правда, Хольгер обнаружил это только тогда, когда кто-то дернул его за штанину и прогудел низким басом:

– А вот и я!

Хольгер опустил глаза и увидел коренастого человечка с темным, землистым лицом, ушами, похожими на ручки пивной кружки, носом-туфлей и белой бородой. Человечек был одет в коричневую куртку, такие же штаны, но при этом бос. Роста в нем не было и трех футов.

– Это Хуги, – сказала Мать Герда. – Он будет твоим проводником.

– Э-э-э... очень приятно, – отозвался Хольгер. Он взял карлика за руку и потряс ее, отчего тот просто остолбенел.

– Пора в путь! – весело воскликнула старуха. – Солнце высоко, а вам предстоит долгая дорога, полная напастей. Но не страшись их, сэр Хольгер. Лесной народ – а Хуги из их рода-племени – знает, как избегать нежелательных встреч. – Она протянула ему холщовый мешок. – Я собрала немного мяса и хлеба и еще кое-чего: уж я-то знаю, как вы о себе заботитесь, благородные паладины, странствующие по белу свету и прославляющие имена своих дам. Разве помыслите вы о том, чтобы припасти что-нибудь на обед? Ах, будь я молодой, я бы и сама об этом не думала, ибо когда мир цветет, то живот не в счет. Теперь, в мои годы, о чем другом еще и помнить бедной старухе?

– Спасибо, Мать Герда, – смущенно поблагодарил Хольгер.

Он шагнул к выходу, но Хуги неожиданно вцепился в его штанину.

– Ты что? – пробасил он. – Замыслил в лес ехать в одной рубашонке? В чащебе найдется немало лихих людей, которые будут рады-радешеньки проткнуть ножичком богатого путника.

Мать Герда ухмыльнулась и заковыляла к двери. Хольгер распаковал свой тюк, и Хуги помог ему облачиться.

Толстый кафтан, кожаные наколенники. Потом кольчуга – звонкая и тяжелая. Ремни... Этот, кажется, на пояс, за него можно заткнуть стилет. Этот – через плечо, на нем висит меч. Пикейная шапочка, сверху шлем. Золоченые шпоры. Пурпурный плащ... Хольгер никак не мог решить: франтом или идиотом он сейчас выглядит.

– Доброго пути, сэр Хольгер, – напутствовала его Мать Герда, когда он вышел во двор. Знать бы, как в этих краях принято выражать благодарность!

– Я... помяну тебя в своих молитвах, – промямлил он.

– Помяни, сэр Хольгер, помяни. – Старуха хихикнула и скрылась в хижине.

Хуги подтянул штаны.

– Идем, что ли? – буркнул он. – А то слов много, а дела мало. И если кому надо в Фейери, то ему давно пора быть в седле.

Хольгер вскарабкался на Папиллона и усадил карлика впереди.

– Едем туда, – указал тот рукой на восток. – Не будем мешкать – так денька за два-три доберемся до замка Альфрика.

Они тронулись с места и вскоре вновь вступили в лес. Хижина старухи скрылась за деревьями. Тропа, возможно звериная, была довольно широкой и достаточно прямой. Шелестела листва, распевали птицы, копыта стучали о землю, скрипели подпруги, и позванивало железо. Воздух был чист и прозрачен.

Хольгер вспомнил о своей ране: голова не болела, старухины снадобья в самом деле оказались волшебными. М-да... Вся эта история, в которую его угораздило... Сосредоточимся. И порассуждаем. Итак, каким-то неведомым образом он перенесен в другое время, если не в другое пространство. Если это, конечно, не сон. Он находится в мире, в котором имеется по крайней мере одна настоящая ведьма, один натуральный гном и некто по имени Самизель – дух, или демон, или что-то подобное. Не исключено, что в окружающем его мире это рядовые явления. Что из этого следует?

Рассуждать логично было совсем не просто. Нелепая ситуация, в которой он оказался, навязчивые мысли о доме и легкая паника (не останется ли он здесь навсегда?) – все это заставляло его мысли крутиться в какой-то дьявольской карусели. Перед его взором вставали, как наяву, изящные шпили Копенгагена, заросли вереска на берегу Ютландии, небоскребы Нью-Йорка, золотая дымка над Сан-Франциско, вереница милых подружек и миллион мелочей, которые окружали его в повседневной жизни. Ему хотелось кричать, звать на помощь, бежать со всех ног туда, где мирно стоит его дом... Нет, об этом лучше не думать. Не думать об этом! Будем думать о том, как приспособиться к изменившимся обстоятельствам. И если герцог из Фейери – будь это место хоть самой преисподней! – способен ему помочь, едем к герцогу! Пусть какая-то, но надежда. А пока остается благодарить судьбу хотя бы за то, что весь этот кошмарный бред каким-то чудом еще не помутил его разума.

Хольгер оглядел своего проводника.

– Я очень тебе благодарен, – сказал он. – Как я с тобой рассчитаюсь?

– О чем речь, – отвечал Хуги. – Я ведь стараюсь ради ведьмы. Не то чтобы я был ее слугой – мы, лесные, только подсобляем ей время от времени: дровишек подкинуть, воды там наносить или еще что по хозяйству. Не задаром, конечно. Слов нет, не шибко я ее, сову старую, жалую, однако пиво у нее хоть куда.

– Мне она показалась... весьма любезной...

– Да уж, язык-то у нее без костей, и стелет она мягче некуда, когда пожелает, – ухмыльнулся Хуги. – Вот так же охмурила она и младого сэра Магнуса, когда его сюда нелегкая занесла. Да ведь она якшается с черным искусством! Ловка она в этом, ловка, хоть и не больно сильна. Вызвать пару демонов средней руки, да и те то сокрут, то напутают, – вот и все, на что она способна. Помню, – вновь усмехнулся он, – как-то раз один крестьянин из Вестердейла залил ей сала за воротник, так она поклялась, что напустит на его хлеб спорынью. Да то ли он хлеб святой водой окропил, то ли ее ворожба была хилой, только кончилось все тем, что она тужилась-тужилась, кряхтела-кряхтела, да так ничего и не выворожила, разве что хлеба малость помяло градом. Вот она и спешит угождать господам из Срединного Мира, все чаёт, что ей от них хоть какая милость перепадет, да только до сих пор что-то не видать никакой корысти.

– Что же случилось с сэром Магнусом? – спросил Хольгер.

– Да много чего. А в конце концов его сожрал крокодил.

Они долго ехали молча. Хольгер прервал молчание первым и спросил, что представляет собой лесной народ и чем он занимается. Хуги охотно отвечал, что народ его живет в лесах, а

леса тут бескрайние, что кормится грибами, да орехами, да разной лесной всячиной и дружит с малым лесным зверьем – кроликами и белками. Что нет у них способностей к магии, как у жителей Фейери, но зато нет и страха перед крестом и железом.

– А до всяких там войн и сражений, что не редкость в наших краях, нам и дела нет, – говорил Хуги. – У нас свои правила, а на небесах и в аду, в империи и Фейери – свои, как кому больше нравится. И пусть все эти господа друг друга в конце концов хоть перебьют, хоть перетопят, а у нас все как есть, так и останется. Чтоб их приподняло да треснуло!

Очевидно, подумал Хольгер, их раса за что-то сильно обижена и на людей, и на жителей Срединного Мира.

– Что-то я не понимаю, – пробормотал он. – Если на Мать Герду положиться нельзя, то зачем мы по ее совету едем в Фейери?

– Вот именно. – Хуги пожал плечами. – Правда, я не сказал, что творит она только зло. Если нет у нее на тебя обиды, то отчего ж не помочь советом? Глядишь – и облагодетельствует тебя герцог Альфрик, коли развлечется загадкой, какую, сдается мне, ты ему загадаешь. Они там сами про себя наперед ничего сказать не могут. Живут в мерзости и потому в войне на стороне Темного Хаоса стоят.

Эти новые сведения ничего для Хольгера не прояснили. Пока что Фейери была для него единственной надеждой на возвращение, но в равной степени могло оказаться, что его увлекают в ловушку. Хотя зачем кому-то морочить себе голову и вредить неведомому чужестранцу, тем более что у него ни гроша за душой?

– Хуги, ты будешь рад, если я попаду в переделку? – спросил он.

– Зачем? Ты мне не враг. К тому же я вижу, что ты человек хороший. Не то что некоторые, с которыми мне приходилось иметь дело. – Он сплюнул. – Что там у Герды на уме, мне до одного места. Говорю что знаю, вот и все, мое дело маленькое. Тебе надо в Фейери – пожалуйста, я провожу.

– И чем это все для меня кончится, тебе безразлично?

– Ага. Меня научили не совать нос в чужие дела.

Карлик явно имел в виду какую-то старую обиду.

«Сделать из него союзника, – подумал Хольгер, – будет не так уж сложно».

– По-моему, – сказал он, – в узелке что-то булькает. А у меня сильно пересохло в горле. Давай остановимся.

Хуги облизнулся. Они развязали подаренный мешок и обнаружили несколько глиняных фляг. Хольгер открыл одну из них и протянул карлику. Хуги опешил. Однако чувство субординации оказалось слабее любви к пиву, и он, махнув рукой, взял флягу и приложился к ней от всего сердца. Опорожнив сосуд наполовину, он с трудом оторвался, отрыгнул и протянул пиво Хольгеру.

Пустая фляга кубарем полетела в траву. Они двинулись дальше.

– Диковинные у тебя манеры, сэр Хольгер, – после долгого молчания произнес Хуги. – Ты, пожалуй, не из императорских рыцарей, но вроде бы и не сарацин.

– Да, – кивнул Хольгер. – Я из очень далекой страны. У меня на родине считается, что между людьми нет особой разницы.

Глазки гнома удивленно сверкнули.

– Ужасные вещи ты говоришь. Кто же правит страной, где все равны – и господин, и простолюдин?

– Каждый имеет право голоса, когда нужно что-то решить.

– Быть того не может! Из этого выйдет одна болтовня и ни капли толку.

– У нас в этом деле порядочный опыт. Видишь ли, потомственные монархи слишком часто оказывались или глупцами, или садистами, или рохлями. В конце концов мы решили,

что хуже без них не будет. В моей стране есть король, но он ничего не решает, а только как бы хранит традицию. А другие страны вообще избавились от королей.

– Хм! Престранные вещи... И, по правде говоря... Сдается мне... Уж не из сил ли ты Хаоса?

– Кстати, – сказал Хольгер, – что такое Хаос? Мне почти ничего не известно о ваших странах. Ты не мог бы мне рассказать?

Гнома не пришлось долго упрашивать, но из щедрого потока красноречия Хольгер выудил весьма скудные сведения: Хуги не блистал умом и вдобавок был закоренелым провинциалом. Главное, что определяло законы этого мира, была бесконечная война между изначальными силами Хаоса и Порядка. Но что это были за силы? Какова их природа? Во всяком случае, Хольгер понял, что на стороне Порядка в основном выступали люди. Правда, не все; некоторые из них (одни – по недомыслию, другие – ведьмы и чернокнижники) из корысти продались Хаосу. И наоборот, кое-кто из нелюдей поддерживал Порядок. Лагерь Хаоса составлял весь Срединный Мир, в который, как понял Хольгер, входили страны Фейери, Тролльхейм, а также Земля великанов. Мир Порядка зиждился на принципах гармонии, любви и свободы, которые были ненавистны обитателям Срединного Мира. И потому они из всех сил стремились разрушить Мир Порядка и подмять его под себя. Хаос не брезговал ничем, и особенно на руку ему были войны, которые люди вели между собой. Примером тому – война сарацин и империи.

Все это было для Хольгера мистикой и абракадаброй, но когда он пытался вытящить из Хуги более конкретные сведения, тот отвечал еще более туманно. Хольгер узнал лишь то, что земли людей, где правил Порядок, лежат на западе. Они разделены на святую империю христиан, страну сарацин и отдельные королевства. Ближайшая страна Срединного Мира – Фейери – лежит к востоку, а район, где они находятся сейчас, – ничейный и спорный.

– В стародавние времена, – рассказывал Хуги, – сразу после Упадка, почти везде царил Хаос. Ну, стали его теснить – шаг за шагом. Дальше всего оттеснили, когда пришел Избавитель, однако же до конца с ним совладать не смогли. А нынче ходят такие слухи, что Хаос опять силу набрал и большую войну готовит.

...Что тут вздор, а что истина, выяснить удастся не скоро. Во всяком случае, любопытно то, что у этого мира, кажется, много общего с миром Хольгера, так что они не могут не иметь каких-то связей. Очевидно, время от времени они как-то пересекаются, кто-то проваливается в параллельный мир, а потом возвращается с рассказами, которые затем превращаются в легенды и мифы. Выходит, здесь родина чудовищ из мифов? М-да... Вообразив себе некоторых из них, Хольгер от всего сердца пожелал себе, чтобы эта догадка не подтвердилась.

Встреча с огнедышащим драконом или с великаном о трех головах – как бы они ни были интересны с точки зрения зоологии – вовсе его не устраивала.

– Ну и вот еще что, – сказал Хуги. – Крест свой нательный, если ты его носишь, и оружие железное придется тебе оставить за воротами. И молитв в замке нельзя читать. Господа из Фейери, конечно, против них бессильны, однако, коли ты к ним прибегнешь, они отомстят и способ отыщут, чтобы на тебя злые чары наслать.

Атеистам, кажется, здесь делать нечего. Хольгер был крещен в лютеранской церкви, но уже много лет не переступал порог храма.

Хуги продолжал болтать без умолку. Хольгер из вежливости поддакивал. В конце концов их беседа вылилась в обмен анекдотами, и Хольгер выложил все плоские остроты, какие смог припомнить. Хуги рычал от смеха.

На берегу живописного ручья они остановились пообедать. Хольгер сел на камень. Хуги неожиданно положил ему на плечо руку и сказал:

– Сэр рыцарь! Я хотел бы, если ты не против, кое-что тебе посоветовать.

Итак, тактика Хольгера увенчалась успехом.

– С удовольствием воспользуюсь твоим советом, – ответил он.

– Я все думаю, как тебе быть. Может, ехать в Фейери, как насоветовала ведьма, а может, побыстрее повернуть в обратную сторону? И ничего путного придумать не могу. Только одно: знаю я в здешнем лесу кое-кого, кто поумнее меня и кому все слухи-новости ведомы...

– Ты хочешь устроить мне с ним встречу?

– С ней, а не с ним. Первого встречного я бы, понятно, к ней не повел, в головах у них одна только похоть, а ей это не по душе. Ты – другое дело... Да! Проведу тебя к ней!

– Спасибо, друг. Может, и я когда-нибудь смогу тебе услужить.

– Пустяки, – буркнул Хуги. – Ты вот что... При ней будь поделикатнее, что ли...

Глава 4

Они повернули на север. Хуги разоткровенничался и теперь угощал Хольгера бесконечными воспоминаниями о своих амурах с женщинами своего народа. Хольгер слушал вполуха, изображая восхищение, которого подвиги Хуги, несомненно, заслуживали бы, будь они правдой хотя бы наполовину.

Дорога пошла вверх, лес поредел. По сторонам открывались поляны, залитые солнцем, напоенные ароматом полевых цветов, между деревьями дыбились серые валуны, порой лес расступался, и открывался вид на синеющие вдали горы. Тропу то и дело пересекали ручейки, со звоном бегущие в долину, украшенные миниатюрными радугами на перепадах. С ветвей, как изумрудные молнии, срывались зимородки, высоко в небе парили ястребы и орлы, гомон диких гусей доносился из озерного камыша. Мелькнул заяц, тропу пересек олень, в кустарнике фыркала медвежья парочка. Светлые тени белых облаков бежали, как волны, по цветущим лугам, ветерок освежал лицо. Путешествовать по этому краю было подлинным наслаждением. Даже тяжеловесная рыцарская экипировка уже не казалась Хольгеру обременительной и дурацкой.

А из глубин его подсознания всплывали туманные воспоминания о том, что в этих местах он когда-то уже бывал. Может, это напомнило ему Альпы? Пожалуй, нет. Высокогорные луга в Норвегии? Тоже нет. И дело, кажется, не во внешнем сходстве. Он бывал именно здесь! Но эта мысль была настолько дикой, что он постарался отбросить ее.

И все-таки если переход в этот мир вооружил его знанием неизвестного языка, то не исключено, что его мозг может выкинуть и другие штуки. А может, в его теле просто оказалось чужое сознание? Он внимательно осмотрел свои ладони, крепкие длинные пальцы, ощупал нос, горбинку на котором оставил ему на память тот великий день, когда они разнесли команду Политеха (счет 38: 24). Нет, он – это он. И, кстати, весьма нуждается в бритве.

Солнце уже клонилось к закату, когда они выехали на пологий берег обширного озера. Из камышей поднялась в воздух стая диких уток.

– Туточки, – сказал Хуги. – Уф! Мой бедный-бедный зад. – Он спрыгнул с коня и потерял ягодицы.

Хольгер спешил. Стреноживать верного, как пес, Папиллона не было надобности, он только перебросил поводья на луку седла. Жеребец потянулся к сочной траве.

– Надо ее подождать, – пробурчал Хуги. – У нее здесь гнездо. А коли ждать, быстрее получится, если промочить горло.

Хольгер извлек из мешка еще одну флягу.

– Ты мне так и не рассказал, кто она?

– Алианора-то? Дева она, лебедь, – ответил гном и сделал огромный глоток. – Летает себе по лесам и собирает наши слухи да новости – кто шепнет, кто крикнет. Мы тут все ее любим. Уф! Может, ведьма из старой Герды и никакая, но пиво у нее – как ни у кого другого.

Папиллон заржал. Хольгер резко обернулся и увидел гибкое пятнистое тело, быстро скользящее к озеру. Леопард!

Мгновение – и он, уже готовый к сражению, сжимал в руке меч.

– Не надо! Не надо! – Хуги попытался схватить его за руку. – Он мирный. Он не нападет, если его не трогать.

Леопард застыл и устремил на них холодный желтый взгляд. Хольгер вернул меч в ножны. Над головой зашумели большие крылья.

– Она, она! – радостно закричал Хуги и принялся прыгать и размахивать руками. – Э-ге-гей! Давай сюда, к нам!

С неба упал лебедь. Такой огромной птицы Хольгер еще никогда не видел. Лучи солнца золотили красивое оперение.

Хольгер неуверенно шагнул вперед, чтобы представиться, как принято в подобных случаях. Птица взмахнула крыльями и отлетела в сторону.

– Не бойся, Алианора, не бойся! – Хуги выбежал вперед. – Это страсть какой благородный рыцарь, он хочет только кое-что у тебя спросить.

Лебедь восторженно вытянул шею, раскинул крылья и поднялся во весь рост. И – боже! – тело прямо на глазах стало удлиняться, шея – укорачиваться, крылья – утончаться... Хольгер перекрестился.

И вот вместо лебедя перед ним стоит женщина!

Нет – девушка! Не старше восемнадцати лет: стройная и высокая, загорелая, с каштановыми волосами, свободно падающими на плечи, большими серыми глазами, нежным ртом и россыпью редких веснушек на вздернутом носике – загляденье! Хольгер понял, что нужно делать: он расстегнул шлем, снял его, сдернул шапочку и поклонился.

Она робко шагнула ему навстречу. Ее длинные ресницы дрогнули. Весь ее наряд состоял из короткой туники, сшитой, казалось, из невесомых перьев и плотно облегающей тело. Босые ступни тонули в траве.

– Стало быть, это ты, Хуги, – произнесла она. В ее низком контральто звучали те же, что и у Хуги, гортанные нотки. – Привет тебе. И тебе привет, сэр рыцарь, друг моего друга.

Леопард подошел к ней, сел и подозрительно воззрился на Хольгера. Алианора улыбнулась и потрепала его по шее. Он потерся мордой о ее колено и заурчал, как дизельный двигатель.

– Этого длинного молодца звать сэром Хольгером, – объявил Хуги важно. – А ты, сэр рыцарь, понятное дело, видишь перед собой деву-лебедь. А потому пора подкрепиться. – И гном вновь приложился к фляге.

– Гм! – Хольгер не знал, что говорить. – Для меня счастье познакомиться с тобой, благородная госпожа.

Девушка явно продолжала его опасаться, и Хольгер решил, что следует вести себя как можно более учтиво и осторожно.

– О нет, – улыбнулась она. – Это для меня счастье. Не часто я встречаюсь с людьми, а тем более с такими мужественными воинами.

Она не кокетничала – только соревновалась с ним в галантности.

– Так будем мы ужинать или нет? – подал голос Хуги. – У меня кишка к кишке прилипает.

Они расположились на траве. Алианора грызла черный хлеб с таким же, как и гном, удовольствием. Ели молча. Солнце уже падало за лес, и тени стали такими длинными, словно старались дотянуться до противоположного горизонта. Когда все было съедено, Алианора обратилась к Хольгеру:

– Один человек ищет тебя, сэр рыцарь. Сарацин. Он твой друг?

– Что?.. Сарацин? – растерялся Хольгер. – Пожалуй... Я прибыл издалека и никого здесь не знаю... Ты, верно, ошиблась...

– Может быть, – улыбнулась Алианора. – А что привело тебя ко мне?

Хольгер кратко рассказал об истории с ведьмой и своих затруднениях. Девушка нахмурилась.

– Ты полагаешь, что мне лучше не встречаться с герцогом Альфриком?

– Этого я не сказала. В Фейери я никого не знаю. Кое с кем из Срединного Мира я знакома, но с теми, кто попроще, – с домовыми, кобольдами и несколькими русалками.

Хольгер почесал затылок. Опять двадцать пять! Едва только он сумел убедить себя, что он в своем уме, что ситуация, в которой он тут очутился, хоть и выглядит фантастической, но

все же может быть научно объяснена, как они опять за свое: плетут о сверхъестественном с таким видом, словно говорят о соседе по лестничной площадке.

Хотя... Может быть, оно и впрямь по соседству с этой поляной! Ладно! Разве он не видел собственными глазами, как полчаса назад лебедь стал человеком?

Его смятение осталось незамеченным, но от этого он почему-то почувствовал себя чудовищно одиноким. Нет, не нужно проклятий. Или рыданий. Благоразумие – прежде всего. Он помедлил и спросил:

– Не могла бы ты подробнее рассказать мне о сарацине?

– Ах, о нем... – Девушка, не отрываясь, наблюдала за полыхающей на закате гладью озера. В воздухе носились ласточки. – Сама я не видела его, но лес полон разговоров о нем. Кроты бормочут в своих норах, шепчутся барсуки, зимородки и вороны кричат об этом повсюду. Вот я и узнала, что уже не одну неделю кочует по здешним местам одинокий рыцарь, судя по оружию и внешности – сарацин. И всех спрашивает о христианском рыцаре. Никто не знает, зачем он ищет его, только тот в его описаниях похож на тебя: гигант со светлыми волосами, верхом на черном коне, и герб у него... – Она взглянула на Папиллона. – Твой щит в чехле. Герб, о котором он говорит, – это три сердца и три льва.

Хольгер вздрогнул.

– Но я не знаю никакого сарацина! – воскликнул он. – Вообще никого здесь не знаю. Я попал сюда из таких дальних мест, о которых вы не имеете и представления...

– Может, это враг, ищущий твоей смерти? – с интересом полюбопытствовал Хуги.

– Я сказал, что не знаю его! – с раздражением воскликнул Хольгер и спохватился: – Извините... Я не в своей тарелке...

Алианора тихо рассмеялась:

– Не в своей тарелке? Как смешно!

Хольгер отметил про себя, что банальности его мира могут сходить здесь за острословие.

Однако вернемся к сарацину. Кто он такой, черт побери?! Единственным мусульманином, с которым Карлсен был знаком, был когда-то его сокурсник – робкий, маленький сириец в больших очках. Этот «сарацин» не пустится на его поиски, тем более напялив на голову консервную банку.

Важно, что его, Хольгера, путают с кем-то, у кого такой же конь и похожая внешность. И это может грозить неприятностями. Так что лучше держаться от сарацина подальше.

– Решено. Я еду в Фейери, – заявил он.

– Решено? – глухо переспросила Алианора. – А на чьей ты стороне – Хаоса или Порядка? Хольгер пожал плечами.

– Ответь, – настаивала она. – Я не умею предавать.

– Порядка, я полагаю, – подумав, ответил он. – Хотя что он здесь означает?

– Я почувствовала, – сказала Алианора. – Я ведь тоже из человеческого рода. И хотя сторонники Порядка порой и пьяницы, и невежи, но их дело все равно ближе мне, чем дело Хаоса. Я тоже решила – я еду с тобой, сэр рыцарь. Возможно, я принесу тебе пользу.

Хольгер собрался возразить, но она решительно подняла тонкую руку:

– Нет-нет, решено. Это не так уж опасно для меня: я умею летать.

Спускалась ночь, звездная и росистая. Хольгер снял с Папиллона попону и расстелил на земле. Алианора заявила, что будет спать на дереве, и удалилась. Хольгер лег. Звезды мерцали над головой. Он узнал знакомые созвездия: над ним было летнее небо Северной Европы. Однако сколько отсюда миль до его дома? И разве это расстояние можно измерить в милях?

Тут он вспомнил, как перекрестился, когда увидел перевоплощение Алианоры. Почему он сделал это – впервые в жизни? Поддался наваждению Средневековья? Или это еще один из подарков неведомой силы, научившей его неизвестному языку и умению ездить верхом?.. Непостижимый мир, непостижимый путь...

Здесь не было комаров. Спасибо и на том. Хотя, как напоминание о доме, их можно было бы и потерпеть... Он повернулся и заснул.

Глава 5

Рано утром они пустились в путь уже втроем: Хольгер и Хуги верхом на Папиллоне, а над ними – превратившаяся в лебедя Алианора. Она то летела над их головами, то взмывала высоко вверх и кружила в небе, то исчезала далеко впереди за кронами деревьев, чтобы через минуту вновь показаться в небе над ними. Поднималось солнце, поднималось настроение у Хольгера. По крайней мере, теперь у него были цель и неплохая компания.

Продвигаясь все дальше к востоку, к полудню они достигли самой высшей точки. Это была дикая, продуваемая всеми ветрами местность, усеянная острыми скалами, между которыми шумели водопады. Трава здесь была жесткой и редкой, а деревья – корявыми и низкорослыми. Хольгер осмотрел горизонт, и ему показалось, что на востоке разлита в воздухе какая-то странная темнота.

Тут Хуги затянул хриплым голосом песенку, изобилующую непристойностями. Не желая остаться в долгу, Хольгер в ответ спел «Шотландского старьевщика» и «Бастард – король Англии», на ходу переводя их с легкостью, изумившей его самого. Карлик рычал от смеха. Когда Хольгер, войдя во вкус, начал петь «Трех ювелиров», сверху упала тень. Он поднял голову и увидел, что лебедь, с интересом прислушиваясь, парит над ними. Слова песенки, предназначенной отнюдь не для девичьих ушей, застряли у него в горле.

– Эй, давай дальше! – пнул его Хуги. – Песенка что надо! Ха!

– Я... забыл, что дальше, – промямлил Хольгер. Он ужаснулся, представив, как посмотрит в глаза Алианоре, когда они остановятся на привал. Вскоре они действительно расположились на круглой полянке под скалой, в основании которой темнел заросший кустарником вход в пещеру. И девушка, вновь в человеческом облике, подошла к нему летящей походкой...

– Дорога с тобой, сэр Хольгер, полна музыки, – улыбнулась она.

– Э-э-э... благодарю... – буркнул он.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты вспомнил, что же приключилось дальше с этими золотых дел мастерами, – сказала она. – С твоей стороны просто жестоко оставить их на крыше.

Он искоса взглянул на нее и не увидел насмешки – только живой интерес. Понятно, в каком деликатном окружении она здесь росла... Но смелости допеть песенку до конца у него, конечно, не хватит.

– Я постараюсь вспомнить, – соврал он.

Вдруг кусты затрещали, и из пещеры вывалилось странное существо. С первого взгляда Хольгер решил, что перед ним какой-то безобразный мутант, но, присмотревшись, понял, что видит вполне нормального представителя еще одной здешней гуманоидной расы. Существо было несколько выше Хуги и значительно шире. Мощные руки свисали до колен. Голова была большой и круглой, с плоским носом, острыми ушами и словно прорезанным бритвой ртом. На серой коже не росло ни единого волоска.

– Ах, это Унрих! – воскликнула Алианора. – Я и не знала, что ты забираешься так высоко в горы.

– Ха! Труды наши ведут нас, – отвечал Унрих, оглядывая Хольгера пристальным взглядом круглых глаз. Из одежды на нем был только кожаный фартук. В руке он держал молоток. – Мы новую штольню бьем. Золото тут лежит, в оной горе.

– Унрих – гном, – объяснила Алианора. – Нас когда-то познакомили барсуки.

Вновь прибывший жаждал, конечно, услышать новости. Хольгеру пришлось рассказать свою историю с самого начала.

Выслушав его, гном сердито сплюнул.

– К замку тому, куда вы спешите, мало кто приязнь питает, – сказал он. – А ныне особенно, когда Срединный Мир орды свои сзывает.

– Что верно, то верно, – поддакнул Хуги. – Хлеба-соли в Альфриковом замке не жди.

– Слышал я, что эльфы и тролли временный союз заключили. А когда кланы оные воедино сбиваются, тут жди чего-то великого.

Алианора нахмурилась.

– Мне это не нравится, – сказала она. – Я тоже слышала, что черные маги без всякой опаски нарушают границы империи и ведут себя так, будто бастион Порядка уже рухнул и препон для Хаоса нет.

– Бастион наш – святое зачатие, на Кортану наложенное, – подхватил гном. – Только ныне меч оный погребенный покоится в месте тайном и недоступном. А ежели его и отыскать, то кто же тогда его поднять на врага сможет?

Откуда Хольгеру знакомо это имя – Кортана? Унрих полез в карман фартука и, к изумлению датчанина, достал грубо вырезанную трубку и мешочек с чем-то очень похожим на табак. Ударив несколько раз куском кремня о железо, он высек огонь и глубоко затянулся. Хольгер проглотил слюну.

– Опять эти твои фокусы с глотанием дыма, – пробурчал Хуги.

– А мне нравится, – степенно ответил необычный гном.

– И правильно, – не выдержал Хольгер и процитировал: – «Женщина – всего только женщина, а хорошая сигара – это ритуал».

– Никогда не видела, чтобы люди подражали демонам в этом, – подняла брови Алианора.

– Одолжи мне трубку, – попросил Хольгер гнома. – И я покажу.

Тот скрылся в пещере и через минуту вернулся с большой вересковой трубкой. Хольгер набил ее, высек огонь и с наслаждением затянулся. Зелье было до чертиков крепким, но не хуже того, что курили в Дании во время войны. Хуги и Унрих захохотали. Алианора прыснула.

– Сколько ты хочешь за это? – спросил Хольгер. – Есть у меня епанча, так я готов поменять ее на эту трубку с кресалом и кисет табака.

– Идет, – поспешно кивнул Унрих. Хольгер понял, что продешевил.

– По справедливости, ты мог бы добавить немного еды, – вмешалась Алианора.

– Ежели просишь об этом ты... – Унрих снова исчез в пещере.

– Вы, люди, непрактичная раса, – вздохнула Алианора.

И вот они снова в пути, разбогатевшие на несколько караваев хлеба, голову сыра и кусок ветчины.

Местность становилась все более дикой и мрачной. Странная темнота на востоке приближалась.

К вечеру они достигли соснового бора и остановились. Алианора рьяно взялась за сооружение шалаша. Хуги занялся ужином. Хольгер оказался не у дел. Впрочем, наблюдать за хлопотами девушки тоже было занятием, и не самым неприятным.

– Утром, – сказала она, когда опустились сумерки и путешественники уселись вокруг костра, – мы войдем в Фейери. И положимся на судьбу.

– А почему там, на востоке, такая темень? – спросил наконец Хольгер.

Алианора взглянула на него с удивлением.

– Воистину прибыл ты издалека, или кто-то наложил на твою память заклятие, – ответила она. – Всем известно, что фарисеи не выносят дневного света и потому царит у них вечный сумрак. – Ее лицо в свете костра сияло молодостью и красотой. – И если когда-нибудь победит Хаос, то этот сумрак на весь мир разойдется, и тогда никому не видать ни солнца, ни зеленой листвы, ни даже маленького цветка. Вижу, что ты и впрямь на стороне Порядка. – Она задумалась. – Но и в Фейери предивные красоты имеются.

Хольгер смотрел на нее сквозь языки пламени. Огонь искрами вспыхивал в ее глазах, сиял на волосах матовым блеском и рисовал тенями мягкие линии ее фигуры.

– Не хочу совать свой нос в чужие дела, – произнес он, – но мне все же непонятно, почему такая красивая девушка живет в дикой глуши среди... среди чужих ей племен.

– О, в этом нет тайны, – отвечала она, глядя в огонь. – Гномы нашли меня в лесу еще младенцем. Наверно, я была дочерью какого-нибудь переселенца, и меня украли разбойники. В этих краях это обычное дело. Видимо, они хотели вырастить из меня служанку, только раздумали и бросили в чащу. Тогда гномы и лесные звери взялись за мое воспитание. Они были добрыми и мудрыми учителями и многому меня научили. А когда я выросла, они подарили мне этот наряд лебедя, который когда-то принадлежал валькирии. Благодаря его свойствам я, хоть и рождена человеком, могу превращаться в птицу, а потому чувствую себя в безопасности. Меня не прельщают дымные человеческие селения. Здесь у меня друзья и чистое небо. Вот и все.

Хольгер кивнул.

– А теперь ты расскажи о себе, – продолжала Алианора. – Где находится твой дом, как ты попал сюда, миновав и Срединный Мир, и земли людей. Это странно...

– Я сам желал бы это знать, – отвечал Хольгер. В какой-то миг ему захотелось рассказать ей о себе все, но осторожность взяла верх. Скорее всего, она ничего не поймет. – Думаю, кто-то навел на меня чары. Я жил так далеко, что и слухом не слыхивал о ваших землях. И вдруг в одно мгновение что-то перенесло меня к вам.

– Как называется твоя страна?

– Дания.

К его удивлению, она воскликнула:

– Я слышала о твоём королевстве! Хотя оно от нас далеко, но идет о нем добрая слава. Христианская это страна, и лежит она на севере империи.

– Э-э-э... Вряд ли это та самая Дания... Моя Дания находится... Находится... – Ему не хотелось врать ей в глаза.

– Кажется мне, что ты что-то скрываешь, – покачала она головой. – Что ж, воля твоя. Тут, в пограничье, не очень-то любопытничают. – Она зевнула. – Будем спать?

Ночь была свежей, и, заснув, она прижалась к Хольгеру, пытаясь согреться. Юноша почти не спал, стуча зубами от холода и прислушиваясь к ее ровному дыханию. Невинный ребенок! Если случится так, что он не найдет дороги обратно...

Глава 6

Утром они двинулись дальше. Теперь дорога пошла под уклон, и Папиллон прибавил шаг. Хуги охал, когда копыта коня сбивали в бездну, над которой они мчались, шаткие валуны. Алианора кружила высоко в небе. Она нашла себе забаву, от которой у Хольгера кровь стыла в жилах: зависнув в воздухе, она меняла облик на человеческий, а потом, в стремительном падении вниз, в последний момент вновь превращалась в лебедя. Правда, теперь у Хольгера была трубка, а значит, было чем успокоить нервы.

Дорога шла по сосновому бору, когда вдруг стало темно. С каждым шагом полумрак становился все гуще и плотнее, и путешественникам приходилось преодолевать странное сопротивление, как будто они двигались под водой. У Хольгера мурашки побежали по коже при мысли о том, что если так пойдет дальше, то вскоре они очутятся в полной тьме посреди мира, кишящего оборотнями, троллями и еще бог весть какой нечистью. Его опасения рассеялись, когда, спустившись ниже, они выехали из леса и оказались в просторной долине. Здесь тоже не было солнца, но воздух был прозрачным и теплым. Повеяло ароматом цветов. Высокие травы колыхались под ветром. Хуги кашлянул и сказал:

– Вот мы и в Фейери.

Хольгер внимательно осмотрелся. Отсутствие солнца или иного видимого источника света на небе густого вечернего синего цвета создавало ощущение, что они попали в подводное царство. Среди высокой бледно-зеленой с серебристым отливом травы сверкали, как звезды, большие белые цветы.

«Асфodelи», – подумал Хольгер, в который раз удивляясь своим неожиданным познаниям.

Тут и там цвели кусты белых роз. То группами, то поодиночке по долине были рассеяны деревья – стройные и высокие, с молочно-белыми стволами и такими же, как травы, бледно-зелеными листьями. Листья тихо звенели под порывами ветерка. Неподалеку струился ручей – не журчал, как обычный ручей, а в подлинном смысле слова вызванивал какую-то затейливую мелодию. Над водой стояла дымка, в которой играли цветные сполохи – белые, зеленые и голубые.

Папиллон фыркнул и заржал. Ему здесь не нравилось.

«Я уже видел это, – подумал Хольгер. – Именно эту холодную, спокойную синеву над бледными деревьями и плавной линией холмов. Но где и когда? В каком краю еще так звенят листья и поет ручей? Может быть, однажды белой ночью в Дании, еще до войны? Не знаю. Не помню...»

Они медленно продвигались вперед. В этом вечернем мире, лишенном теней, застыло, казалось, и само время: ландшафт менялся, но оставался неизменным; они ехали вперед, но оставались на месте... Вдруг лебедь камнем упал вниз, забил крыльями и превратился в Алианору.

– Я видела рыцаря, он скачет нам навстречу! – испуганно выдохнула она.

У Хольгера сжалось сердце. Но он постарался сказать как можно более небрежно:

– Отлично. Посмотрим.

Незнакомец выехал из-за холма. Под ним танцевал снежно-белый конь с длинной гривой и круто выгнутой шеей. Хольгеру он показался каким-то странным: слишком длинные ноги, слишком маленькая голова. Всадник был закован в черные латы. Забрало шлема опущено, оперение из белых перьев развевалось на ветру. Щит тоже черный, без герба. Незнакомец остановился, поджидая Хольгера.

Когда датчанин приблизился, всадник опустил копье и произнес:

– Стой и отвечай.

Голос его звучал, как из бочки. Хольгер натянул поводья.

– Я еду от ведьмы, которую зовут Мать Герда, с известиями для герцога Альфрика.

– Прежде всего я хочу видеть твой герб, – произнес всадник. – Никто не въезжает сюда тайно.

Хольгер пожал плечами, снял с седла щит и взял его в левую руку. Хуги стащил чехол. Увидев герб, рыцарь пришпорил коня и ринулся на Хольгера.

– Защищайся! – завизжал Хуги.

Папиллон отпрыгнул, всадник пронесся мимо. Остановив коня, он развернулся для новой атаки. Хольгер, подчиняясь неведомой силе, поднял, как во сне, копье, закрылся щитом и уперся ногами в стремя. Черный всадник помчался прямо на него. Наконечник его копья был нацелен в грудь Хольгеру.

Они столкнулись с лязгом и грохотом. Эхо прокатилось по холмам. Нижним краем щит больно въехал Хольгеру в живот, но зато его копье каким-то чудом угодило противнику в голову. Незнакомец вылетел из седла.

Однако он тут же вскочил с ловкостью, невероятной для человека в тяжелых латах. Свистнул меч, вынутый из ножен. На размышления времени не было, и Хольгер предоставил своему телу свободу. А оно, казалось, соскучилось по таким поединкам. Хольгер выхватил меч, ловко отразил удар и обрушил клинок на пернатый шлем. Противник пошатнулся, но устоял.

Меч создан для пешего боя, и потому Хольгер спрыгнул с коня, но, зацепившись шпорой за стремя, упал и опрокинулся на спину. Черный рыцарь бросился к нему. Хольгер ударил его обеими ногами – тот отлетел. Оба вскочили на ноги одновременно. Зазвенели мечи. Хольгер пытался попасть клинком в щель в доспехах. Его противник метил в незащищенные ноги. Предупредив низкий секущий удар, Хольгер выбил меч из руки врага. Тот мгновенно выхватил кинжал и снова бросился в атаку.

Широким мечом неудобно наносить колющие удары, но Хольгер изловчился и вонзил острое в узкую щель между шлемом и железным воротником. Брызнули искры. Металлическая фигура пошатнулась, медленно опустилась на колени и с лязгом рухнула на траву.

Хольгер ошалело потряс гудящей, как колокол, головой. Белый конь галопом мчался на восток.

«С докладом к герцогу», – подумал он.

Хуги с ликующими криками заплясал вокруг лежащего врага, а Алианора повисла на шее у Хольгера. Она смеялась, и плакала, и восклицала, какой он могучий рыцарь и как он велик в бою.

«Это я-то? – подумал он. – Нет, это не я. Я ни черта не смыслю в поединке на копьях. Но кто же тогда провел за меня этот бой?»

Алианора склонилась над поверженным рыцарем.

– Крови не видно, – сказала она испуганно. – Но он наверняка мертв, потому что для фарисеев рана, нанесенная железом, смертельна.

Тем временем Хольгер пытался проанализировать бой. Во-первых, спешиваться было нельзя. Коня можно было использовать с большей для себя выгодой. Кстати, почему жителей Фейери зовут фарисеями? Какое отношение они имеют к библейским фарисеям? Во-вторых, что они здесь используют вместо стали? Алюминиевые сплавы? Можно ли с помощью магии добывать из бокситов алюминий? Или они предпочитают сплавы бериллия, магния, меди, никеля, хрома?.. Мысль о чернокнижнике-эльфе, сидящем за спектро스코пом, заставила его рассмеяться и окончательно прийти в себя.

– Ну что ж! – весело воскликнул он. – Посмотрим, кто ты такой!

Он опустил на колени и откинул забрало шлема. Внутри ничего не было. Черная пустота.

Глава 7

Фейери казалась необитаемой: вокруг только леса и луга, не знавшие плуга. Хольгер спросил, чем занимаются здешние жители, и Хуги с готовностью ответил, что в основном они маги и ратники и пропитание себе частью выколдовывают, а частью берут данью из других стран Срединного Мира. Кроме того, любят они охоту на диких зверей. А обслуга у них – кобольды, гоблины и другие второсортные расы. Болезни и старость им неведомы, однако нет у них и души.

Хольгер вспомнил о пустых доспехах, лежащих в траве среди асфodelей, и содрогнулся. Нет, если он не хочет сойти здесь с ума, надо попробовать вникнуть в природные законы этого мира.

Здесь такие же звезды на небе, значит перенос обошелся без космических путешествий. Законы физики и химии здесь, кажется, те же, однако они как-то сосуществуют с силами магии. Магия – что это такое? Допустим, это способность управлять материей с помощью энергии мысли. На Земле такие вещи известны: телепатия, телекинез и тому подобное. Но в этом мире ментальные силы, кажется, главенствуют над природными... Что же из этого следует? Неизвестно.

Все-таки главное для него сейчас – понять, где он. Может быть, он оказался в прошлом Земли? Или это другая Земля, расположенная в той же точке пространства и времени. Но два объекта, одновременно занимающие один и тот же объем?.. Может, это не только другая Земля, но и другая галактика? Вполне возможно и это. Но раз он сюда попал, между ними есть какая-то связь... Какая?

Нет, главное для него – выжить, тем более что кто-то определенно хочет смерти человека, носящего герб с тремя львами и тремя сердцами.

Вскоре они увидели замок. Белые стены поднимались на головокружительную высоту, остроконечные крыши венчали изящные маковки. Замок был точно из хрусталя: таким хрупким казался резной ажурный камень. Однако, приблизившись, Хольгер увидел, что при всей своей красоте это надежная крепость: стены массивны, а вокруг холма, на котором она стоит, вырыт глубокий ров. И – удивительно! – по рву несея стремительный прозрачный поток, не имевший видимых источников.

В отдалении виднелся еще один высокий холм, поросший розовыми кустами. Над его вершиной висела шапка тумана.

– Холм эльфов, – кивнул на него Хуги. – В его нутре эльфы свои нечестивые хороводы кружат, а при полной луне, бывает, безобразничают и снаружи.

Поодаль, за холмами, темнела стена густого леса.

– А там, в мрачной пуще, фарисеи охотятся на грифов да на мантикор.

Со стен замка звонко пропели трубы.

«Увидели нас», – подумал Хольгер и положил руку на рукоять меча.

Алианора спикировала вниз и приняла человеческий облик.

– Ты, Алианора, и ты, Хуги... – сказал Хольгер. – Вы меня проводили, и я вам благодарен. Однако теперь вам лучше вернуться...

– Нет, – решительно возразила Алианора. – Нет. Может быть, мы тебе еще пригодимся.

– Кто я вам? – попробовал убедить ее Хольгер. – Вы мне ничего не должны, а я и так уже ваш вечный должник.

– У меня предчувствие, – тихо сказала она. – Я уверена, что тебе выпал особенный жребий, и потому я должна остаться с тобой.

– Я тоже, – буркнул Хуги без особого восторга. – Спросите кого хотите, и вам скажут, что Хуги никогда не праздновал труса.

Больше Хольгер не настаивал. Свой долг он исполнил: они могли отступить, но не сделали этого. И, честное слово, он очень рад, что не сделали.

Ворота замка открылись. Опустился мост. Снова пропели трубы. Показался отряд всадников: штандарты и флаги, гербы и оперение на шлемах, щетина копий, поднятых в небо. Всадники Фейери. Хольгер сжал копьё.

В сумрачном свете яркие краски нарядов, казалось, светились: тлело золото, мерцал пурпур, фосфоресцировала изумрудом зелень. Часть рыцарей была облачена в кольчуги с причудливой гравировкой, другие красовались в пышных нарядах и коронах. Всех без исключения отличали высокий рост и странная плавная грация. Печать надменности лежала на лицах с высокими скулами. Белая кожа, длинные голубоватые волосы, у большинства – борода и усы. Когда они подъехали, Хольгер решил, что это племя слепых: в их глазах цвета лазури не было зрачков. Но вскоре он убедился, что зрение у них не хуже, чем у него.

Предводитель отряда остановил коня и легко поклонился.

– Привет тебе, рыцарь, – произнес он. Его речь звучала как пение. – Мое имя Альфрик. Я герцог Альфарланда в королевстве Фейери. К нам редко жалуют смертные гости.

– Привет тебе, герцог Альфрик, – отвечал Хольгер. – Меня послала к тебе ведьма по имени Мать Герда, верная, как я понял, служанка твоей милости. Только твоя мудрость, сказала она, сможет ответить на мучающие меня вопросы. Вот я и прибыл сюда, чтобы просить тебя о благосклонности и помощи.

– Я все понял и рад тебе, – пропел герцог. – Ты и слуги твои – мои гости. Располагайтесь и живите, сколько вам будет угодно. А я приложу все старания, чтобы в силу своих скромных возможностей помочь славному рыцарю в его затруднениях.

Хольгер не сомневался, что существо, атаковавшее его на границе Фейери, состояло на службе у герцога. Три сердца и три льва не пользовались здесь любовью. Оставался вопрос: догадывается ли Альфрик, что перед ним не тот, кого ему нужно убить?

– Благодарю тебя, твоя милость, – отвечал он.

– С болью в сердце должен просить тебя, – учтиво продолжал Альфрик, – чтобы оставил ты за стенами замка железо и крест – о прискорбная слабость моей расы! Но не опасайся: взамен тебе выдадут иное оружие.

– В твоём замке, о герцог, гостю нечего опасаться, – продолжал упражняться в учтивости Хольгер.

– Я позабочусь о твоём оружии, Хольгер, – вступила в разговор Алианора. – Я останусь снаружи.

Красивые лица повернулись к ней.

– О, это та дева-лебедь, о которой мы столько слышали, – воскликнул герцог. – Нет-нет, прекрасная дева, плохим я буду хозяином, если не окажу тебе достойного гостеприимства.

Она покачала головой. Альфрик поднял брови:

– Ты отказываешься от приглашения?

– Отказываюсь, – отрезала Алианора.

– Я тоже останусь, – поспешно вставил Хуги.

– Нет, – возразила она. – Ты пойдешь с сэром Хольгером.

Хуги удрученно вздохнул, но промолчал. Альфрик пожал плечами:

– Что ж, не смею настаивать. – Он вновь повернулся к Хольгеру: – Итак, сэр рыцарь?

Хольгер сошел с коня и снял меч. Папиллон, кося глазом на чужих лошадях, заржал. Алианора взвалила на жеребца амуницию Хольгера и взяла поводья.

– Я буду ждать в лесу, – сухо сказала она.

Хольгер проводил ее долгим взглядом.

Кортеж въехал в замок. Просторный двор украшали деревья, растущие в вазах, слух ласкали звон фонтанов и льющаяся откуда-то музыка, воздух был напоен ароматом роз. Живо-

писной группой стояли у парадных дверей женщины Фейери. У него перехватило дыхание. О! Ради минутного взгляда на них стоило пересечь галактику. Он поклонился, ошеломленный.

Альфрик подозвал маленького зеленого человечка.

– Он проводит тебя в покои, – сказал он Хольгеру. – А потом мы ждем тебя, рыцарь, к обеду.

Хольгер и семенящий за ним Хуги двинулись по лабиринту коридоров. Свет сочился прямо из стен. Проходя мимо распахнутых дверей в залы, Хольгер видел безумную роскошь убранства: все здесь было просто усыпано драгоценными камнями.

«Выколдовывают», – вспомнил он.

Они поднялись по широкой винтовой лестнице, миновали просторный зал и оказались в апартаментах для гостей, состоящих из нескольких комнат. Каждая из них, без сомнения, поразила бы воображение даже автора «Тысячи и одной ночи». Гоблин поклонился им в пояс и ушел.

Хольгер стоял посреди немыслимого великолепия. Переливались, как перламутр, ковры. Стены были облицованы малахитом и яшмой и украшены золототкаными гобеленами. За окном цвел сад. Неподвижным светом горели светильники на потолке. Хуги застыл перед одним из гобеленов: изображения на нем менялись, как в замедленной съемке, разворачивая причудливый и весьма фривольный сюжет.

– Сильная вещь, – оценил Хуги. – И обстановочка не из бедных. Только весь этот замок я, не задумываясь, отдал бы за свой старый дуб. Нечисто здесь.

– Без сомнения, – кивнул Хольгер.

Он прошел в ванную комнату и обнаружил атрибуты цивилизации: проточную воду, мыло, ножницы, бритву и большое зеркало. И хотя все эти предметы имели вид не совсем привычный, он покинул ванную заметно посвежевшим. На широкой кровати в спальне его уже ждало приготовленное кем-то платье: шелковая рубашка с длинными рукавами, пурпурный атласный камзол, карминные панталоны, короткая голубая пелерина, черные бархатные туфли – все прошитое золотой нитью, украшенное драгоценными камнями и отороченное мехом. Наряд сидел на нем как влитой. В углу спальни он обнаружил рыцарское снаряжение, в том числе и меч с круглым эфесом. Альфрик сдержал слово.

– Достоин и пышно предстанешь ты перед дамами, сэр Хольгер, – объявил Хуги. – И, глядишь, кого-то из них покоришь. Они, говорят, против тут не бывают.

– Хотел бы я знать, с какой стати они так любезны, – сказал Хольгер.

– Чего не знаю, того не знаю. Может, они расставляют силки. А может, Альфрику просто приятно тебе угодить. Не поймешь, что тут, в Фейери, у них на уме. Да они, пожалуй, и сами не знают толком, чего хотят.

Появился гоблин и почтительно известил, что обед подан. Хольгер последовал за ним. Вновь лабиринт коридоров, потом какой-то дымчато-голубой зал и, наконец, столовая. Назвать это помещение залом значило бы оскорбить его. Больше всего оно походило на стадион. В центре стоял невероятных размеров стол, рыцари и дамы окружали его, как радуга. Вокруг хлопотали слуги, откуда-то лилась музыка, смех и веселые возгласы витали в воздухе.

Хольгера усадили по левую руку Альфрика, между герцогом и женщиной по имени Мери-вен. Впечатление, которое произвели на него ее лицо и фигура, было таким сильным, что он едва разобрал ее имя. Однако, усевшись, он предпринял мужественную попытку завязать с ней салонную беседу.

Она довольно охотно отвечала на его более чем неуклюжие реплики. Прислушиваясь к разговорам вокруг, Хольгер отметил для себя, что искусство беседы было здесь на высоте: ум, поэтичность, остроумие, цинизм – виртуозное фехтование велось по правилам, которые были для него слишком сложны. Что ж, бессмертным, у которых нет иных забот, кроме охоты, магии

и сражений, свойственно увлекаться софистикой. Каждому свое. Если бы еще у него так не кружилась голова от присутствия Меривен...

– В самом деле, – говорила она, обратив к нему лицо фантастической красоты, – ты отважный человек, рыцарь, коль дерзнул явиться сюда. А какой прекрасный и беспощадный удар нанес ты черному латнику – о, просто чудо!

– Ты видела? – изумился он.

– Да, я наблюдала – в Черном Колодце. Только не спрашивай меня, что это было, шутка или покушение. Молодым мужчинам, сэр Хольгер, не всегда полезно знать слишком много. Капелька сомнения избавляет от лишнего веса, – мелодично рассмеялась она. – Но скажи мне, зачем ты здесь?

– А разве дамам не вредит лишний вес?

– Насмешник! Но я рада, что ты здесь. Ничего, что я так говорю? Не слишком откровенно? Просто мне кажется, что между нами проскочила какая-то искорка...

– Скорее всего, пробежала кошка, – усмехнулся Хольгер.

Она улыбнулась. Хольгер почувствовал себя персонажем шекспировской драмы – с той разницей, что он должен был сочинять остроты сам, а обед, в отличие от запасов его остроумия, грозил никогда не кончиться.

Но в конце концов это произошло, все поднялись из-за стола и перешли в другой зал, который предназначался для танцев и был еще огромнее. К счастью, танцевать Хольгера не заставили.

Как только зазвучала музыка, герцог отозвал его в сторону.

– Не угодно ли пройти со мной, сэр рыцарь? – сказал он. – Нам лучше поговорить в спокойной обстановке и с глазу на глаз. Боюсь, что потом мне будет не просто украсть вас хоть на минутку у наших дам.

Они покинули зал и вышли в сад. В фонтане журчала вода, в кустах распевал соловей. Они неторопливо двинулись по тенистой аллее.

– Итак, в чем твои затруднения, сэр Ольгер? – нарушил молчание герцог.

Хольгер рассказал ему все без утайки. Альфрик внимательно слушал, время от времени переспрашивая и не выказывая ни малейшего удивления. Когда Хольгер умолк, герцог вынул из-за пояса стилет и в задумчивости стал крутить его в руках. Хольгер заметил выгравированную на белом надпись: «Пламенное лезвие».

– Диковинная история, – произнес герцог. – Самая диковинная из всех, какие я когда-либо слышал.

– Но... ты сможешь мне помочь, благородный герцог?

– Не знаю, сэр Ольгер. Не знаю. Да, в пространстве много миров. Волшебники и астрологи давно это знают. Есть упоминания об этом и в некоторых старинных манускриптах... Твой рассказ подтверждает также некоторые мои мысли... Я часто думал о другой Земле, такой, какую описал ты. Возможно, это и есть источник наших легенд и мифов, таких как сказание о Барбароссе или эпосы о Цезаре, Наполеоне и других героях... – Альфрик задумчиво прочитал какие-то латинские стихи. Потом помолчал и продолжил: – Что я могу сделать для тебя, сэр Ольгер, так это вызвать духов, способных дать тебе хороший совет. На это, правда, потребуется известное время, но зато может выйти толк. А пока мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ты не мог упрекнуть нас в негостеприимстве.

– Я доставляю тебе так много хлопот, благородный герцог...

– Ничуть. – Герцог махнул рукой. – Вы, смертные, не можете даже представить себе, какой скучной может быть жизнь, не имеющая конца, и с какой радостью приветствуем мы все, что обещает разнообразие. Но, мне кажется, тебя заждались на танцах. Приятного отдыха.

Он поклонился и ушел. Хольгер остался один. Черт возьми, как он ошибался, опасаясь козней Срединного Мира! Нет, фарисеи – образец человеколюбия! И разве можно отвечать на это чем-то другим?

Он вернулся в танцевальный зал. Меривен порхнула из толпы навстречу и взяла его за руку.

– Сама не знаю, что со мной, сэр рыцарь, – проворковала она, – но, когда ты ушел, не сказав ни слова, мне стало так одиноко...

Волны музыки подхватили Хольгера. Увы, он не умел танцевать изящные церемонные танцы, какие танцевали вокруг, но Меривен мгновенно освоила па фокстрота, и вскоре Хольгер вынужден был признать, что у него никогда не было лучшей партнерши. Время потеряло для него смысл. Бал длился и длился... А потом они убежали в сад и пили вино из сказочного фонтана, и остаток несравненной ночи был блаженством, блаженством, блаженством...

Глава 8

В этой стране утро наступало тогда, когда тебе казалось, что ему пора наступить.

Хольгер спал долго и проснулся в прекрасном настроении. В спальне он находился один. Вошел гoblin, неся поднос с завтраком. Хозяйева прибегли, разумеется, к колдовству, чтобы угодить его вкусам: на подносе не было никакой континентальной ерунды, только добрый американский завтрак: яичница с ветчиной, тосты, гречишное печенье, кофе и апельсиновый сок.

Хуги появился тогда, когда он уже одевался. Выражение лица карлика не предвещало ничего хорошего.

– Где ты был? – спросил Хольгер.

– О, я ночевал там, в саду. Я подумал, что так будет лучше, ибо ты... хм... был занят. – Карлик уселся на стул – бурое пятно на золотом и пурпурном фоне. Он погладил бороду и сообщил: – Знай, что тебя хотят надуть. И мне это не по душе.

– Чепуха, – отмахнулся Хольгер. – Ты пристрастен.

Он вспомнил, что условился сегодня ехать с Меривен на соколиную охоту.

– Они умеют преподнести себя в лучшем виде и заморочить кому хочешь голову вином да прелестными девами, горадыми в услаждении, – пробурчал Хуги. – Только вот приязни между людьми и фарисеями никогда не бывало, а ныне, когда Хаос войной грозит, тем более. И уж если я что говорю, то знаю. Я, покуда в саду лежал, много чего увидел. Ночью на самой высокой башне огонь пыхнул, и демон в дыму умчался. От него такой смрад чернокнижный пошел, что у меня кровь в жилах застыла. А потом другой демон с востока примчался с воем да в той же башне исчез. Сдается мне, герцог на подмогу ужасное чудовище вызвал.

– Вот и отлично, – улыбнулся Хольгер. – Он мне вчера обещал, что сделает это.

– Хаханьки, – бурчал Хуги. – В пасти льва, между прочим, хаханьки. А вот бросят твой труп воронам на поживу, так люди и скажут, что Хуги не предостерег.

Хольгер оставил ворчуна-карлика, вышел из покоев и стал спускаться по лестнице. Возможно, Хуги в чем-то прав. Все это действительно может оказаться красивой ловушкой. Может быть, они хотят усыпить его бдительность и продержат здесь до тех пор, пока не станет поздно...

«Поздно для чего?» – удивился он собственным мыслям.

Нет, вздор. Если бы они пожелали, то давно могли бы проткнуть его стилетом или отравить. Вся его доблесть пока только в том, что он сумел одержать верх над одним из них. Но разве он справится с дюжиной?

Они не условились с Меривен насчет часа свидания – здесь никто, кажется, не считал времени. Хольгер вышел во двор и стал бесцельно слоняться, пока ему не явилась в голову мысль разыскать герцога и расспросить о продвижении своего дела. От раба-кобольда он узнал, что покои хозяина замка находятся на втором этаже северного крыла. Весело насвистывая, он избежал, перепрыгивая через ступени, по высокой лестнице.

Но не успел он одолеть лестницу до конца, как дверь наверху распахнулась и появился герцог в сопровождении какой-то дамы. Хольгер видел ее только мгновение: дверь тотчас же захлопнулась, но этого было довольно, чтобы буквально ошеломить его. Он увидел живую богиню... или просто женщину, немного полнее и выше, чем остальные женщины Фейери... В ее длинных и темных как ночь волосах мерцала золотая диадема... Белое атласное платье ниспадало до пола... Лицо казалось выточенным из слоновой кости... Нос с царственной горбинкой... Надменность в уголках рта... О, герцогу повезло.

Герцог заметил Хольгера. В его глазах вспыхнул гнев, но его тотчас же сменила любезная улыбка.

– Добрый день, сэра Ольгер! Как самочувствие?

– Великолепное, благородный герцог. – Хольгер поклонился. – Надеюсь, и ты в добром здравии?

– Благодарю, да.

– А ты не слишком учтив, рыцарь, – послышалось за спиной Хольгера. – Где ты прятался от меня?

Меривен. Откуда она взялась? Она схватила Хольгера за руку и бесцеремонно потащила за собой:

– Пора на охоту, кони давно готовы! На охоту, рыцарь!

Они чудесно повеселились, пуская соколов, сбивая журавлей, диких павлинов и прочую птичью мелочь. Меривен без умолку болтала, и Хольгер весело хохотал в ответ на остроумные шутки. Но из головы у него не выходила эта женщина – подруга герцога. Он не мог отделаться от ощущения, что знал ее раньше!

Откуда ему известно, что у нее низкий голос и деспотичный нрав? Что порой она нежна, а порой жестока? Что все ее капризы и настроения – только круги на поверхности глубокой и темной воды? Откуда ему это известно?..

– Ты чем-то опечален, мой рыцарь? – Меривен положила руку на плечо Хольгера.

– О нет, только задумался.

– Фи! Как глупо! Всякая мысль – дитя заботы и мать печали. Сейчас мы прогоним ее прочь.

Она сорвала с дерева зеленую ветку, согнула ее в дугу и прошептала несколько слов. Ветка стала арфой. Меривен тронула струны и запела о любви.

Они уже выезжали из леса, когда Меривен схватила его за локоть.

– Смотри! – прошептала она. – Вон там! Видишь? Единорог! О, они редко забредают сюда...

Хольгер увидел, как за стволами деревьев мелькает удивительное и прекрасное животное. У него была белоснежная шерсть, а его рог обвивал побег плюща. Но что это?.. Как будто бы кто-то шествует рядом с ним? Меривен подобралась, как дикая кошка перед прыжком.

– Если нам удастся подкрасться поближе...

Она осторожно пустила коня по ковру из мха. Единорог повернул голову и увидел их. На миг он застыл, но уже в следующее мгновение исчез – только светлая молния мелькнула вдали. Красавица виртуозно выругалась. Хольгер молчал и переваривал увиденное. Померещилось это ему или нет? Рядом с единорогом он увидел Алианору...

– Не повезло, – махнула рукой Меривен. – О, ты огорчился, мой рыцарь? Не стоит. Я соберу друзей, и мы устроим облаву на эту тварь.

Видение Алианоры смутило Хольгера. Она появилась как будто нарочно для того, чтобы напомнить ему об осторожности. И он хотел бы теперь поговорить с Хуги.

– Прости меня, благородная дама, – сказал Хольгер. – Я хотел бы принять ванну перед обедом.

– О, моя ванна достаточно велика для нас обоих. И удобна для кое-каких упражнений.

У Хольгера вспыхнули уши.

– Но я хотел бы еще и вздремнуть немного, – стал отбиваться он. – Я должен быть в хорошей форме к вечеру...

Он удрал прежде, чем она смогла настоять на своем. Хуги был дома и спал, свернувшись калачиком. Хольгер потряс его за плечо.

– Сегодня утром я видел женщину, – нетерпеливо сообщил Хольгер, как только Хуги открыл глаза. – Кто она? – И он подробно описал встречу.

– Хм?.. – Хуги поскреб в затылке. – Сдается мне, что ты выследил саму королеву фей Моргану. Стало быть, это ее вызвал сегодня ночью Альфрик с Авалона. Чую, готовится тут сатанинский шабаш.

Фея Моргана! Конечно это она! Но откуда у него такая уверенность? Хуги упомянул об Авалоне... Откуда известно Хольгеру, что Авалон – остров, на котором поют птицы и цветут розы, сверкают радуги и властвует волшебство?..

– Расскажи мне о ней, – попросил он.

– Ого, уж не решил ли ты за ней приударить? Моргана – не для таких, как ты, и не для таких, как Альфрик. Не задирай голову высоко, а то солнце глаза сожжет или луна разум высосет.

– Я просто хочу понять, зачем она здесь.

– Я о ней сам не слишком-то много знаю. Авалон, например, остров. Он далеко в западном океане лежит, а про запад я знаю лишь то, что в старых легендах сказывается. Говорят, она сестра короля Артура, а тот был у бриттов последним великим королем. Только в ней, мол, и осталась ихняя кровь. Сказывают, что она самая великая ведьма и во всем христианском мире, и среди язычников, и даже в Срединном Мире равных ей нет. Смерти она не боится; капризна и гневлива до крайности. Чью она сторону держит – Хаоса или Порядка, – неведомо. А может, она как есть сама по себе. Говорят еще, что Артура она унесла, когда он лежал раненный до смерти, спрятала, выходила, да еще не настал срок ему в мир возвращаться. Может, все так, а может, и нет. Только для меня в этом радости никакой – оказаться с ней под одной крышей.

«Дело ясное, что дело темное», – подумал Хольгер.

В спальню вошел гоблин.

– Его сиятельство герцог пир для слуг и челяди объявил, – сообщил он. – И ты, лесной гном, тоже туда приглашен.

– Ха! – Хуги поскреб живот. – Благодарен я премного, однако... Нет у меня сегодня здоровья...

Гоблин удивленно поднял брови:

– Вовсе негоже тебе отказываться. Не любит этого герцог.

Хуги и Хольгер обменялись взглядами. Похоже на маневр: Хуги хотят на время устроить. Но отказываться в самом деле нельзя.

– Иди, Хуги, – сказал Хольгер. – Развлекись.

– Да? Ну что ж... ладно... Ты тут без меня это самое...

Хуги и гоблин ушли. Хольгер раскурил трубку и улегся в ванну. Кажется, вокруг него уже сплели паутину. Только без паники. Все равно предпринять ничего не удастся. Пока можно только ждать и делать вид, что ни о чем не подозреваешь. Может, обойдется?

На кровати его опять ждал новый наряд. Он оделся. Пуговицы и пряжки застегивались сами. Едва он посмотрел на себя в зеркале, как круглая дверная ручка превратилась в металлический рог и произнесла:

– Его сиятельство герцог просит у вас позволения войти.

– О! – попятился Хольгер. – П-прошу... п-по-жалуйста.

Рабы, однако, входят без спроса. Своеобразный этикет. Фарисей вошел, на его бледном тонком лице играла улыбка.

– Я с доброй вестью, – сказал он. – Я держал совет со многими. Похоже, у тебя есть шанс на возвращение домой.

– Не знаю, как благодарить тебя, милостивый герцог, – отвечал Хольгер.

– Какое-то время уйдет на сбор ингредиентов, необходимых для магического акта, – продолжал Альфрик. – Так что придется чуть-чуть подождать. Я приглашаю тебя сегодня принять участие в особом развлечении. Состоится пир в холме эльфов.

– О да, я видел этот холм...

Альфрик взял его за локоть:

– Тогда идем? Эти несколько часов будут упоительными. Эльфы знают, как сделать человека счастливым.

Хольгер не чувствовал ни малейшего желания участвовать в оргии, но ответить отказом, конечно, не мог. Они спустились вниз. Во дворе шумел пестрый водоворот: обитатели замка готовились к походу в холм. Альфрик подвел Хольгера к Меривен. Она взяла его под руку и заявила:

– Теперь ты от меня не сбежишь. Идем?

– А остальные?

– Вслед за нами. Мы будем первыми.

Хольгер насторожился. Однако если это ловушка, то Меривен тоже попадет в нее. Выбора нет. Посмотрим.

Процессия потянулась в ворота, через мост и дальше, по лугу, к холму, поросшему розовыми кустами. Хольгер шел впереди. Сзади гарцевали всадники, развевались знамена, музыканты дули в трубы, звенели струны лютен. Рыцари и дамы веселились, пешие танцевали. Вдруг вступила другая музыка. Она лилась со стороны холма, ее томные, сладкие звуки заполнили все существо Хольгера. Он взглянул на Меривен и почувствовал неодолимое влечение к ней. Она улыбнулась и прижалась к нему всем телом. Ветер бросил ему в лицо ее душистые светлые волосы, их запах пьянил, как вино. Холм разверзся. Хольгер увидел волшебное мерцающий свет внутри. Музыка звала.

Вдруг раздался дробный стук копыт. Заржал конь, громко и гневно. Хольгер оглянулся. Со стороны леса мчалась верхом на Папиллоне Алианора, лицо ее было искажено ужасом.

– Нет! – кричала она. – Не ходи туда, Хольгер! Не-е-ет!

Глава 9

За спиной Хольгера разразился проклятиями Альфрик. Свистнула стрела. К счастью, мимо. Хольгер в растерянности остановился.

– В холм! Тащите его в холм! – зарычал герцог.

Меривен вцепилась Хольгеру в руку и потянула к холму. Еще трое фарисеев бросились ей на подмогу. Гнев и ярость захлестнули Хольгера. Он отшвырнул Меривен и шагнул им навстречу. Первого он встретил прямым левым, после которого тот рухнул, как сноп. Правый боковой мгновенно уложил второго. Третий был верхом, и Хольгер попятился. Меривен вцепилась в его плащ. Вне себя от ярости Хольгер схватил ее, поднял над головой и швырнул во всадника. Оба полетели на землю.

Тем временем три конных рыцаря окружили Алианору. Папиллон встал на дыбы, пронзительно заржал и ударом передних копыт свалил одного из врагов на землю. Развернувшись, он укусил коня под другим рыцарем. Бедное животное с ржанием унеслось в степь. Третий попытался ударить Алианору мечом, но она уклонилась и соскользнула на землю.

И попала прямо в объятия фарисея в бархатном камзоле! Он крепко схватил ее и радостно рассмеялся. Но миг – и вместо слабой девушки в его руках бился лебедь.

– О! – вскрикнул он, когда лебедь ударил его клювом в лоб. – Ой! – Удар крылом чуть не сломал ему скулу. – Ох-хо-хо! – завопил он, когда клюв защемил его пальцы. Бросив птицу, он обратился в бегство.

Рыцари окружили Хольгера. Удары сыпались на него со всех сторон. Он угостил ближайшего противника ударом кулака, схватил его меч и заработал им, как ветряная мельница. Меч был легче железного, но острый как бритва. Кто-то попытался ударить его боевым топором. Свободной левой рукой Хольгер перехватил рукоять и вырвал оружие. Теперь он дрался обеими руками.

Папиллон атаковал толпу фарисеев с тыла. Лягаясь, кусаясь и сшибая врагов грудью, он прорвался к хозяину. Нога Хольгера нашла стремя. Он вскочил в седло. Жеребец понес его прочь.

Оглянувшись, Хольгер обнаружил погоню. Скакуны Фейери были резвее Папиллона, так что шансов уйти от погони практически не было. Хольгер отбросил добытое в бою оружие и снял с луки седла собственные щит и меч. К сожалению, на то, чтобы облачиться в доспехи, упакованные во вьюк, времени не было.

Лебедь летел рядом. Внезапно белая птица сделала крутой вираж. С неба камнем упал орел. Хольгер взглянул вверх и ужаснулся: над ним кружила черная стая. Бог мой, фарисеи превращались в орлов! Что будет с Алианорой?.. Лебедь, отчаянно отбиваясь от пикирующих стервятников, устремился к лесу. Там она, превратившись в человека, сможет укрыться от орнитоморфов в густых зарослях. Но там ее настигнет земная погоня!..

Первый из преследователей уже нагонял Папиллона. Альфрик! На его суровом лице, красиво обрамленном летящими по ветру серебристыми волосами, застыла злая усмешка.

– Мы убедились, что ты действительно непобедим, сэр Ольгер Датский! – крикнул он.

– Рад за вас, – буркнул Хольгер.

Его меч встретился с изогнутым мечом герцога. Мгновенно, не теряя ни секунды, Хольгер поддел острием своего меча меч герцога, сильно рванул и вырвал у врага оружие. Альфрик вскипел и прищпорил коня. Его левая рука быстро, как змея, сделала выпад вперед, и сильные пальцы сомкнулись на кисти Хольгера, сжимающей меч. Этот маневр понадобился для того, чтобы, задержав противника, успеть выхватить из-за пояса стилет.

Хольгер поднял щит и резко ударил железным ободом по руке, держащей стилет. Герцог вскрикнул. Его кожа задымилась. Хольгер почувствовал смрад горелой плоти. Белый конь

диким галопом рванулся вперед. Святое небо, это правда! Тела фарисеев не выносят прикосновения железа!

Он повернулся к преследователям и поднял меч.

– Идите, идите сюда, красавцы! – заорал он. – У меня найдется для каждого поцелуй!

Всадники резко осадил коней и разъехались в обе стороны. Хольгер увидел бегущих к нему лучников. Дело дрянь! Издали они легко нащипгуют его стрелами. Придется брать на испуг.

– Йё-о-о-о! – завопил он, бросая Папиллона в атаку и размахивая мечом.

Лучники не дрогнули, и вокруг него зазвенели стрелы.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!.. – вырвалось у него.

И вдруг фарисеи взвыли! Они бросились враспынную, теряя оружие, как будто их разметал взрыв. Значит, и это правда! Они не выносят молитв! Почему он не вспомнил об этом раньше?

Он расхохотался и крикнул:

– Хей-хо! Эй, вы! Серебро!

По слухам, серебра они тоже не любят. Слава богу, он от них отделался. Хольгер повернул коня к лесу.

Что-то блеснуло в траве. Он ловко нагнулся и поднял стилет, потерянный герцогом. Стиллет был самым обыкновенным, только очень легким. По лезвию бежала надпись: «Пламенное лезвие». Поразмыслив, он решил, что стилет сгодится как сувенир, и сунул его за пояс.

Теперь надо найти Алианору. Он медленно проехал вдоль опушки леса, выкрикивая ее имя. Тщетно. Радостное возбуждение сменилось тревогой. Если она убита... Ах, мерзкие твари! Что-то щиплет глаза... Он как-нибудь выкарабкается и один, но она была великолепной девчонкой и к тому же спасла ему жизнь. И чем он с ней расплатился? Пил, танцевал и валялся в постели, в то время как она спала в холодной росе...

– Алианора!!!

Нет ответа. Ветер утих, опускался туман. Вокруг ни движения, ни звука. Он с тревогой подумал, что долго ему здесь оставаться нельзя. Замок совсем рядом, а фарисеи, конечно, не станут сидеть сложа руки. Они найдут кого-нибудь, кто не боится ни молитв, ни железа. Фею Моргану, например. Поэтому если он хочет удрать, то надо торопиться.

Он ехал вдоль опушки леса на запад, то и дело останавливаясь и окликая Алианору. Туман становился все гуще и гуще. Скоро он стал таким плотным, что заглушал стук копыт и затруднял дыхание. Капли влаги блестели на оружии и гриве коня. В радиусе двух метров ничего не было видно.

«Это фокусы фарисеев», – пришло ему в голову. Пеленают его туманом, как младенца.

Он пустил Папиллона в галоп.

Впереди, среди серых клубов тумана, мелькнуло что-то белесое.

– Эй! – крикнул он. – Кто там? Стой на месте, или будет плохо!

В ответ – смех! Но – боже! – не лживый смешок фарисеев, а прозрачный девичий смех.

– Это я, Хольгер. Я никак не могла найти своего скакуна. Путь слишком долог, а у нас на троих всего один конь. Мои крылья, увы, устают.

Она показалась из тумана – стройная и прекрасная, в тунике из белых перьев. Под ней был белый единорог, несомненно, тот самый, которого встретили они с Меривен. Животное испуганно взглянуло на Хольгера умными сердоликовыми глазами. Из-за спины девушки выглянула физиономия карлика.

– Сначала я отыскиала этого молодца, – объяснила Алианора, – а потом мы с ним вместе разыскивали скакуна. Пусть Хуги переседет к тебе: мне стоило большого труда уговорить единорога нести на спине кого-нибудь, кроме меня.

Хольгеру стало стыдно. Он совершенно забыл о Хуги. Разгневанный Альфрик, несомненно, жестоко расправился бы с ним.

Он подхватил лесовика и усадил перед собой.

– Какие у вас планы? – спросил Хольгер.

– Какие еще планы, кроме как ударить в галоп и скорее из поганых этих мест удалиться, – заворчал Хуги. – Чем будем ближе мы к правильным землям, тем будем живее, и, глядишь, еще и другим расскажем, из какого переплета выбрались.

– Пожалуй. Но не собьемся ли мы в таком тумане с пути?

– Я буду иногда подниматься и определять направление, – предложила Алианора.

Они поскакали сквозь влажную, ватную мглу. Хольгер ехал и думал о том, сколь многим обязан он своим бескорыстным спутникам и как эгоистично ведет себя сам, то и дело вовлекая их в смертельно опасные приключения.

– Хуги, а почему это так опасно – войти в холм эльфов? – спросил он.

– А ты не знаешь? Так вот почему они меня от тебя утащили. Чтоб я предостеречь не успел... Ну так вот, время в холме этом эльфовом прескверные повадки имеет. Провел бы ты там одну только ночь в утехах, а вышел – здесь уже сто лет прошло. А они эти сто лет творили бы что пожелают, и то как раз, в чем ты для них поперек дороги стоишь.

Ого! Но из этого можно сделать вывод, что его персона в этом мире что-то значит. Вряд ли Альфрик и фея Моргана могли так долго заблуждаться на его счет и путать с героем, под чьим гербом он невольно выступает. Похоже, что именно он, Хольгер Карлсен, сирота и полу-эмигрант, стал почему-то крупной фигурой в здешней колдовской игре. Возможно, скачок в этот мир произвел в нем кардинальные изменения. Но какие?.. Ясно одно: силы Хаоса стремятся или привлечь его на свою сторону, или нейтрализовать. Сногсшибательное гостеприимство (Меривен, конечно, была включена в счет) было, вероятно, попыткой приручить его. Ему втирали очки, а тем временем Альфрик и Моргана держали совет. Скорее всего, они решили не рисковать и, пользуясь его неведением, засадить от греха подальше в холм эльфов лет на сто или двести.

Но почему ему просто не всадили нож в спину? Это было бы проще всего. Может быть, нападение «пустого» рыцаря и было такой попыткой? Кстати, откуда вообще герцогу о нем известно? От Матери Герды, конечно. Демон, которого она вызвала, должно быть, рассказал ей о Хольгере нечто такое, после чего ведьма решила немедленно послать его к своим могучим друзьям в Фейери. С помощью магии она предупредила Альфрика. Но что именно мог рассказать ей демон? И еще: как теперь, когда коварство герцога не принесло плодов, а прямое нападение сорвалось, Срединный Мир попытается расправиться с ним?

Так или иначе, но возвращение домой пока откладывается. Правда, в этом мире есть не только черная, но и белая магия. Может быть, удастся договориться с кем-нибудь из белых волшебников?..

Из тумана грянул хохот – хриплый и оглушительный. Хольгер вздрогнул. Хуги закрыл уши ладонями. Захлопали огромные крылья. Кто это? Сквозь серую муть ничего не видно.

– Это, пожалуй, впереди, – прошептал Хольгер. – Повернем?

– Нет. – Алианора побледнела, но ее голос звучал твердо. – Это уловка: нас хотят сбить с дороги. Сейчас опаснее всего заблудиться.

– Ладно, – буркнул Хольгер. – Я поеду впереди.

Он пришпорил коня и обогнал единорога. Туман шипел, чавкал, стонал, хохотал и выл, серые тени бросались врассыпную из-под копыт, из серых клубов высывались и кривлялись жуткие рожи. Хольгер решительно скакал вперед. Хуги, закрыв глаза и зажав уши, повторял, как заклинание:

– Я был обычным лесовиком... Я был примерным лесовиком. Я был обычным лесовиком...

Казалось, прошла вечность, прежде чем туман стал редеть. Папиллон и единорог почуяли солнце, пустились галопом и с радостным ржанием вырвались на солнечный свет. Страна полумрака осталась позади.

Близился вечер. Длинные тени скал и высоких сосен легли на холмы, поросшие колючим кустарником. Свежий ветерок трепал конскую гриву. Неподалеку шумел водопад. Обычный прекрасный мир.

– После захода солнца фарисеи могут напасть опять, – сказала Алианора. – Но здесь их чары будут слабее, чем в Фейери.

Ее голос срывался от усталости. Хольгер чувствовал, что тоже вымотан до предела.

Не останавливаясь, они пустились дальше, чтобы до заката солнца отъехать от границы Фейери как можно дальше. Потом разбили лагерь меж сосен, на склоне холма. Хольгер срубил мечом две прямые ветки, сделал из них крест и воткнул в землю возле костра. Карлик принял свои, варварские, меры предосторожности: оградил лагерь кругом из камней и железных предметов, бормоча при этом какие-то заклинания.

– Теперь попробуем, – сказала Алианора, – продержаться ночь. – Она улыбнулась. – Я еще не успела сообщить тебе, рыцарь, как прекрасен был твой бой с фарисеями. Ты был могуч и красив.

– Хм... м-да... благодарю, – промямлил Хольгер.

Он ничего не имел против комплиментов из уст очаровательной девушки, но... Чтобы скрыть смущение, он уселся и стал вертеть в руках трофейный стилет. Костяная ручка была снабжена большим, пожалуй, чересчур большим эфесом.

Металл клинка был похож на магний. Но магний слишком мягок для клинка и легко воспламеняется. Почему Альфрик выбрал себе такой стилет?

Из тех скудных запасов, которые оставались у них, Алианора приготовила немудреный ужин.

Опустилась ночь. Хольгер, которому выпало дежурить в третью смену, растянулся на мягкой подстилке из трав. От костра шел жар и лился мерцающий свет. Он мог позволить себе немного расслабиться. И хотя он запретил себе спать, веки сомкнулись сами собой...

Он проснулся и рывком сел. Алианора держала его за руку и, глядя в темноту, испуганно шептала:

– Ты слышишь? Слышишь? Там кто-то есть!

Он схватил меч и вскочил. Вокруг лагеря блуждали огоньки – множество чьих-то глаз. Над самым ухом раздался вой. Он вслепую махнул мечом. Ответом был мерзкий хохот.

– Во имя Отца, и Сына... – воскликнул он и был снова осмеян. Эти гости, кажется, обладали иммунитетом к молитве. Его глаза привыкли к темноте, и он различил блуждающие по границе лагеря тени. Таких мерзких чудовищ он никогда не видел.

Хуги скорчился возле костра и выбивал зубами барабанную дробь. Алианора, дрожа, прижималась к Хольгеру.

– Спокойствие, – сказал он.

– Это посланцы Фейери, – прошептала она. – Жители ночи. Они со всех сторон, Хольгер! Я не могу выдержать этого кошмара! – Она уткнулась лицом ему в грудь.

– Да, на конкурс красоты это мало похоже, – подтвердил он.

Странно, но он совершенно не чувствовал страха. Эти монстры уродливы сверх всякой меры, но кто заставляет любоваться ими?

– Они не могут к нам приблизиться, милая, – сказал он. – А если бы могли, то давно бы уже это сделали.

Алианора подняла на него глаза.

– Я видел плотины на реках. Если бы вода их прорвала, она смела бы все. Но никто не падал от этой мысли в обморок. Все знали, что плотины выдержат.

Про себя он подсчитывал, каков примерный коэффициент их безопасности. Несомненно, местные чародеи располагали чем-то вроде таблиц сопротивления материалов и могли бы дать точный ответ. Ему приходится полагаться на интуицию. И какое-то глубоко спрятанное в нем знание подсказывало, что лагерь под надежной защитой.

– Все будет хорошо, – произнес он. – Все будет хорошо. Они ничего нам не сделают, разве что помешают своими воплями выспаться.

Он осторожно поцеловал обращенное к нему лицо. Она неумело вернула поцелуй...

Глава 10

В конце концов враг отступил. По словам Хуги, эти твари поспешили забиться в свои норы до рассвета.

Значит, сделал вывод Хольгер, они боятся солнечного излучения. Скорее всего, ультрафиолетовых волн...

Стоп, стоп! Но ведь это объясняет загадку магниевого стилета! В случае крайней опасности, окажись герцог прижатым к стенке своими соперниками из Срединного Мира, он мог поджечь клинок. Широкая рукоятка защитила бы от огня руку, а другой рукой можно было бы закрыть лицо полой плаща... Враг, конечно, бежит. Ну что ж, это оружие может пригодиться.

Когда чудовища исчезли, друзья заснули как убитые. Через два или три часа Хольгер проснулся от холода и ужаснулся: он был совершенно голым! Полученное в Фейери платье исчезло! Довольно мелко со стороны Альфрика.

К счастью, Алианора еще спала. Он поспешно натянул свои простые одежды. Поразмыслив, напялил сверху кольчугу.

После скромного завтрака они снова тронулись в путь.

– Куда мы теперь? – спросил Хольгер.

– Я знаю одного белого мага, – сообщила Алианора. – Он живет в городе Тарнберге. У него доброе сердце и обширные знания. Может быть, он сможет тебе помочь. Только, Хольгер, – она с нежностью произнесла его имя, – нам надо держаться ближе к человеческому жилью. Фейери так тебя не отпустит... Там, где люди, там церкви, а существа без души опасаются приближаться к ним.

– Конечно, – согласился Хольгер. – Но скажи, этот твой маг сможет тягаться с такими мастерами, как Альфрик или фея Моргана?

– Если нет, то нам придется пробираться в империю. Она далеко на западе, путь туда труден и небезопасен, но там тебя встретят с почестями. Со времен Карла не было у христиан равного тебе рыцаря.

– О каком Карле вы все говорите? – спросил Хольгер.

– О том, конечно, кто основал Святую империю, – король Карл! Кто воздвиг твердыню христианства и вытеснил полчища сарацин обратно в Испанию. Не может быть, чтобы ты о нем ничего не знал!

– Э-э-э... – промямлил Хольгер. – Может быть, и знал... Ты имеешь в виду Карла Великого?

– Ну да, – обрадовалась Алианора. – Многие зовут его так. Значит, ты его знаешь! О, говорят, его окружало много героев, но я знаю только историю Роланда. Этот рыцарь пал в Ронсельванском ущелье.

У Хольгера голова шла кругом. Значит, он все-таки в прошлом? Нет, это невозможно! Но, как ни крути, Карл Великий – реальная историческая фигура!

Стоп! Если вспомнить то, что он знал из старофранцузского эпоса, то все сходится: волшебные страны и сарацины, девушка-лебедь и единорог, чернокнижье и холм эльфов, Роланд... Легенды Средних веков. Неужели он самым немыслимым образом очутился в книге?

Нет-нет, это ни в какие ворота не лезет. Все-таки лучше считать, что это – иная вселенная с особым пространственно-временным порядком и с собственными законами, отличными от земных. В конце концов, математическая вероятность существования такой вселенной, пусть даже по модели средневековой мифологии, вполне допустима.

Однако и тут не все ясно. Если здесь так много земных подобий, то, следовательно, он был перемещен не как попало, в какое-то чужое пространство. Между этим и его миром, несо-

мненно, есть какая-то связь. Ведь сходство между ними не ограничивается только астрономией и географией, но касается и истории.

Здесь Карл мог и не быть двойником земного, но, очевидно, в истории обоих миров они сыграли одинаковые роли. Может быть, сознание бардов, поэтов и пророков было тогда каким-то трансцендентальным образом настроено на волну восприятия этого мира?.. Может быть. Но для него из этих рассуждений не следует ничего. Лучше попытаться выудить из мифологии какие-нибудь полезные сведения.

Например, Хуги говорил о Моргане как о сестре короля Артура. Того самого, конечно, Артура, который стоял во главе рыцарей Круглого стола... Какая досада, что эти старинные легенды он читал только в детстве!

Они прошли уже немалый путь по выбранной Алианорой дороге. Она вела на северо-запад по гребню возвышенности, откуда во все стороны открывался прекрасный вид. Сзади стояло темное море Фейери, впереди синели горы, через которые им предстояло пройти. В оврагах пенились и шумели ручьи. По бледному небу летели рваные облака.

Они выбрали удобную поляну и остановились пообедать. Хольгер, едва не поломав зубы о твердый как камень хлеб, сокрушенно вздохнул:

– Дорого бы я сейчас дал за хороший датский бутерброд. Знаете, как он делается? На слегка поджаренный хлеб намазывается масло, потом кладут тонкий ломтик сыра, несколько очищенных креветок и половинку яйца... О!..

– В придачу ко всем своим достоинствам ты умеешь стряпать? – восхитилась Алианора.

– Ну, не так чтобы очень...

Она села рядом и положила голову ему на плечо.

– Как только представится случай, я найду тебе все это, – с нежностью сказала она. – И мы закатим пир – пир только для нас двоих.

– Хе! – буркнул Хуги. – Пойду посмотрю, что это там за скалой.

– Куда ты?! – смущенно воскликнул Хольгер, но карлик уже исчез.

– Хуги – деликатный и добрый лесовик, – улыбнулась Алианора и обвила руками шею Хольгера. – Он знает, что бывают моменты, когда девушке хочется нежности.

– Но... – Хольгер стушевался. – Конечно... Ты изумительная девушка, но... Здесь?.. Впрочем, к черту! – И он решительно обнял ее.

– Ай! – взвизгнула Алианора.

Хуги свалился на нее неизвестно откуда.

– Дракон! – заорал он. – Дракон! Он летит сюда!

Хольгер вскочил как ужаленный:

– Что? Где? Откуда?

– Дракон, дракон! – причитал Хуги. – Огнедышащий! Это Альфрик наслал его на нас! – Он обнял Хольгера, точнее, его ноги. – Спаси, спаси нас, великий рыцарь! Я знаю, рыцари всегда убивают драконов! Я знаю!

Папиллон заржал. Единорог подбежал к Алианоре, она вскочила на него, и в мгновение ока они скрылись из виду. Хольгер схватил Хуги в охапку, прыгнул на Папиллона и помчался вслед за Алианорой.

Вырвавшись на открытое место, они увидели дракона. Чудовище приближалось с юга и было уже на расстоянии около полумили. От грохота крыльев заложило уши.

«Фюзеляж длиной футов пятьдесят», – оценил Хольгер, стараясь унять нервную дрожь. Пятьдесят футов панцирной чешуи, гигантская змеиная голова, пасть, способная в два приема проглотить всадника вместе с конем, перепончатые крылья, железные когти на мощных лапах... Папиллон, обезумев от ужаса, мчался, не уступая в скорости единорогу. Но дракон летел быстрее.

– Ой-ой-ой! – голосил Хуги. – Быть нам поджаренными! Быть нам печеными!

Дракон повис в небе высоко над ними и вошел в пике. Дым и пламя вырывались из открытой зубастой пасти. У них оставались считанные секунды. Хольгер лихорадочно пытался найти выход. Каков метаболизм этой твари? Почему она вообще летает вопреки всем законам аэродинамики? В нос ударил запах горящей серы.

– Смотри! – донесся до него крик Алианоры. – Сюда! Здесь можно укрыться!

Она показала на узкий черный лаз в скале.

– Нет! – закричал Хольгер. – Только не туда! Это верная смерть!

Она недоуменно дернула плечами, но послушно повернула единорога. Первая волна жара окатила Хольгера. О господи! Если бы они влезли в эту дыру, дракон сжег бы их одним вздохом.

– Вода! Нам нужна вода! – заорал Хольгер.

Копыта коня стучали по каменному плато. Хольгер вытащил меч. На что он рассчитывает? Дракон превратит его в пепел вместе с мечом. Но, может быть, Алианора успеет спастись...

Они поскакали к краю плато. Немыслимо крутой склон вел вниз. Папиллон не заржал – захрипел от страха, но отчаянно ринулся вниз, ломая грудью густой кустарник. Они мчались почти кувырком. И вдруг оказались на берегу горной реки. Единорог прыгнул, Папиллон сиганул за ним, и они остановились как вкопанные посреди быстрого ледяного потока.

Дракон приземлился на берегу. Он выгнул спину и зашипел, как взбесившийся локомотив.

«Бойтся воды!» – обрадовался Хольгер.

Опять его подсознание шепнуло ему правильную подсказку.

– Все в воду! – скомандовал он и прыгнул первым. Мощное течение ударило в грудь. – Держитесь за хвост коня. Если он станет атаковать, ныряйте.

Долго в этой ледяной воде не выдержать. Но это их единственный шанс.

Дракон ударил крыльями, поднялся в воздух и завис над ними, закрыв все небо. В открытой пасти бушевало пламя. Хольгера осенило. Он бросил бесполезный меч в ножны, сдернул с головы шлем и зачерпнул воды. Дракон потянулся к нему мордой. Хольгер закрыл глаза левой рукой и вслепую плеснул водой.

Зашипел пар. Дракон взревел. У Хольгера лопались барабанные перепонки. Бронированное чудовище в панике било крыльями и изрыгало огонь направо и налево. Хольгер выругался и влил полный до краев шлем прямо в кошмарную пасть.

Дракон оглушительно завизжал. Медленно и неуверенно, как слепой, он поднялся вверх и неуклюже, рывками полетел к югу. Они стояли и слушали, как умирает вдали грохот чудовищных крыльев. Когда дракон скрылся из виду, они выкарабкались на берег.

– Хольгер, Хольгер! – Алианора обняла его, смеясь и плача одновременно. – Ты лучший из рыцарей! Как ты это сделал, любимый? Как это тебе удалось, мой герой?

– О, ничего особенного, – сказал Хольгер, озабоченно трогая обожженную щеку. – Немного термодинамики.

– Это какая-то особая магия? – уважительно спросила она.

– Никакой магии, малыш. Если кто-то хочет изрыгать пламя, то сначала как следует раскопегаривает топку. Ну а я плеснул в эту топку воды. И вышло что-то вроде взрыва парового котла. – Он небрежно махнул рукой. – Пустяк.

Глава 11

Они тронулись дальше и через несколько миль наткнулись на залитую солнцем и со всех сторон окруженную скалами долину. Среди высоких трав мелодично звенел ручей, купались в солнечном свете тополя и буки. Стайка скворцов при появлении людей с шумом снялась с дерева и унеслась прочь. Лучшего места для отдыха, в котором все они так нуждались, нельзя было и желать. Алианора легла на траву и мгновенно уснула. Хуги уселся под куст и принялся стругать какую-то деревяшку.

Хольгеру не сиделось.

– Пойду-ка пройдуся, – сказал он. – Если что – кричи.

– Не опасно ли тебе удаляться от нас? – спросил гном, но тут же ответил себе: – Хотя кто осмелится покуситься на укротителя драконов?

Хольгер хмыкнул в ответ. Он сегодня, конечно, герой дня. Но причиной тому прежде всего благоприятное стечение обстоятельств. Он раскурил трубку и, насвистывая, двинулся по берегу ручья. Вокруг расстился классический пасторальный пейзаж: луга, цветы, деревья, ручей. Щиплющие травку конь и единорог. Щебет птиц. Если бы не боль от ожога, он, конечно, тоже завалился бы под куст и помечтал о чем-то приятном. Однако многое требует серьезного обдумывания.

Надо все же признать, что он является для этого мира кем-то вроде главного персонажа. Цепь кажущихся случайностей складывается в стройную систему. Не успел он появиться здесь, как тут же нашел одежду своего размера, оружие и преданного коня. Потом – переполох в Фейери при его появлении. При этом, несмотря на полное отсутствие у него боевого опыта, никому не удается его убить...

Лагерь скрылся из виду. Хольгер брел и рассуждал про себя. В чем суть конфликта между Порядком и Хаосом? Здесь явно кроется нечто большее, чем просто религиозный конфликт. Хаос и Порядок – терминология второго начала термодинамики, а оно говорит, что тепловая смерть Вселенной настанет при условии победы Хаоса, или энтропии, над порядком. Стоп-стоп... Может быть, в этом ненормальном мире борьба природных сил приобрела одушевленную форму? И разве не то же самое происходит на Земле? В самом деле, с чем он сражался, воюя с фашизмом, как не с древним кошмаром Хаоса? А здесь – обитатели Срединного Мира пытаются вернуть планету к первобытному Хаосу. По другую сторону баррикады стоит человеческая мораль, стремящаяся укрепить и расширить владения Порядка, безопасности, мира.

Это рассуждение показалось Хольгеру достаточно убедительным. Разница только в том, думал он, что в его родном мире естественные силы природы проявлены и осознаны в полной мере, а силы ментальные, магические – слабы и неуловимы. В этой вселенной все наоборот. Но у этих двух миров существует некое единство, и потому в них обоих борьба Порядка и Хаоса имеет одновременные кульминации. Что касается силы, которая перенесла Хольгера из одного мира в другой, то здесь не обошлось, пожалуй, без Божественного промысла... Хотя эти слова мало что объясняют.

И еще одно доказательство – странные знания, непонятные для него самого и приходящие в нужный момент на помощь из глубин подсознания. Этот Кортана, например. Кортана – меч, как сказал лесовик. В нем заключена магическая сила. Сейчас он надежно спрятан в неприступном и неведомом месте. Но почему Хольгер помнит, что когда-то держал этот меч в руке?

Он ступил в небольшую светлую рощицу, прошел ее насквозь – и нос к носу столкнулся с феей Морганой.

Встреча была как гром среди ясного неба. Сладкий гром, поражающий сердце. Она шла к нему сквозь поток золотого света и зеленые волны листвы... Ее платье сверкало, как снег...

И улыбка на губах была как расцветающая роза... И волосы как ночной водопад, отражающий звезды...

– Привет тебе, Хольгер, – услышал он ее чарующий голос. – Давно мы не виделись.

Видит бог, он изо всех сил старался сохранить самообладание. Но она взяла его за руку и посмотрела прямо в глаза.

– Как одиноко мне было без тебя, – тихо сказала она.

– Без меня?! – сдавленно вскрикнул он.

– Конечно, а без кого же еще? Или обо мне ты тоже забыл? – Ее «ты» звучало как музыка. – Тьма была наложена на тебя, но как долго тебя не было, Хольгер... – Она весело рассмеялась. – Но что у тебя с лицом, мой милый? О, мало кто из мужей встречает огнедышащего дракона лицом к лицу. Позволь мне излечить тебя. – Она тихо коснулась пальцами обожженной щеки. Мгновенная боль – и волдыри исчезли. – Вот и все. Тебе лучше?

Нет, ему не стало лучше. Его прошиб пот, а ворот рубахи стал почему-то тесен.

– В этом мире ты набрался скверных привычек, – улыбнулась она, вынула у него из рта трубку, вытряхнула ее и сунула в кисет на поясе. Но при этом ее рука задержалась на его бедре гораздо дольше, чем это бывает при случайном прикосновении. – Гадкий мальчик.

Ее игривость неожиданно отрезвила его. Ему всегда было не по себе, когда зрелые женщины сюсюкают и вульгарно кокетничают.

– Послушай-ка, – буркнул он, – Альфрик не раз пытался меня убить, а ты помогала ему. Что же тебе теперь от меня надо?

– Что может быть нужно женщине, истосковавшейся по мужчине? – тем же тоном продолжала она.

Она шагнула к нему, он отступил.

– Милый, я не знала, что это был ты, и помогала Альфрику в полном неведении. В ту самую минуту, когда мне стало известно о его предательстве, я поспешила сюда.

Хольгер стер пот со лба.

– Ты лжешь, – сказал он.

– Даже если лгу, милый, что из того? Слабому полу нужно прощать маленькие хитрости. Главное, что я в самом деле пришла сюда за тобой. Вернись.

– Куда? В мир Хаоса?

– А почему бы и нет, милый? Что, собственно, в этом скучном Порядке так привлекает тебя? Я буду искренней, но будь до конца честным и ты. Почему, Хольгер, мой милый медведь, ты должен класть жизнь за неотесанное мужичье и толстобрюхое мещанство, когда все ослепительные звезды Хаоса могут принадлежать тебе? С каких пор ты стал человеком, который ищет счастья в убогом мире, пропахшем навозом и дымом? Ты, который обращал в бегство легионы! Ты можешь зажигать солнца и лепить новые миры, если захочешь!

Ее голова легла ему на грудь.

– Нет-нет... – выдавил он. – Я не верю тебе.

– О скорбная перемена! Где тот мужчина, которого я обнимала на Авалоне? Ты забыл, как принесла я тебе в дар столетия своей любви и молодости! – Все это звучало до пошлости банально, но блеск ее темных глаз околдовывал Хольгера. – Я не зову тебя в ряды Хаоса, милый, но зачем тебе война с ним? Вернемся на Авалон, Хольгер! Вернемся на счастливый наш Авалон!

У Хольгера пропало желание противиться ей. Она искренна, подумал он. Пусть она хочет вывести его из игры накануне решающих битв, но вместе с тем она искренна в любви к нему. В конце концов, почему и нет? Он ничего не должен в этом мире ни Порядку, ни Хаосу. Зато ее обаяния обещают так много...

– Мы не виделись вечность, – шептала она, – а когда встретились, ты даже не поцеловал меня...

– Это... – Он кашлянул. – Это легко исправить...

Их губы встретились. Высокая теплая волна подняла Хольгера... Он уже не мог думать ни о чем другом, не мог и не хотел.

– О-о! – вздохнула она. – Мой повелитель! Еще... Целуй меня, целуй...

Он обнял ее, но боковым зрением заметил, как что-то мелькнуло в кустах. Он поднял голову и увидел Алианору верхом на единороге.

– Хо-о-ольгер! – громко звала она, не замечая их. – Хо-о-оль... О!

Единорог увидел Моргану, встал на дыбы и, сбросив всадницу, умчался прочь, негодуяще фыркая. Алианора, вскочив, уставилась на них.

– Ну вот, теперь он ко мне не вернется, – пожаловалась она. – Видишь, что ты наделал. – Она всхлипнула.

Хольгер выпустил из объятий Моргану.

– Уберите с глаз моих эту деревенскую девку! – гневно крикнула королева фей.

У Алианоры мигом высохли слезы.

– Убирайся сама! – закричала она. – Оставь его в покое, мерзкая ведьма!

– Хольгер! Если эта недозрелая девица сейчас же не оставит нас...

– Недозрелая?! – Алианора задохнулась от возмущения. – Ты! Зато ты давно уже перезрела!

– Соплячка!

– Старуха!

Хольгер ошалело крутил головой.

– Какая ты храбрая, дева-лебедь! – воскликнула фея Моргана. – Или ты только что снесла особенно удачное яйцо?

– Для этого мне нужно бы поучиться кудяхтать у старых квочек!

– Ах так, прекрасно! В облике курицы тебе это будет проще! – Королева ядовито улыбнулась и стала делать руками быстрые пассы.

– Эгей! – Хольгер подскочил к ней. – Без этих штучек!

Он не собирался делать этого, но не рассчитал, и получилось так, что он грудью толкнул ее в плечо. Моргана покатилась по траве.

– Прошу прощения. – Хольгер протянул ей руку.

Она оттолкнула руку и быстро вскочила. Гнев стер краски с ее лица – оно было холодным и бледным.

– Что ж, друзья, – произнесла она. – У вас своя дорога, у меня своя. Но мы обязательно встретимся. – Она неприятно хихикнула, взмахнула рукой и исчезла. Воздух с хлопком заполнил образовавшуюся пустоту.

Теперь Алианора разрыдалась по-настоящему, уткнувшись в ствол дерева и спрятав лицо в ладони. Хольгер подошел и тронул ее за плечо. Она стряхнула его руку.

– Уйди! – всхлипнула она. – Ступай к своей... своей ведьме... если она... тебе нравится... Что толку оправдываться? Иди-иди, – шмыгая носом, гнала его Алианора, – никто не заплачет... Сколько угодно...

Только женских слез Хольгеру не хватало. Он крепко взял ее за плечи, повернул к себе и сказал:

– Слушай. У меня с ней ничего не было, понятно? И никогда не будет. Запомни это. А теперь скажи: пойдешь со мной как взрослая или тебя нести как ребенка?

– Как взрослая!

Она выскользнула из его рук и побежала вперед. Хольгер раскурил трубку и всю обратную дорогу попыхивал ею. К черту! К черту! Жаль только, что он опять ничего не помнит, а ведь в объятиях Морганы к нему стала возвращаться память. Жаль. Зато теперь все расставлено по своим местам: с сегодняшнего дня Моргана стала его самым лютым врагом.

И тут ничего не поделаешь.

А ему предстоит долгий путь. Он взял Алианору за руку, и они вышли к лагерю.

Глава 12

Этой ночью их не беспокоил никто. Но, по мнению Хуги, это могло означать только одно: им готовят что-то посерьезнее, чем балаган с жителями ночи. Хольгер разделял пессимизм карлика.

Они проснулись чуть свет и сразу пустились в путь. Теперь у них было только одно верховое животное на троих. Алианора, разумеется, могла бы сопровождать их в воздухе, но лебеди не умеют парить и поэтому быстро устают. А Папиллон, несмотря на свою необычную силу и выносливость, не мог нести на спине тройной груз с прежней скоростью. До того как они тронулись в путь, Алианора поднялась высоко в небо и с высоты выбрала удобный для них маршрут. К вечеру Хольгер надеялся достичь перевала, за которым она заметила первые следы человека – несколько уединенных ферм.

– Там, где живут хоть несколько человек, – объяснила она, – если, конечно, они не варвары и не преступники, мы обязательно найдем хоть клочок освященной земли и даже церковь. Там мы будем в безопасности.

– Если это так, – сказал Хольгер, – и каждая церковь – преграда для Срединного Мира, то как он может рассчитывать на захват этих земель?

– Во-первых, у них есть союзники среди существ, которые не боятся ни света дня, ни священных молитв. Это животные вроде вчерашнего дракона или злобные гномы, обладающие душой. Таких помощников у них, правда, мало, да и те слишком глупы, чтобы на них можно было всерьез положиться. Главная их опора – это люди, перешедшие на сторону Хаоса. Чернокнижники, ведьмы, разбойники и убийцы, язычники и дикари. Этим ничего не стоит осквернить священное место и уничтожить его защитников. И тогда на опоганенную ими землю смогут спуститься голубые сумерки Срединного Мира. Каждый такой шаг будет теснить Порядок, а близость Хаоса – будить в людях страх, зло и жестокость.

Солнце уже село, когда они достигли наконец перевала. Лес остался внизу, вокруг были только голые камни с редкими пучками травы. Папиллон фыркнул и помотал головой.

– Бедный-бедный. – Алианора потрепала его по шее. – Тебе сегодня досталось. А в награду за твои труды – только жалкие сухие колючки.

Она нашла углубление в скале и налила туда воды из бурдюка. Хольгер подождал, пока конь утолит жажду, и тщательно вытер его попоной. Он уже перестал удивляться собственной сноровке в уходе за жеребцом, но никак не мог понять, откуда в нем столько нежности к этому бессловесному существу.

Они разбили лагерь, выложили магический круг и на скорую руку поужинали. И, предельно измученные, наконец улеглись.

Однако заснуть Хольгеру не удавалось. Было очень холодно. Плащ, которым они с Алианорой укрылись, почти не грел, а чепрак из-под седла, служивший им подстилкой, не делал скалу ни теплее, ни мягче. Но настоящей причиной его бессонницы было не это. Причиной было доверчиво обнявшее его существо, сотканное из сонного тепла и спутанных волос. К таким искушениям он не привык. Он попробовал отвлечься, припоминая подробности романа с Меривен, но это только ухудшило дело. Хольгер поймал себя на мысли, что сейчас он, пожалуй, был бы не прочь очутиться в объятиях феи Морганы.

«Значит, ты готов бросить Алианору после всего, что она для тебя сделала, мерзавец?» – возмутился его внутренний голос.

Ну уж нет!

Благодарность и нежность толкнули его к ней. И прежде чем он осознал, что творит, его рука скользнула под тунику из перьев и легла на упругую молодую грудь. Алианора шевельну-

лась и что-то пролепетала во сне. Хольгер замер. Чувства переполняли его. Он закинул голову к небу.

Звезды, как снег, замели небосвод. По положению Большой Медведицы он определил, что до рассвета осталось каких-то два часа. Небо сияло, а на земле лежала крошечная тьма. Тускло мерцал костерок, выхватывая из темноты примостившегося на корточках возле огня Хуги. Силуэт огромной черной горы заслонял звезды на севере... Но... Откуда она взялась?! Там не было никакой горы!

Он вскочил. Мгновение спустя земля дрогнула. Потом снова и снова... и снова... как будто ожил гигантский бубен. Гора дрожала, как лестница, по ступенькам которой поднимался чугунный гигант. Скалы лопались и с грохотом катились вниз. Хольгер выхватил меч.

Ступня величиной с человека пнула и разрушила магический круг. Алианора закричала от ужаса. Папиллон, дрожа как лист, спрятался за спиной Хольгера. Хуги на четвереньках быстро-быстро улепетывал от страшной ступни с огромными нестриженными ногтями.

Великан присел на корточки и корявыми, как дубовые ветви, пальцами разворошил костер. Огонь ярко вспыхнул и выхватил из темноты уродливую, коротконогую фигуру гиганта. Одеждой ему служили кое-как сшитые мохнатые шкуры, от которых шел резкий неприятный запах. Лицо великана, насколько его позволяли рассмотреть спутанная растрепанная шевелюра и лохматая борода, относилось к ярко выраженному акромегалическому типу: маленькие глазки прятались под карнизом мощных надбровных дуг, нос был коротким, скулы – острыми, а под толстыми губами сверкали устрашающей величины зубы.

– Прягай на Папиллона, Хуги, – шепнул Хольгер. Первый страх миновал, и он лихорадочно обдумывал ситуацию. – Я задержу его, сколько смогу. А ты улитай, Алианора!

– Я останусь с тобой, – услышал он в ответ.

– Как же это? – простонал Хуги. – Он же из Срединного Мира. Магический круг должен был остановить его!

– Он дождался минуты, – сказала Алианора, – когда у кого-то из нас родились мысли кощунственные и нечистые. Тогда святые знаки теряют свою магическую силу. – Она бросила негодующий взгляд на Хуги.

Хольгер почувствовал себя подлецом: виновным в греховных мыслях был, конечно, не Хуги.

– Говорите так, чтобы я вас мог слышать, – оглушительно протрубил великан.

Хольгер облизал пересохшие губы, шагнул вперед и сказал как можно громче и тверже:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа приказываю тебе удалиться!

– Фу! – пренебрежительно фыркнул гигант. – Поздно, смертные. Вы сами разорвали круг добра грешными помыслами. Альфрик поведал мне, что я найду здесь лакомую добычу. Отдайте мне деву, а сами ступайте своей дорогой.

У Хольгера уже был готов сорваться с языка достойный ответ на это гнусное предложение, но он вовремя спохватился: формулировка была отнюдь не для девичьих ушей. Поэтому он молча стиснул зубы, размахнулся и нанес великану удар мечом. Тот охнул, резко отдернул руку и стал ею трясти, дуя на дымящуюся рану, нанесенную непереносимым железом.

– Постой! – вскричал он. – Поговорим!

Хольгер, едва не сбитый с ног децибелами, опустил меч. Дудки! Его не так просто взять голыми руками!

Густой бас между тем принялся вещать довольно миролюбиво:

– Я прослышал, что ты великий рыцарь. Что ж, ты убедился, что меня ранит прикосновение железа. Однако не кажется ли тебе, что я мог бы обрушить на тебя скалы? Давай обойдемся без этого. Что ты скажешь о поединке более приятном? Я говорю о состязании в уме. Если ты победишь меня силой разума, я не стану чинить вам помех. И вдобавок наполню твой

шлем золотом. – Он тряхнул увесистым мешком, висющим у пояса. – Но если проиграешь ты, то дева достанется мне. Идет?

– Нет! – отрезал Хольгер.

– Подожди, подожди, любимый, – с неожиданной горячностью схватила его за руку Алианора. – Я думаю, что речь тут идет всего лишь о загадывании загадок.

Хольгер удивленно поднял брови. Великан кивнул:

– Да, правильно. Мы, Большой народ, в родовых замках в бесконечно долгие ночи нашей северной родины год за годом, столетие за столетием совершенствуем свой разум, проводя блистательные турниры, загадывая и разгадывая загадки. Это я и предлагаю тебе. И если случится, что я не отвечу на две из твоих загадок, то позволю тебе уйти и мне не жаль будет потерянной девы. Ведь я стану богаче на две новые хорошие загадки. Итак... – Он с беспокойством оглянулся на восток. – Начнем?

– Соглашайся, соглашайся, Хольгер, – зашептала Алианора. – Я уверена, что ты победишь.

– Мне ничего не приходит в голову...

– Да что ты?.. – растерянно пробормотала она. – Совсем ничего?.. Тогда... Тогда знаешь что?.. Лучше тогда отдать ему меня. Честное слово. Он съест меня, вот и все. А ты должен жить. Это так важно для нашего мира. Ты не должен рисковать жизнью из-за такой пустышки, как я...

Хольгер лихорадочно рылся в памяти. «Четыре висят, четыре идут, два ведут, один погоняет...» Корова. Загадка Самсона филистимлянам. Пожалуй, можно наскрести еще что-то из классики... Но если великан, как он говорит, занимается этим делом уже не один век, то все классические загадки ему должны быть известны... Выдумать самому? Для этого его голова не приспособлена.

– Ну, так что же? – прогудел великан и опять беспокойно взглянул на восток. Хольгера озарило.

– Он что, не переносит солнечных лучей? – шепотом спросил он.

– Не переносит, – кивнула Алианора. – Солнечный свет превратит его в камень.

– Вот-вот! – вмешался Хуги. – Если ты сумеешь голову ему заморочить до того, как рассвет застанет его, то нам, глядишь, и золотой мешок достанется.

– Я слышала, – возразила Алианора, – что их сокровища проклятые, а человека, который на них польстится, ждет неминуемая гибель. О Хольгер, уже через час он вынужден будет бежать от рассвета. О, неужели не сможешь ты продержаться, ты, победитель дракона?

– Я... попробую... – выдавил Хольгер и повернулся к нетерпеливо ерзающему великану. – Я буду состязаться с тобой, – объявил он.

– Три загадки! – прогрехотал гигант. – И свяжи деву, чтобы она не могла улететь. Быстрее!

Хольгер не мог не подчиниться. Но, накручивая веревку на тонкие руки, он шепнул:

– Ты легко сбросишь путы, если дело примет дурной оборот.

– Нет-нет, я не убегу. Ведь тогда он обрушится на тебя...

О черт!

Великан подбросил в огонь несколько сучьев.

– Начнем, рыцарь. Думаю, тебе лестно будет узнать, что сегодня ты имеешь честь состязаться с тем, кому принадлежит титул Мастера загадок девяти последних турниров. – Взглянув на Алианору, он облизнулся: – Лакомый для нас обоих приз.

Хольгеру стоило большого труда сдержаться и не ответить на гнусную ухмылку этого гиппопотама ударом меча.

– Ладно, – сказал он. – Первая загадка. Почему курица переходит дорогу?

– Что-о? – разинул рот великан. Его огромные зубы блестели, как брусчатка после дождя. – Ты спрашиваешь об этом *меня*?

– Отвечай.

– Но ведь это вопрос для детей! Разумеется, чтобы оказаться на другой стороне!

– Неправильно, – покачал головой Хольгер.

– Врешь! – Великан вскочил.

Хольгер предостерегающе поднял меч.

– У этой загадки есть очень остроумный и абсолютно правильный ответ. И ты должен найти именно его.

– Такого я еще не слышал, – пожаловался великан. Однако снова опустился на корточки и погладил бороду своей грязной лапой. – Почему курица переходит через дорогу? Зачем же еще, если не для того, чтобы оказаться на другой стороне? Какой во всем этом аллегорический смысл? Поставим вопрос так: что такое курица? И что такое дорога? – Он закрыл глаза и стал медленно раскачиваться.

Алианора восторженно улыбнулась Хольгеру. Время тянулось медленно, ужасающе медленно. Сияли ледяные звезды. Дул холодный ветер. Наконец великан открыл глаза. Свет костра заплескал в них двумя красными кляксами.

– Я нашел ответ, – объявил громоподобный голос. – Загадка эта подобна той, с помощью которой Тхази победил Гротнира пятьсот лет назад. Так вот, смертный, курица – это жизнь, которую она должна перейти с обочины рождения на обочину смерти. И хотя на дороге много опасностей – повозки войны и мира, ухабы труда и грязь греха, а в вышине кружит ястреб, имя которому Сатана, – но курица идет и переходит через дорогу. Она сама не знает, почему это делает, разве что поля на той стороне кажутся ей зеленее, чем на этой. Она переходит, потому что так суждено всем, – высокопарно и самодовольно закончил он.

– Нет, – сказал Хольгер.

– Не-е-ет? – Великан вновь вскочил.

– Тебе явно не хватает смекалки, – усмехнулся датчанин.

– Мне?! – оскорбленно взревел гигант, вызвав этим небольшую лавину. – Мне?! Что ж, я готов сдаться. Послушаем твой ответ. Почему же курица переходит через дорогу?

– Потому что обходить ее слишком долго.

Повисло молчание, а потом великан разразился проклятиями. Так как единственной целью Хольгера было стремление выиграть время, его не слишком заботил вопрос о чистоте жанра. Еще полчаса они препирались по поводу понятий «загадка», «вопрос» и «ответ», и это тоже было ему на руку. Благословенны будьте, лекции по семантике! Один только пересказ теории значений Бертрана Рассела убил минут десять, не меньше.

В конце концов великан пожал плечами.

– Ладно, – зловеще произнес он. – Учти, что завтра ночью я приду опять. Хотя в этом, может, и не окажется нужды. Давай свою вторую загадку!

Хольгер был готов.

– Ответь, что это такое: четыре ноги, желтые перья, живет в клетке, поет и весит четыреста килограммов?

Кулак великана ударил по земле так, что подпрыгнули камни.

– Ты спрашиваешь о какой-то неслыханной химере! Это не загадка!

– Если загадка, – возразил Хольгер, – это вопрос, ответ на который можно найти путем логических рассуждений, то я задал тебе именно загадку. – Он украдкой взглянул на восток. Кажется, там чуть-чуть посветлело?

Великан фыркнул и погрузился в раздумья.

«Похоже, он не слишком сообразителен», – подумал Хольгер.

Датский школьник ответил бы за одну минуту, а этот бегемот будет теперь думать часами. Великан раскачивался и бормотал себе под нос. Костер почти угас.

Хуги дернул Хольгера за штанину.

– Не забудь о золоте, – алчно прошептал он.

– И о том проклятии, которое на нем, – добавила Алианора.

Внезапно великан ожил.

– Готово, – громыхнул он, потирая руки. – Я нашел ответ на твою загадку. Это две двухсоткилограммовые канарейки!

Хольгер чертыхнулся. Но всякий раз выигрывать невозможно.

– Отлично, Соломон. Третья загадка.

– Не называй меня Соломон. Баламорг – вот мое имя. Это грозное имя, и его навсегда запомнили вдовы и сироты и разнесенные мною в щепки бастионы. Называй меня моим именем.

– Видишь ли, там, откуда я родом, Соломон – это обращение, исполненное уважения. Поэтому... – И Хольгер пустился в длинные нелепые комментарии, которые съели еще минут десять бесконечного времени.

Но Баламорг решительно оборвал его:

– Последняя загадка! И поспеши, а то я без жалости раздавлю тебя!

– Ладно, ладно, горячиться не стоит. Скажи лучше, что такое: зеленого цвета, с колесом, растет возле дома?

У великана отвисла челюсть.

– Хо! Как?

Хольгер повторил.

– Какого дома? – уточнил гигант.

– Любого.

– Значит, растет? Вопрос о фантастических деревьях, на которых колеса растут, как плоды, нельзя считать настоящей загадкой!

Хольгер уселся и демонстративно принялся чистить ногти концом ножа. Ему пришло в голову, что горящий магниевый стилет может оказаться так же опасен для великана, как свет солнца. А может и не оказаться. Однако, если дело дойдет до битвы, не стоит забывать про Пламенное лезвие. Он заметил, что силуэт великана, несмотря на то что костер почти догорел, стал виден гораздо отчетливее.

– В моих краях такие загадки задают друг другу дети, – сказал Хольгер.

Это была чистая правда. Однако уязвленное самолюбие заставило великана израсходовать еще несколько столь драгоценных минут на сопение и фырканье.

В конце концов он с сердитым ворчанием впал в свой обычный транс.

Небо на востоке медленно светлело. Каждая минута казалась вечностью.

Неожиданно великан встряхнулся, грохнул кулаком по земле и с досадой объявил:

– Сдаюсь. Солнце уже припекает, я должен искать убежище. Каков же ответ?

Хольгер поднялся.

– А почему я должен открыть его тебе?

– Потому что я так сказал! – Гигант поднялся во весь рост и прорычал: – Или я разорву сейчас деву на куски!

– Ладно, – сказал Хольгер. – Трава. Это трава.

– Трава? Но у травы нет колес!

– Я немного приврал, чтобы ты не догадался, – спокойно заявил Хольгер.

Баламорг взорвался от ярости. Ревущая гора мяса двинулась к рыцарю. Хольгер отскочил, стараясь держаться как можно дальше от Алианоры. Если он заставит ослепшего от злобы великана побегать за ним хотя бы еще минут пять... разумеется, оставаясь при этом в живых...

– Кис-кис-кис! А ну, попробуй меня поймать!

И начались прыжки и финты, броски в сторону и катание по земле – и хлопки чудовищных лап в нескольких дюймах от тела. От этой гимнастики сердце Хольгера готово было выпрыгнуть из груди.

И вдруг – первый луч солнца упал на голову великана. Баламорг взвыл. Еще никогда и нигде не слышал Хольгер вопля, в котором было бы столько муки и ужаса. Великан рухнул – и земля ухнула, как от взрыва. Великан выл не переставая и корчился, как гигантский червяк. Это было жуткое зрелище.

И вдруг вопль оборвался. В беспощадно ясных лучах солнца на том месте, где упал великан, лежала на земле удлинённая гранитная глыба с едва различимыми человеческими очертаниями. Лопнувшие шкуры лохмотьями свисали с нее. И это было последнее, что запечатлел взгляд Хольгера. Он упал и потерял сознание...

Когда он пришел в себя, его голова покоилась на коленях Алианоры. Солнце горело в ее волосах... солнце сияло в жемчуге ее слез...

Хуги скакал вокруг каменной глыбы.

– Злато, злато, злато! – горланил он. – Все они носят на поясе целый мешок! Быстрей, рыцарь! Разрежь мешок, и мы станем богаче, чем короли!

Хольгер поднялся и, заметно прихрамывая, направился к Хуги.

– Лучше этого не делать, – предупредила Алианора, – однако, любимый, как ты решишь, так и будет. В дороге нам не помешают несколько монет. Но только прошу тебя: позволь мне нести это богатство – пусть проклятие падет на меня, только на меня.

Хольгер молча отодвинул Хуги и склонился над завязанной сумой, сшитой из грубой кожи. Несколько монет выпали из нее и, ослепительно сверкая, лежали рядом. Огромное богатство...

Но что это за запах? Нет, не терпкий смрад кожи, а совсем другой – чистый и легкий, какой бывает после грозы на рассвете... Озон? Да! Но откуда?

– Боже! – вырвалось у него.

Он подскочил как ужаленный, бросился к Алианоре, подхватил ее на руки и помчался бегом к лагерю.

– Хуги! Бегом! Быстрей! Прочь отсюда! Ни к чему не прикасайся, если тебе дорога жизнь!

В одну минуту их пожитки оказались собранными, и Папиллон галопом помчал их на запад. Только когда тропа нырнула за высокий утес, Хольгер придержал жеребца. Хуги и Алианора немедленно потребовали объяснений. Он вынужден был на ходу сочинить им историю о внезапном видении ангела, предостерегающего от смертельной опасности.

Его авторитет не позволил им усомниться.

А какими еще словами он мог объяснить им подлинную суть дела? Он и сам был не очень силен в ядерной физике. Помнил только обрывки лекций об экспериментах Лоуренса и Резерфорда. И о лучевой болезни.

Басни о проклятии, наложенном на золото погибшего великана, оказались чистой правдой. Превращение атомов углерода в атомы кремния сопровождается радиоактивным излучением, а в данном случае речь шла о многих тоннах вещества.

Глава 13

Теперь дорога шла вниз. Через несколько часов в лесу, по которому они ехали, стали попадаться следы человеческой деятельности: пни срубленных деревьев, кучи выкорчеванного кустарника и поляны, вытопанные скотом. Наконец – даже некое подобие дороги, петляющей сквозь чащу. По словам Алианоры, по этой дороге они могли еще до вечера добраться до какого-то городка. Хольгер дремал в седле: ночное приключение вымотало его, а медленная езда и пение птиц так сладко баюкали.

Они миновали брошенный хутор. Все говорило о былой зажиточности хозяев: основательный и просторный дом из тесаных бревен, аккуратные соломенные крыши над амбаром и овчарней. Однако дом был пуст, из трубы не шел дым, а по безжизненному подворью неуклюже скакал ворон. Ворон посмотрел на путников, склонив голову набок, и насмешливо каркнул.

– По следам видно, – сказал Хуги, – что хозяин свое стадо в город угнал или еще куда по дороге. Хотел бы я знать зачем.

К вечеру они выехали из леса на открытую местность. Вокруг колосились поля пшеницы. Солнце падало за кромку гор, и первые звезды робко теплились на востоке. Было еще достаточно светло, и Хольгер заметил недалеко впереди на дороге облако пыли. Он причмокнул, и уставший Папиллон сделал вид, что прибавил ходу. Алианора, гоняющая в небе голубей, опустилась на землю и приняла человеческий облик.

– Нет смысла беспокоить этих людей, – сказала она. – Они куда-то торопятся и явно чем-то встревожены.

Хуги потянул большим носом воздух:

– Гонят скотину за городские стены. Ух и смердит! Всем на свете – и навозом, и псиной, и потом, да вдобавок чем-то совсем не людским...

Стадо остановилось, и они догнали его. Несколько овец отбились и забрели в пшеницу. Пастухи и псы, безжалостно топча хлеб, выгоняли их на дорогу. Странно, подумал Хольгер. Не очень похоже на бережливых крестьян.

Папиллон остановился: дорогу путникам преградили всадники с копьями наперевес. Это были коренастые, светлокожие бородачи, одетые в простые полотняные кафтаны, подпоясанные ремнями. И хотя они производили впечатление флегматичных и миролюбивых людей, что-то в их голосах и движениях говорило о мрачной готовности к драке.

– Кто вы такие? – спросил один из них.

– Сэр Хольгер из Дании со своими друзьями, – объявил Хольгер. – Я прибыл с миром и хотел бы найти в городе еду и ночлег.

– Ольгер? – переспросил другой и почесал затылок. – Вроде я где-то это имя слышал.

– Я прибыл издалека и в ваших краях проездом. Ты слышал не обо мне.

– Ладно, – сказал первый. – Стадо вот надо гнать. Приветствуем, значит, тебя, господин, в Лурвиле. Боюсь, что ты прибыл в недоброе время, но сэр Ив не откажет в гостеприимстве... Эй ты, там! – закричал он. – Вороти эту телку, а то она добежит до соседнего графства... Меня зовут Рауль, господин. Прости, что остановил тебя.

– Что у вас происходит? – спросила Алианора. – Зачем вы гоните скот за стены?

– Ну да, гоним, – кивнул Рауль. – Днем, значит, пасем его все сообща, а к сумеркам гоним в город. Нынче по ночам все, кто могут, за стены идут. Ни один храбрец, слышь, в одиночку за город ночью не сунется. Оборотень у нас шастает, вот так.

– Да что ты? – охнул Хуги.

– Ну. В последние годы все у нас пошло наперекосяк. В каждом доме беда на беде сидит. Нынешней весной, слышь, топор мой возьми да шмякни мне по ноге. А после и отца моего рубанул. Три недели – посеvную как раз – пролежали мы с ним пластом, слышь. И в каждой

семье такие страсти. Люди говорят, все оттого, что Срединный Мир подымается. Чернокнижье в силу входит. – Рауль перекрестился. – Но этот волк-оборотень – самая худшая из всех наших напастей, Христос нас сохрани.

– А может, это обычный волк? – спросила Алианора. – Только более сильный и ловкий?

– Может, и так, – мрачно хмыкнул Рауль. – Однако как понять, что простой волк столько ворот сломал и замков отворил? Да еще для потехи за один раз дюжину овец зарезал? А прошлой ночью, объясни мне, кто был? Пьер Большеног с женою Бертой дома, значит, сидели. Это в лесу, отсюда в трех милях. Ночью, значит. Тут он им окно выломал и ворвался. Из люльки дитя схватил – и бежать. Пьер его серпом, да только серп сквозь его ребра – как сквозь воду. Спасибо Берте: не растерялась ихватила его серебряной ложкой, из своего приданого, значит. Тут он и бросил дитя – слава богу, не искалечил. И в то же окно утек. Вот, значит, какой это волк. Может, конечно, и простой.

– Нет, конечно, – согласилась Алианора.

Рауль плюнул на землю.

– Так что лучше мы посним за стенами, пока эта нечисть не уберется. Пускай себе рыщет на голом месте. А может, мы когда и найдем того, кто его шкуру носит, найдем да сожжем. Да-а-а, – протянул он, – для всех он – большое несчастье, и для нашего сэра Ива. Ведь его-то дочь Рембер как раз к путешествию на запад готовится, дабы обвенчаться в Вене, значит, с третьим сыном маркиграфа.

– Наш господин, наверное, не сможет принять тебя как положено, – добавил один из спутников Рауля. – Он теперь каждую ночь на крепостной стене. А госпожа Бланшфлор – в постели: хворает она.

Хольгер подумал, что следовало бы предложить свои услуги для ночного дежурства, но после событий последней ночи и дня, проведенного в седле, он просто падал от усталости. Он кивнул крестьянам и тронул поводья.

Хольгер попросил рассказать подробнее об оборотнях, и вот что поведала Алианора:

– Есть два пути, с помощью которых человек может превращаться в животных. Первый – заклинания, обращенные на обычных людей. Именно таким образом превращаюсь в лебедя я. Другой путь ужасный. Он для тех, кто рождается с двойной природой. Они никогда не прибегают к заклинаниям, но каждую ночь ими овладевает темное желание стать медведем, или кабаном, или волком... В человеческом облике они могут быть мягкими и спокойными, но в зверином – они сеют смерть до тех пор, пока не удовлетворят свою жажду крови. Страх перед разоблачением заставляет их всегда возвращаться в человеческий облик. Их нельзя победить, потому что даже смертельные раны заживают у них мгновенно. Только серебра боятся они и, видя серебряное оружие, убегают...

– Постой, но... Выходит, этот оборотень откуда-то пришел сюда?

– Не обязательно. Скорее всего, это кто-то из местных. Малая толика волчьей крови может долгие годы, а иногда даже всю жизнь дремать и оставаться скрытой от всех. Но в последнее время силы зла растут и могли разбудить спящего в ком-то демона. Оборотень, конечно, и сам должен быть очень напуган. Помоги ему бог, когда люди дознаются, кто это.

Во всем этом была своя особая и обычная для этого мира логика. Вурдалак, по-видимому, был продуктом какого-то фокуса с генами. Если пропорции человеческих и волчьих генов были равны, тогда, вероятно, оборотень был оборотнем с младенчества, и его убивали сразу, когда отец обнаруживал в колыбели волчонка. Если пропорции были неравны, менять облик было сложнее. Обладатель такой наследственности мог носить в себе это проклятие, ничего не подозревая. Но только до того времени, пока не возрастала мощь магического дуновения со стороны Срединного Мира, вызывающая биологические и химические изменения в организме...

Сумерки стали уже такими плотными, что приходилось напрягать зрение, чтобы что-нибудь рассмотреть. Городок был обнесен крепкой деревянной стеной с узким настилом сверху. По нему сегодня и будет совершать обход сэр Ив. За стеной прятались одно- и двух-этажные деревянные домики. Узкие пыльные улочки были пропитаны запахом скота. Та, по которой они вошли в город, казалась немногим шире и прямее остальных.

Появление Хольгера привлекло к нему общее внимание. Женщины, дети, ремесленники в грязной одежде – все с чадящими факелами в руках – провожали его любопытными и почтительными взглядами. Хольгер остановил коня рядом с крепким бородачом. Тот погладил бороду и представился:

– Кузнец Одо, господин. К твоим услугам.

– Эта дорога приведет ко двору вашего господина? – спросил Хольгер.

– Да, сэр рыцарь. Эй, Фродар, наш господин еще дома?

Юноша в потертых красных штанах и с мечом на поясе кивнул:

– Я оставил его минуту назад, уже полностью одетого и вооруженного. Он подкрепляется кружкой пива. Я его оруженосец, сэр рыцарь. Я провожу тебя: наш городок – настоящая голололомка.

Хольгер снял шлем и подставил потную голову под свежий ночной ветерок. На излишний комфорт здесь, конечно, рассчитывать не придется. Сэр Ив де Лурвиль, скорее всего, не очень богат – провинциальный рыцарь с горсткой челяди, охраняющий этот край от разбойников и исполняющий обязанности судьи. Рауль едва не лопался от гордости, когда сообщал о свадьбе дочери своего господина с младшим сыном мелкого аристократа из западной провинции империи.

Оруженосец двинулся вперед, подняв факел повыше. Хольгер пустил Папиллона следом. Едва они повернули в первую темную улочку, как где-то рядом раздался ужасный женский крик.

Мгновение – и шлем Хольгера очутился на его голове, а обнаженный меч в руке. Папиллон развернулся. Люди на улице сбились в толпу и тревожно галдели. Пылающие факелы лили пляшущий свет. Верхние этажи домов тонули в полумраке. Хольгер заметил, что и окна и двери во всех домах плотно закрыты. В одном из этих домов и кричала женщина.

Вдруг ставни одного из домов, запертые на железный засов, разлетелись вдребезги. Длинное косматое существо серо-стального цвета вылетело из распахнутого окна. Упав на землю, оно подняло голову. В ужасных челюстях бился младенец.

– Волк! – закричал кузнец. – Он в городе!

В окне показалась мать ребенка.

– Спасите! – завопила она. – Он вбежал через черный ход! Держите его, люди, держите! Пусть Бог покарает вас, мужчины, чего вы стоите?! Спасите мою Люси!

Папиллон рванулся вперед. Ребенок бился и плакал. Хольгер ударил мечом, но волк оказался проворнее: со сверхъестественной быстротой он проскользнул под брюхом Папиллона и помчался по улице.

Оруженосец Фродар встал на его пути. Не замедляя хода, волк прыгнул и пролетел над его головой. Сейчас он нырнет в ближайший переулочек – и все, его не найти.

Раздалось хлопанье крыльев: на землю перед волком упал лебедь и атаковал его, целя клювом в глаз. Волк прижал уши, отпрыгнул и метнулся к переулку. Алианора вновь оказалась у него на дороге – и обрушилась на чудовище, как снежный буран. Главное – она задержала его.

А Хольгер уже был рядом. Теперь настал его черед. И хотя на таком расстоянии от факелов он различал только темный силуэт врага, он рубанул мечом – раз, другой... Он почувствовал, как меч рассекает плоть. В темноте сверкнули глаза оборотня – зеленые, холодные, жуткие. Хольгер вновь поднял меч и в слабом свете вспыхнувшего поодаль факела заметил, что на клинке нет ни капли крови. Железо не ранило оборотня.

Папиллон ударил копытом, опрокинул волка и стал топтать его. Неуязвимая косматая тень откатилась в сторону и исчезла в темноте. Брошенный ребенок остался на земле, заливаясь слезами.

Прежде чем люди успели добежать к ним, Алианора снова стала человеком. Она подняла с земли испачканную кровью и грязью девочку и прижала к груди:

– Ах, бедное дитя, маленькая моя, уже все хорошо. И ничего с тобой не случилось. Разве что несколько царапинок. Перепугалась, бедняжка? Зато теперь ты сможешь рассказать своим детям, как лучший на свете рыцарь однажды спас тебя. Вот ты уже и не плачешь...

Мужчина с окладистой черной бородой, очевидно отец малютки, почти вырвал девочку из рук Алианоры, прижал к себе и вдруг, отчаянно зарыдав, упал на колени.

– Успокойся, – сказал Хольгер, – возьми себя в руки. Ребенок жив и невредим. Мне нужны люди с факелами. Ты, ты и ты, идите сюда. Мы должны схватить волка.

Часть мужчин, перекрестившись, отвернулись. Кузнец Одо потряс кулаком и мрачно спросил:

– Как мы это сделаем, рыцарь? Он не оставляет следов ни на земле, ни на камне. Он доберется до своего дома и снова станет одним из нас.

Хуги потянул Хольгера за рукав.

– Мы его выследим, если прикажешь, – сказал он. – У меня свербит в носу от его смрада.

Хольгер принял:

– Я ощущаю только запах навоза и помойки.

– Да, но ты ведь не лесовик. Быстро, рыцарь, спусти-ка меня на землю, а я уж пойду по следу. Только смотри держись ко мне поближе.

Хольгер поднял Алианору в седло и двинулся за Хуги. Фродар и Одо шли по обеим сторонам от него, высоко подняв факелы. Сзади, вооруженные ножами и палками, двигались самые отважные из городских жителей.

«Если мы его схватим, – подумал Хольгер, – нам понадобится силой удерживать его и попытаться связать. А там... Там будет видно».

Путь волка все время кружил по городу. Вскоре Хуги вывел их на рыночную площадь, мощенную брусчаткой.

– Запах острый, как горчица! – воскликнул он. – Никто на свете не смердит так, как оборотень, который недавно сменил обличье.

«Не результат ли это выделений каких-то желез?» – мелькнуло в голове Хольгера.

Они миновали площадь и двинулись по относительно широкой улице. В домах светились окна. Хуги, не отвлекаясь по сторонам, вел прямо и прямо – до тех пор, пока за спиной Хольгера не прозвучал испуганный голос Фродара:

– Нет! Только не дом моего господина!

Глава 14

Дом рыцаря выходил фасадом на церковную площадь. Кухня и конюшня стояли отдельно. Сам дом выглядел не слишком роскошно – деревянный, крытый соломой, он был немного просторнее, чем дачный домик в далекой Дании. Парадный вход был закрыт, из щелей в ставнях окон сочился свет. В конюшне надрывались псы.

Хуги приблизился к двери, обитой железом.

– Волк вошел сюда, – сказал он.

– А мой господин и его семья там совсем одни! – Фродар подергал дверь. – На засове! Сэр Ив! Ты слышишь меня? Все ли в порядке?

– Одо, зайди в дом сзади, – приказал Хольгер. – А ты, Алианора, поднимись в воздух и следи сверху.

Он подъехал к двери и постучал в нее рукояткой меча. Кузнец с группой мужчин скрылся за углом. Хуги поспешил за ними. Отовсюду на площадь стал стекаться народ. В неверном свете факелов Хольгер узнавал знакомые лица: пастухи с дороги. С копьем в руке к нему подошел Рауль.

Стук в дверь отзывался в доме эхом.

– Умерли они там, что ли? – вскричал Фродар. – Нужно взломать дверь! Люди, что вы стоите?!

– Нет ли в доме черного хода? – спросил Хольгер. Кровь молоточками стучала в висках, но он не испытывал страха перед чудовищем. Он делал работу, для которой был призван.

Хуги протиснулся к нему сквозь толпу и дернул за стремя.

– Здесь других дверей нет, – сообщил он. – А все окна закрыты наглухо. Я все обнюхал: волк в доме, он не выходил. Теперь он от нас не уйдет.

Горожане притихли и ждали, готовые ко всему. Свет факела осветил испуганное лицо какой-то женщины, блеснул на мокром от пота лбу мужчины, отразился в обнаженном клинке. Над толпой щетинилось оружие – копья, топоры, косы, пики, цепи...

– Нет никого, – ответил Фродар. – Прислуга, как стемнеет, расходится по домам. На ночь остается только старый Николя, но он вот он, вместе с конюхами. Давай войдем, сэр рыцарь.

– Именно это я и хотел предложить. Разойдитесь немного.

Фродар и Рауль быстро и грубо оттеснили толпу. Хольгер похлопал Папиллона по шее и шепнул ему:

– Ну, мальчик, покажи, покажи им, чего мы стоим.

Конь разбежался – и передние копыта с грохотом ударили в дверь. Засов отлетел. Путь был свободен.

Хольгер въехал в дом и оказался в длинном зале с глиняным полом, кое-где покрытым потрепанными циновками. Стены, вдоль которых тянулись лавки, были украшены охотничьими трофеями и оружием. Между стропилами колыхались запыленные боевые знамена. При свете свечей в канделябрах можно было убедиться, что в помещении никого нет. Из толпы, ввалившейся вслед за Хольгером, донеслись яростные восклицания. Кто-то, закованный в сталь, вырвался вперед и поднял меч.

– Кто ты?! Что это за разбой?!

– Сэр Ив! – воскликнул Фродар. – Волк не причинил тебе вреда?

– Какой волк? В чем дело, черт побери? Кто ты, рыцарь? Как ты объяснишь мне, что вломился в мой дом? Или ты мой враг? Если нет, то, клянусь Богом, ты сделал все для того, чтобы им стать!

Хольгер соскочил с коня и подошел к хозяину. Сэр Ив де Лурвиль был высоким худым мужчиной с апатичным лошадиным лицом и обвислыми серыми усами. Доспехи на нем были

куда изысканнее, чем у Хольгера. Герб на его щите – черная волчья голова на фоне красных и серебряных полос – показался необычайно точно соответствующим ситуации. Кто-то из его предков мог быть стопроцентным оборотнем, и, когда все об этом забыли, герб сохранил память...

– Я сэр Хольгер из Дании. Я и множество других людей видели волка собственными глазами. Только благодаря милосердному провидению нам удалось спасти ребенка, которого он похитил. Он убежал. Его след привел нас сюда.

– Да! – воскликнул Хуги. – След ведет прямо в дом!

Ропот пробежал по толпе.

– Ты лжешь, карлик! Я просидел здесь весь вечер. Никакой зверь не вбегал сюда. – Сэр Ив ткнул мечом в сторону Хольгера. – И здесь нет никого, кроме моей больной жены и моих детей. И если кто-то решится сказать, что я лгу...

Роль смельчака была ему не по плечу: голос выдавал его растерянность. Ему ответил Рауль:

– Если все это так, сэр Ив, то оборотнем, значит, должен быть кто-то из твоих домашних.

– Что? – гневно воскликнул рыцарь. – Видно, ты перетрудился сегодня. Я прощаю тебе эти слова. Но если кто-нибудь еще осмелится сказать так, отправится на виселицу!

– Лесовик! – сказал сквозь слезы Фродар. – Ты уверен?

– Кому вы поверили! – загрохотал сэр Ив. – Этому недочеловеку и какому-то неизвестному с большой дороги? Разве не я все эти годы охранял вас от зла?

За его спиной возник юноша лет четырнадцати, щуплый и светловолосый. На голове его был шлем, в руках – щит и меч.

– Я здесь, отец! – звонко выкрикнул он и впился в Хольгера зелеными злыми глазами. – Я, Ги, сын Ива де Лурвиля, хоть еще и не посвящен в рыцари, обвиняю тебя во лжи и вызываю на бой.

Хольгер был тронут. Мальчик еще очень молод, но его храбрость делает ему честь.

«Не торопись делать выводы», – одернул он себя.

Оборотень может производить самое выгодное впечатление до тех пор, пока его метаболизм не разбудит в нем жажду убийства. Он вздохнул и вложил меч в ножны.

– Я не хочу сражаться, – сказал он. – Если люди скажут, что не верят мне, я уйду.

Горожане беспокойно зашевелились. Многие прятали глаза. Вдруг в дверях появился Одо: он расталкивал людей, прокладывая дорогу Алианоре.

– Дева-лебедь будет говорить! – крикнул он. – Дева-лебедь, которая спасла Люси! Тихо, вы там, поберегите лбы, или они кое у кого треснут!

Наступила полная тишина, нарушаемая только лаем собак на улице. Хольгер заметил, как побелели костяшки пальцев Рауля, сжимающего копьё. Какой-то коротышка в одеянии священника упал на колени, прижимая к груди распятие. Ги разинул рот. Сэр Ив отшатнулся, как человек, получивший удар в живот. Все взгляды были прикованы к Алианоре. Она стояла в центре зала, стройная и гибкая, и свет свечей мерцал в ее каштановых волосах.

– Кто-то из вас обо мне слышал, наверное, – начала она. – Я живу у озера Аррои. Не люблю хвалиться, но в городах, которые ближе к моему дому – в Тарнберге, Кромодню, – вам расскажут, сколько заблудившихся детей я вывела из леса и как заставила саму фею Маб снять заклятие с мельника Филиппа. Я знаю Хуги с детства и готова поручиться за него. А сэр Хольгер... Счастье для вас, что могущественнейший рыцарь, какого когда-либо знал мир, прибыл к вам именно сейчас, чтобы освободить вас от волка, прежде чем тот успеет унести жизни многих. Будьте послушны ему – вот и все, что я хочу вам сказать.

Из толпы, ковыляя, вышел старик и, прищулив подслеповатые глазки, произнес в тишине:

– Ты что же, хочешь сказать, что это – Защитник?

– Ну-ну... – попробовал возразить Хольгер, но старик продолжал:

– Защитник? Тот, кто придет в час самой лютой напасти?... Дед рассказывал мне эту легенду, но не говорил имени... Так это, выходит, ты, сэр рыцарь? Ты?

– Нет, – сказал Хольгер, но его никто не услышал. Все, казалось, заговорили сразу. Рауль с копьем наперевес рванулся вперед.

– Святое Небо! Моим господином не будет тот, кто пожирает детей! – крикнул он.

Фродар взмахнул мечом, но без особого рвения. Удар пришелся по древку копья. Мгновением позже четверо мужчин уже прижимали оруженосца к полу.

Сэр Ив бросился на Хольгера. Датчанин едва успел выхватить меч и отразить удар. Ответным ударом он расколол щит сэра Ива. И следующим выбил у него меч. Двое горожан скрутили своему господину руки. Ги полез в атаку, но был остановлен пиками, нацеленными ему в грудь.

– Рауль, Одо, успокойте людей! – приказал Хольгер. – Не позволяйте никого обижать. Ты, ты и ты, – указал он на троих молодых горожан, – охраняйте вход. Никто не должен отсюда выйти. Хуги и Алианора, идите за мной.

Он сунул меч в ножны и зашагал в глубину дома. Перпендикулярно главному залу шел коридор с резными деревянными панелями. Хольгер отворил крайнюю дверь и ступил в комнату, увешанную шкурами и гобеленами, попорченными молью. Пламя свечей освещало лежащую на просторном ложе женщину. Прямые светлые волосы, милое лицо, болезненный румянец на щеках. Она прижимала ко рту платок и надсадно кашляла.

«Грипп», – определил Хольгер.

Рядом с кроватью сидела девушка лет семнадцати. Безукоризненная фигурка, длинные светлые волосы, голубые глаза, маленький вздернутый носик и изумительно красивые губы. Она была одета в простое одноцветное платье, перетянутое пояском с золотой пряжкой.

Хольгер поклонился:

– Благородная дама и благородная девица, прошу извинить меня за это вторжение. Меня принудили к нему обстоятельства.

– Мы знаем, – нервно ответила девушка. – Я все слышала.

– Я имею честь говорить с дочерью сэра Ива?

– Да. Мое имя Рембер. А это моя мать Бланшфлор.

Упомянутая дама высморкалась и со страхом взглянула на Хольгера. Рембер нервно ломала пальцы.

– Я никак не могу поверить тебе, рыцарь, – продолжала она. – Ты утверждаешь, что один из нас... хищный зверь...

– След ведет сюда, – сказал Хуги.

– Значит, никто из вас не видел, как оборотень вошел сюда? – уточнил Хольгер.

Бланшфлор покачала головой. Рембер пояснила:

– Мы все были в разных комнатах. Ги в своей, я в своей, а мать спала здесь. Двери были закрыты. Отец сидел в зале. Когда я услышала шум, то прибежала сюда, чтобы успокоить мать.

– Тогда выходит, что оборотень – сэр Ив, – сказала Алианора.

– Отец? Нет-нет! – испугалась Рембер. Бланшфлор закрыла лицо руками. Хольгер повернулся к двери.

– Идем дальше, – скомандовал он.

Комната Ги располагалась под лестницей, ведущей в башню, а Рембер – напротив, в противоположном конце коридора. И та и другая оказались обставленными в полном соответствии со вкусами и интересами девушки и юноши их круга и возраста. Во всех комнатах имелись окна, выходящие во двор. Запах оборотня, по словам Хуги, витал здесь повсюду. Зверь, по видимому, наведывался в эту часть дома из ночи в ночь. Правда, из этого отнюдь не следовало, что все непременно должны были видеть его: он мог проникать через окно, когда все спали.

– Кто-то из них троих, – пробормотала Алианора.

– Ну да, – подтвердил Хуги. – Из четверых. Их мать тоже может быть оборотнем. Здоровье возвращается к нему, когда он меняет шкуру.

Помрачневший Хольгер вернулся в зал. Рауль и Одо навели здесь образцовый порядок. Горожане стояли вдоль стен, Папиллон сторожил вход, сэр Ив и Ги сидели в высоких креслах, привязанные ремнями. Фродар, тоже связанный, лежал на полу. Священник тихонько бормотал молитву.

– Ну? Что? – Рауль подбежал к Хольгеру. – Кто из них носит проклятие?

– Пока не знаем, – ответила за него Алианора. Ги плюнул в сторону Хольгера.

– Когда я увидел тебя без шлема, то сразу подумал, что ты мало похож на рыцаря, – язвительно проговорил мальчик. – А теперь, когда ты ворвался в покои беззащитных женщин, я наверняка знаю, что ты не рыцарь.

В зал зашла Рембер. Подойдя к отцу, она поцеловала его в щеку, потом посмотрела по сторонам и сказала:

– Вы все хуже зверей, вы, поднявшие руку на своего господина!

Одо покачал головой.

– Нет, девица, – сказал он. – Господин, который не заботится о своих людях, – не господин. У меня дома остались маленькие дети, и я не хочу, чтобы их сожрали живьем.

Рауль ударил копьём в пол.

– Волк должен умереть сегодня! – возвестил он. – Назови его имя, сэр Хольгер! Его или ее имя. Назови имя волка!

Хольгер промывал что-то невразумительное. От волнения у него пересохло во рту.

– Но мы не можем сказать! – воскликнул Хуги.

– Тогда... – Рауль обвел пленников пасмурным взглядом. – Может, зверь признается сам? Я обещаю ему легкую смерть: удар в сердце серебряным ножом.

– Обойдемся и железным, – продолжил Одо. – Ведь он в человеческом облике. Отвечайте. Я не хотел бы прибегать к пыткам.

– Если никто не признается, то придется умереть всем, – заключил Рауль. – Священник здесь – он исповедует.

Ги заскрипел зубами. Рембер окаменела. Из глубины дома донесся сухой кашель Бланш-флор. Ив, казалось, впал в забытие. Вдруг он тряхнул головой и сказал:

– Ладно. Это я оборотень.

– Нет! – крикнул Ги. – Это я!

Рембер усмехнулась:

– Они оба лгут. Настоящий оборотень – это я, добрые люди. Но не убивайте меня, ведь достаточно меня хорошо стеречь – до тех пор пока я не уеду отсюда к своему жениху в Вену. Там, далеко от Фейери, я буду за пределами сил, которые принуждают меня к превращениям.

– Не верьте ей! – крикнул Ги.

Ив затряс головой и замычал, как от зубной боли.

– Так дело не пойдет, – сказал Рауль. – Мы не можем допустить, чтобы оборотень ушел живым. Отец Вальдебрун, ты готов причастить всех членов этой семьи?

Хольгер достал меч и заслонил собой пленников.

– Пока я жив, здесь не прольется кровь невинного, – услышал он металлический голос, в котором с удивлением узнал свой собственный.

Кузнец Одо сжал кулаки:

– Я не хотел бы обижать тебя, сэр, но, если это понадобится для блага моих детей, я это сделаю.

– Если ты Защитник, – прозвучало в толпе, – то назови нам имя врага.

Снова настала напряженная тишина. Хольгер чувствовал, как его спину сверлят три пары глаз. Он должен найти ответ. Но как? Он не гений и не пророк, он всего лишь инженер-праг-

матик. Правда, теперь он не может, как когда-то, дать голову на отсечение, что все на свете вопросы можно решить с помощью одного только здравого смысла. Однако... эту загадку, кажется, можно... Он не детектив, но и оборотень не профессиональный преступник. Вся ситуация разложима на логические конструкции... Внезапная догадка буквально ошеломила его.

– Да! Слава богу, да! – воскликнул он.

– Что? Что? – оживилась толпа.

Хольгер начал говорить. Удивительным было то, что он и сам не знал, чем закончит свой монолог, но толпа, не замечая его неуверенности, впитывала каждое слово.

– Тот, кого мы сегодня ищем, – оборотень от рождения. Ему не нужно магической кожи, как, например, Алианоре. А значит, одежда не может меняться вместе с ним. Следовательно, на разбой он выходит голым. Фродар сказал мне за минуту до появления волка, что оставил своего господина в полном рыцарском облачении, пьющим пиво здесь, в доме. Но даже с посторонней помощью сэр Ив не смог бы в течение кратких минут снять с себя латы и оружие, которые и сейчас на нем, а затем облачиться в них снова. Следовательно, он не оборотень. Точно так же и Ги взял на себя вину только для того, чтобы выгородить кого-то другого. Он проговорился, сказав, что видел меня без шлема. А ведь сегодня я снимал шлем только однажды, когда спрашивал о дороге сюда. И надел его снова, когда началась суматоха. Волк не мог видеть меня без шлема. Он был в это время... точнее, она была в том доме. Она вбежала туда через заднюю дверь и выскочила в окно, закрытое ставнями. Думаю, что Ги видел меня с вершины башни над его комнатой. И следовательно, его не было там, где мы видели волка. Что касается леди Бланшфлор... – Хольгер задумался. «Как, черт побери, объяснить им природу болезни, вызванной вирусами?» – Леди Бланшфлор больна, и этой болезнью не болеют собаки и волки. И если бы она превратилась в волка, то мгновенно стала бы здоровой, но она была бы, конечно, слишком слаба, чтобы вести себя так агрессивно и дерзко. К тому же, превратившись, она убила бы вирус... то есть демона, вызывающего болезнь, – и после обратного превращения осталась бы здоровой. Но у нее жар и кашель. Думаю, ее нужно избавить от подозрений.

Рембер прижалась спиной к стене. Ее отец застонал и в мольбе протянул к ней руки.

– Нет... нет... нет... – повторял он.

Толпа свирепо заворчала и, выставив вперед копья и вилы, стала надвигаться на Рембер. Девушка упала на четвереньки, черты ее лица стали стремительно искажаться.

– Рембер! – крикнул Хольгер. – Нет! Не нужно!.. Я не допущу!..

Рауль попытался достать ее копьем. Алианора бросилась к ней и обхватила руками текущее тело.

– Не нужно! – умоляла она. – Нет, сестра, вернись! Он спасет тебя, он обещает!..

Лязгнули клыки, пытаясь сомкнуться на ее плече. Алианора ловко натянула губы волка на его клыки. Теперь он не мог ее укусить.

– Сестра! Сестра! Мы хотим тебе только добра!

Чтобы удержать толпу, Хольгер вынужден был пустить в ход кулаки. Несколько самых горячих оказались на полу – это успокоило остальных. Они остановились и замолчали, глядя исподлобья.

Хольгер обернулся к Рембер. Человеческий образ опять вернулся к ней, и она, рыдая, прижалась к Алианоре.

– Я совсем не хочу этого! Я не хочу! Это накатывает само! Я боялась... Меня сожгут... Отец Вальдебрун, отчего я проклята? Теперь мне гореть в аду?.. О, дети так кричат...

Хольгер обменялся взглядом со священником.

– Это болезнь, – сказал он. – Здесь нет ее злой воли. Что она может сделать...

Сэр Ив смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

– Я подозревал, что это она, – пробормотал он. – Когда волк вбежал в дом, я знал, где Бланшфлор и Ги... Я запер дверь. Я хотел... Я думал, мне удастся ее удержать, а потом она уедет.

– Почему бы и нет? – вмешался Хольгер. – По-моему, это разумно. Если увезти ее достаточно далеко, влияние сил Срединного Мира ослабеет, и превращения прекратятся. До той поры ее нужно, конечно, хорошенько стеречь.

– Прольется свет и осветит ее душу, – мягко сказал священник. – Тогда ей потребуются воля и утешение.

– Честно говоря, – продолжал Хольгер, – она пока что не совершила ничего ужасного. Ее отец выплатит компенсацию тем, кто понес какой-либо ущерб, а также родителям раненых детей. Их, кажется, всего двое? И отвезет ее в Вену как можно скорее. Я думаю, хватит и сотни миль, чтобы уйти от опасности. В империи, конечно, обо всем этом знать не должны.

Рауль бросился к ногам сэра Ива, а Одо, сопя, стал возиться с узлами веревок.

– Господин, прости нас! – воскликнул пастух.

Ив слабо улыбнулся:

– Боюсь, что это я должен просить прощения. И прежде всего – у тебя, сэр Хольгер.

Рембер подняла заплаканное лицо.

– За-заберите мен-ня отсюда, – всхлипнула она. – Я чувствую, как темнота возвращается. Заприте меня до рассвета... А завтра, сэр рыцарь, я смогу отблагодарить тебя... Ты спас мою душу.

Фродар повалился Хольгеру в ноги.

– Защитник вернулся! – слезливо закричал он.

– Только без этого вздора! – отрезал датчанин. – Я заглянул в ваш город ради куска мяса с хлебом. Или я могу рассчитывать еще и на глоток вина?

Глава 15

Популярность Хольгера стала такой, что теперь он не мог и шагу ступить, не будучи окружен толпой почитателей. Леди Бланшфлор заставила его благословить ее и спустя несколько часов действительно оказалась совершенно здоровой. Она выздоровела бы и так: кризис уже миновал, но Хольгеру сразу стало мерещиться, как он кочует по округе и врачует приступы радикулита и фурункулез.

Однако надо было спешить к волшебнику-эксперту, пока фея Моргана не придумала новую чертовщину. Поэтому к вечеру следующего дня они оставили Лурвиль и двинулись дальше. Сэр Ив настоял, чтобы Алианора приняла в подарок верховую лошадь, и она с удовольствием дала себя уговорить. С таким же удовольствием они взяли бы и деньги, но ни один уважающий себя рыцарь не имел, увы, права коснуться этой низменной темы.

Следующие несколько дней были самыми приятными днями их путешествия. Путь лежал через холмы и долины, сквозь прозрачные рощи. Они останавливались где хотели и позволяли себе долгие стоянки на берегах рек и озер, где ловили рыбу и наслаждались купанием. Время от времени мелькал в стороне бледный силуэт лесной нимфы, но Срединный Мир, казалось, забыл об их существовании.

Единственное, что смущало порой Хольгера, – неправдоподобная естественность Алианоры. Трудно было найти более неунывающего и покладистого спутника, но привыкнуть к ее манере сбрасывать тунику при виде каждого водоема, пригодного для купания, он не мог. В придачу время от времени появлялись ее лесные приятели. Белку, принесшую в подарок орехи, еще можно было перенести, но, когда в лагерь заявился лев и положил к ее ногам оленью тушу, Хольгер дрогнул.

Однако главная проблема заключалась в ее отношении к нему. Черт побери, он не имел никаких серьезных намерений! Развлечения в стогу сена с кем-нибудь вроде Меривен – совершенно другое. А он при первой же возможности намерен вернуться в свой мир, так что роман между ними заведомо обречен. Хольгер решил оставаться джентльменом до конца, но, черт возьми, она ни на йоту не упрощала его задачу и буквально льнула к нему.

Однажды вечером Хольгер отозвал Хуги в сторону. Целый час перед этим он желал спокойной ночи Алианоре, эта процедура требовала от него слишком много поцелуев и сил...

– Хуги, – сказал он, – ты знаешь все, что происходит между мной и Алианорой.

– А то как же! – хмыкнул гном. – Глаза-то у меня есть. Слишком долго, скажу я, жила она в дикости, среди зверья да лесного народа.

– Но... ты сам предупреждал меня, чтобы я вел себя с ней поприличнее.

– Тогда я тебя еще не знал. А теперь вижу, что дивно же вы друг дружке подходите. Девке всегда парень нужен. Так что ты да она могли бы царить в лесах наших. А мы бы радовались.

– Значит, ты мне помочь не хочешь?

– Это я тебе не помогал? – обиделся Хуги. – Да не счесть, сколько раз я нарочно к вам затылком сидел или в лес уходил, чтобы одних вас оставить.

– М-да... Помощник. Ладно.

Хольгер раскурил трубку и уныло уселся у костра. Он никогда не был донжуаном. И все никак не мог взять в толк, почему в этом мире женщины бросаются в его объятия одна за другой. Меривен и Моргана преследовали самые низменные цели, но почему обязательно с ним? Алианора же самым банальным образом влюбилась в него. Странно. Он не питал иллюзий относительно своей внешности.

По всей вероятности, в этом был виноват его двойник из этого мира. Он был здесь кем-то очень значительным. И хотя, наверное, неспроста из всех людей Земли был выбран именно

Хольгер, тем более очень хотелось знать, кем был тот, кто носил на своем гербе три сердца и трех львов.

Поразмышляем. На основании всего, чему он явился свидетелем, попробуем реконструировать эту личность. Прежде всего он могучий воин, что здесь особенно ценилось. Импульсивный и рассудительный одновременно. Искатель приключений. Не бабник, но и не святоша. Наверное, немного идеалист. Моргана проговорила, что он защищал Порядок бескорыстно и мог бы получить больше от Хаоса. Он, должно быть, умел управляться с женщинами, иначе такая сильная и умная особа, как она, не затащила бы его на Авалон... Кстати, Авалон... Хольгер поднес к глазам правую руку. Эта самая рука покоилась на малахитовых перилах, выложенных серебром и рубинами. Солнце золотило волоски на пальцах... Серебро было теплее камня, а рубины пылали, как капли крови... Перила шли по краю обрыва над отвесной стеклянной скалой... Свет дробился в гротах на миллионы осколков, и его брызги – красные, желтые, фиолетовые – осыпались в море. А море было темным, с пурпурным отливом и поразительно-белыми барашками волн... Авалон – плавающий остров, скрытый волшебным туманом...

Он посидел еще немного, глядя на огонь, и отправился спать.

Дней через семь они выехали на обширную равнину. На склонах холмов колосились пшеница и рожь, на сочных пастбищах паслись лохматые лошаденки, коровы и овцы. В качестве строительного материала жители употребляли глину: все чаще путешественники натывались на домики с глиняными стенами. Домики то и дело сбивались в крохотные деревеньки. Время от времени у дороги вырастали деревянные замки с дубовыми заборами. Горы, через которые они перевалили, вместе с темной пеленой Фейери давно скрылись из виду. Однако на севере Хольгер заметил зубчатую линию более мощной горной цепи. Она была едва различима. Три высокие снежные вершины как бы парили в воздухе, отделенные от своих оснований. Хуги сообщил, что за этими горами также лежит область Срединного Мира. Поэтому то, что мужчины здесь, даже работая в поле, не снимали оружия, не было странным. Не удивило Хольгера и то, что изошренная иерархическая система империи была здесь упрощена и избавлена от лишних формальностей. Рыцари, в домах которых они ночевали в две последующие ночи, были неграмотны и не велеречивы, зато полны доброжелательности и интереса к новым людям.

На третий день пути по равнине, перед заходом солнца, они въехали в Тарнберг. По словам Алианоры, в восточной части герцогства местечко более всего походило на город.

Но в городе было невесело. Барон и все его сыновья пали в битвах с северными варварами, баронесса уехала к родственникам на запад, а наследники не спешили вступать во владение наследством. Упадок семьи был только фрагментом бедствий, которые постигли эти края за последние годы. Тарнбергом управлял неопытный совет горожан, который только и мог, что следить за сменой караулов на городских стенах.

Въехав в ворота, Хольгер увидел перед собой прямую мощеную улицу, по которой бегали дети, собаки и свиньи.

Разнокалиберные деревянные и каменные дома стояли вплотную друг к другу. Улица утыкалась в церковь.

Папиллон продвигался сквозь толпу ремесленников и женщин, которые пялили глаза на Хольгера и отвечивали ему неуклюжие поклоны.

Хольгер натянул на щит чехол – реклама ему была ни к чему. Здесь, оказывается, знали Алианору. Люди окликали ее:

- Эй, дева-лебедь, какие новости ты принесла?
- Что это за рыцарь с тобой?
- Что слышно в лесах, дева?
- А что с Шармеманом?
- Не видала моего кузена Эрсена?
- Что, Фейери продолжает копить силы? – взволнованно спросил кто-то.

Многие перекрестились.

– Может быть, ты привела нового господина, который защитит нас?

Девушка отвечала натянутой улыбкой. Среди людей и каменных стен она чувствовала себя не в своей тарелке.

Наконец они очутились перед домом, который был, пожалуй, в городе самым ветхим. Над дверью висела вывеска. Хольгер прочитал:

МАРТИНУС ТРИСМЕГИСТУС

Магистр магии

Заклинания. Чары. Предсказания.

Исцеления. Любовные напитки.

Благословения. Проклятия.

Всегда-полные-кошельки.

Особая скидка при крупных заказах.

– Ого! – Хольгер поднял брови. – Смахивает на визитную карточку коммивояжера.

– О да! – поддакнула Алианора. – Он также городской аптекарь, дантист, писарь и ветеринар.

Она ловко соскользнула на землю. Хольгер тоже спешил и привязал Папиллона к столбу у крыльца. Тотчас, как из-под земли, на противоположной стороне улицы выросло несколько подозрительных личностей.

– Присмотришь за конем, Хуги? – спросил Хольгер у карлика.

– Зачем? – удивился тот. – Дураку, который вздумает украсть Папиллона, можно хоть сейчас спеть за упокой.

– Именно этого я и опасаюсь, – хмыкнул Хольгер. Он взялся за ручку двери и остановился. Стоит ли рассказывать волшебнику все до конца? Алианора его хвалит, а больше, кажется, обращаться не к кому. Он распахнул дверь и вошел. Мелодично звякнул колокольчик. Темное и пыльное помещение было завалено самым диковинным хламом: склянки, колбы, ступы, перегонные кубы и реторты, огромные фолианты в кожаных переплетах, человеческие черепа, чучела животных и еще бог весть что – все это в чудовищном беспорядке громоздилось на шкафах, столах, полках и просто на полу. Из угла зыркнула сова. Через комнату проществовал белый кот.

– Иду, иду, благородные господа, – послышался тонкий голос. – Минуточку!

Откуда-то из глубин хлама появился, потирая руки, магистр Мартинус – маленький лысый человечек в застиранной черной хламиде, украшенной знаками зодиака. Редкая борода казалась приклеенной, близорукие глазки непрерывно моргали, а на губах играла неуверенная улыбка.

– Рад, рад приветствовать вас, господа! Надеюсь, вы в добром здравии? – Он прищурился. – О, никак это прелестная дева-лебедь? Входи, входи, моя дорогая. Или ты уже вошла?.. Ну да, разумеется, раз ты уже здесь, ты, конечно, уже вошла.

– У нас просьба, Мартинус, – сразу взяла быка за рога Алианора. – Она может оказаться обременительной, но нам не к кому, кроме тебя, обратиться.

– Прекрасно, прекрасно! Я сделаю все, что смогу, все, что смогу, для тебя, дорогая дева-птица, и для твоего благородного спутника. Уверю вас. Извините. – Мартинус подбежал к стене и смахнул пыль с висящего на ней пергамента.

Пергамент уведомлял, что Мартинус, сын Холофи, достойно справился со всеми премудростями науки, выдержал экзаменационные испытания и удостоен титула магистра в области магических наук со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Я только боюсь, маэстро... – Хольгер хотел честно признаться, что у него нет ни гроша за душой, но острый локоток Алианоры не позволил ему обнародовать эту глупость.

– Страшные тайны связаны с нашим делом, – поспешно подхватила она. – Ни один рядовой волшебник не в силах справиться с ними, и потому я привела этого рыцаря сразу к тебе. – Она одарила мага обольстительнейшей улыбкой.

– Прошу вас, прошу, – пригласил их Мартинус и засеменил в соседнюю комнату, такую же захлавленную, как и передняя. Он убрал со стульев книги, освободил угол стола, сдул с него пыль, бормоча извинения и проклятия в адрес слуг, потом хлопнул в ладоши и приказал: – Вина! Поддай нам вина и три кубка! – Подождал, прислушиваясь, и повторил: – Эй ты, там! Проснись! Вина, говорю тебе! Вина и три кубка!

Хольгер осторожно сел на жалобно заскрипевший стул. Алианора присела на краешек другого. Мартинус плюхнулся на свой, забросил ногу на ногу, переплел пальцы рук и деловито спросил:

– Итак? Итак, рыцарь, что у тебя за проблемы?

– Как тебе сказать... – начал Хольгер. – Вся эта история началась... Просто не знаю, с чего начать.

В этот момент в комнату вплыли по воздуху бутылка и три запыленных кубка.

– Наконец-то! – буркнул волшебник, когда бутылка опустилась на стол. – Ну и времена! Невозможно, невозможно, поверите ли, подыскать порядочную прислугу! Возьмите этого духа. Крайне, крайне нерадив и невыносим! Когда я был молод, все было совершенно иначе. Тогда они знали свое место. А возьмите товар, с которым сегодня имеешь дело! Травы, мумии, растертые жабы... Разве такой товар был раньше? А цены? – Он закатил глаза. – Ты не поверишь, дорогой рыцарь, но в последнее время...

Алианора кашлянула.

– Что? О, простите меня, – спохватился Мартинус. – Разболтался. Скверная привычка, очень скверная. – Он наполнил кубки. – Итак, продолжай, дорогой рыцарь, прошу тебя, продолжай. Рассказывай все как есть.

Хольгер вздохнул и рассказал все. Время от времени Мартинус перебивал его вопросами, цокал языком и теребил бородку в знак озабоченности. Когда Хольгер дошел до Матери Герды, волшебник покачал головой:

– Знаю, знаю эту особу. Ничего удивительного, что тебя взяли в такой оборот. Она давно заигрывает с черной магией. И, скажу тебе, из-за таких вот невежественных кустарей-одиночек дипломированные профессионалы теряют доверие, а значит, и клиентуру. Но продолжай, продолжай, рыцарь.

Когда Хольгер закончил рассказ, Мартинус дернул себя за бороду и воскликнул:

– Удивительная история! И я думаю, рыцарь, твои догадки правильны. Ты попал в центр каких-то действительно важных событий.

– Кто я такой? – спросил Хольгер. – Чей это герб – три сердца и три льва?

– Боюсь, что не знаю, сэр Хольгер, боюсь, что не знаю. Возможно, это герб какой-нибудь крупной фигуры из западных стран. Может, из Франции? Знаешь ли ты, что Мир Порядка – человеческий мир – со всех сторон окружен доминионами Хаоса? Он – только остров в море Срединного Мира. На севере живут великаны, на юге – драконы. Здесь, в Тарнберге, восточная граница стран, населенных людьми. Рукой подать до Фейери и Тролльхейма. Чего ждать от них? Мы не знаем. Слухи идут быстро, но по дороге искажаются до неузнаваемости. Что тут говорить, если даже о человеческих странах на Западе мы мало что знаем! Франция? Испания? Слухи, одни только слухи. Нет, я не могу ответить тебе, рыцарь. Наверно, владелец этого герба принадлежит к знатному роду. Но при чем тут ты? Нет, даже не стану спрашивать свои книги. Тем более что у меня в библиотеке некоторый, знаете ли, беспорядок... М-да... Однако, – неожиданно перешел он на серьезный и значительный тон, – я думаю, мы можем сделать кое-какие выводы. Вероятно, рыцарь львов и сердец был для Хаоса слишком серьезным противником. Вероятно, он был одним из избранных, вроде Карла, Артура и им подобных. Я имею

в виду избранность не праведника, а миссионера. Это тяжелая ноша. Рыцари Круглого стола ушли в мир иной, Карл – тоже. Но на их место должны были прийти другие герои. Хаос понял это и решил опередить события и устранить возможных кандидатов. Предположим, за дело взялась Моргана. Она сблизилась с потенциальным героем, лишила его памяти, потом превратила в ребенка и отправила в другой мир в полной уверенности, что он не сумеет вернуться до тех пор, пока Хаос не одержит окончательной победы. Не могу понять, почему она попросту не убила его? Возможно, его жизнь охраняется силой более могущественной, чем сила феи Морганы. Во всяком случае, ясно, что в момент, который был сочтен переломным, ты все-таки был возвращен обратно. Кто это сделал? Бог? Не думаю. При всем моем уважении к тебе. По-видимому, просто подействовал некий Мировой Закон, согласно которому в случае чрезвычайной нужды должен появиться Герой! Должен! Понятно, что Срединный Мир во что бы то ни стало будет пытаться во всем препятствовать ему. Ему или тебе, что, кажется, одно и то же. Вот так, – подытожил Мартинус. – Понятно, что это только догадки, мой дорогой рыцарь, только догадки. Гипотезы. Однако всеми известными нам фактами они подтверждаются.

Хольгер сидел понурившись. Влип. Кому понравится быть послушной фигуркой в чьей-то шахматной партии?

Нет, это не для него. Никто не может лишить его свободы воли. Мировой Закон? К черту! Почему он должен считаться с чужими законами?

– К делу! – нетерпеливо воскликнул он. – Удастся тебе вернуть меня обратно?

Алианора печально вздохнула. Мартинус покачал головой:

– Нет, рыцарь. Боюсь, эта задача мне не по плечу. И, думаю, она не по плечу кому бы то ни было, будь он человек или обитатель Срединного Мира. Если мои догадки верны, то ты не просто втянут в борьбу Порядка и Хаоса, но играешь в ней центральную роль. – Он вздохнул. – Быть может, раньше, когда я был молод, нахален и весел, я попытался бы рискнуть. Если бы ты знал, каковы они – проделки студентов с факультета магии... Однако с тех пор утекло много воды, и я отдаю себе отчет... Боюсь, от меня будет мало толку.

– Что же мне делать? – беспомощно спросил Хольгер. – Куда мне идти?

– Не знаю... Разве что... Искать Кортану. Этот меч выкован из той же стали, что и Жуаёз, Дурандаль, Эскалибур. По преданию, он освящен кем-то из Отцов Церкви. В руках правоверного владельца Кортане надлежало охранять христианский мир. Но меч украден. Говорят, подданными феи Морганы. Она не в силах уничтожить его, но с помощью язычников-дикарей где-то спрятала.

– Я должен его найти?

– Это опасно, мой юный друг, это очень опасно. Однако больше мне в голову ничего не приходит. Знаешь что? – Мартинус хлопнул Хольгера по колену. – Мы сделаем вот что! Моих сил и знаний – кстати, некоторые утверждают, что они весьма значительны, – хватит, чтобы узнать, где спрятан меч. Да-да, так мы и поступим. Это будет наилучшим решением.

– Я безмерно тебе благодарна, – сказала Алианора. Опасности были для нее пустым звуком. Главное, Хольгер задерживается в этом мире на неопределенный срок.

– Боюсь, что у меня тесновато, – ответил Мартинус. – Но в городе есть постоянный двор, где вы найдете все, что пожелаете. Передайте заодно хозяину, что я не забыл о его долге... Мда... Кстати, кстати... Может быть, ты хотел бы, рыцарь, избежать встречи с этим сарацином? У меня найдется все для полного преображения – по умеренной цене.

– С каким сарацином? – удивился Хольгер.

– Как? Я тебе не сказал? Ах, дырявая голова! Нужно все записывать, все записывать. Так вот, тебя ищет какой-то сарацин. Он тоже сейчас в городе.

Глава 16

Мартинус порылся в своих фолиантах и развел руками: вернуть Хольгеру память он оказался не в силах. Зато с помощью нескольких пассов и вонючего дыма он снабдил датчанина совершенно новой внешностью. Взглянув в зеркало, Хольгер увидел, что кожа его лица потемнела, волосы и борода стали черными, а глаза из голубых превратились в карие.

– Раньше ты мне больше нравился, – вздохнула Алианора.

– Когда захочешь вернуть свой естественный облик, – сказал Мартинус, – воскликни: «Белгор Меланхус!» Или, возможно, Кортана сам развеет мои чары.

– Неплохо было бы поработать и над моим конем, – заметил Хольгер. – Он слишком бросается в глаза.

– Но-о-о... – запротестовало было Мартинус.

– Пожалуйста, – попросила Алианора.

– Ну хорошо, хорошо. Введите его сюда. Но чтобы он вел себя тут пристойно.

Папиллон заполнил собой всю переднюю. И вскоре из дома вышел конь каштановой масти. Махнув рукой, Мартинус предложил изменить, по выбору Хольгера, и герб. Хольгер вспомнил Айвенго – и его щит тут же украсило вырванное дерево.

– Приходите завтра, и я сообщу все, что сумею узнать, – велел волшебник. – Но не раньше, не раньше полудня. А то вы, странники, думаете, что если солнце взошло, то день, почитай, скоро кончится.

Они покинули дом чародея в сумерках. Темнота быстро сгущалась, и искать путь к постоялому двору им пришлось чуть ли не на ощупь. На пороге дома их встретил улыбающийся толстяк.

– Вы ищете ночлег? Прекрасно! У меня есть покои, в которых останавливались даже коронованные особы!

– Нам нужно две комнаты, – сказал Хольгер.

– Я могу спать на конюшне, – небрежно обронил Хуги.

– Две комнаты!

Толстяк кивнул. Путешественники спешили. Алианора подошла к Хольгеру и тихо спросила:

– Зачем нам две комнаты? У костра мы спали бок о бок.

Ее волосы пахли солнцем.

– Здесь я не доверяю себе, – буркнул он.

Она захлопала в ладоши:

– Но это здорово!

– Что?! Ну нет! К черту! Две комнаты!

Хозяин опять кивнул и улыбнулся, но, улучив момент, когда на него никто не смотрел, выразительно постучал пальцем по лбу.

Он проводил гостей в комнаты, меблированные только кроватями, но довольно опрятные. До сих пор Хольгеру как-то удавалось обходиться без денег, но сейчас он с ужасом подумал, как он будет расплачиваться с хозяином. Алианору, разумеется, финансовые проблемы не интересовали. И еще об одном подумал Хольгер с тревогой. Каждая собака в этом городишке, разумеется, уже знала о его приезде. И все знали, конечно, что прибыл блондин, а у Мартинуса превратился в брюнета. Эти сведения с легкостью дойдут до сарацина. Хольгер снял доспехи и переоделся в свою лучшую тунику. На всякий случай нацепил меч. Вышел из комнаты и наткнулся на Алианору.

– Пойдем поужинаем? – неуверенно предложил он.

– Пойдем, – глухо ответила она и неожиданно схватила его за руку. – Хольгер! Я совсем не нравлюсь тебе?..

– Да нет... Ты мне нравишься...

– Я знаю, я дикая и некрещеная... Дикая птица... Но я могу с этим проститься, Хольгер! Я могу стать обычной женщиной... дамой!

– Видишь ли, Алианора... Ты прекрасно знаешь, что я должен вернуться домой. Что ни говори, а это не мой мир, и в нем нет для меня места.

– А если тебе не удастся вернуться? – горячо прошептала она. – Если тебе придется остаться?

– Тогда... тогда это будет совсем другая история...

– Я не хочу, я не желаю, чтобы ты возвращался! Нет-нет, я буду, я буду изо всех сил помогать тебе, потому что ты... – Она отвернулась. – Почему жить так непросто?

Он взял ее за руку, и они спустились по лестнице.

В обеденном зале постоялого двора пылал камин. Зал был узким и длинным, с низким и темным потолком. За большим общим столом сидел только один человек. При появлении Хольгера он вскочил и воскликнул: «Ож...» – но осекся.

– Простите, я обознался, благородные господа. – Он поклонился. – Я принял тебя за другого, рыцарь. Еще раз прошу прощения.

Хольгер подвел Алианору к столу. Вероятно, это был тот самый сарацин, который искал его. Среднего роста, худощавый и гибкий, он выглядел весьма элегантно в своих просторных белых одеждах и красных башмаках с загнутыми носами. На поясе – кривая сабля, на голове – тюрбан с изумрудом и страусиным пером. Темное узкое лицо, орлиный нос, короткая аккуратная бородка и золотые серьги в ушах. Он двигался легко и плавно, как кошка, а говорил мягко и вежливо, но с первого взгляда было понятно, что в бою он мог оказаться опасным противником...

– Мы охотно извиняем тебя, – галантно ответил датчанин. – Осмелюсь представить тебе госпожу Алианору... де ля Форэ. А я... хм... сэр Руперт из Граустарка.

– Боюсь, что ничего не слышал о твоих владениях, рыцарь, поскольку прибыл я с далекого юго-запада и в этих краях только гость. Сэр Карау, – представился он. – Некогда король Мавритании, к вашим услугам. Не сообразовали ли разделить со мной трапезу?

– Охотно, сэр Карау, – без промедления согласился Хольгер. Король, готовый оплатить счет, был весьма кстати.

Они уселись. Необычный наряд Алианоры явно смущал Карау, и он старательно отводил от нее глаза. Выбор меню он взял на себя, перепробовал все хозяйские вина, покритиковал их и указал, какой именно сорт подавать к тому или иному блюду. Хольгер не мог удержаться от замечания:

– Я полагал, что твоя религия, рыцарь, запрещает употреблять спиртное.

– Ты принимаешь меня за кого-то другого, сэр Руперт, – отозвался сарацин. – Я христианин, как и ты. Да, когда-то я сражался на стороне еретиков, пока справедливый и благородный рыцарь, одолевший меня в бою, с щедростью не открыл мне свет истинной веры. Но должен признаться, что, останься я мусульманином, я все равно не осмелился бы нанести оскорбление прекраснейшей из дам и не выпить за ее здоровье.

Ужин прошел под аккомпанемент приятной легкой беседы. Потом Алианора зевнула и отправилась спать. Карау и Хольгер уселись поудобнее: им предстояло главное – основательная мужская пьянка. И хотя Хольгер честно пытался уклониться, сарацин настоял.

– Для меня истинное счастье оказаться в обществе человека, который в равной степени умеет сложить изысканный сонет и владеть мечом, – заявил он. – Такие встречи – большая редкость в этом диком краю. Поэтому прошу не отказывать мне в любезности, рыцарь.

– Ты прав, это дикие края, – согласился Хольгер и с деланным равнодушием добавил: – Такого рыцаря, как ты, могла привести сюда только крайняя необходимость.

– Да, я ищу одного человека. – Карау пристально посмотрел Хольгеру в глаза. – Может быть, ты о нем слышал? Он высок и могуч, как ты, только со светлыми волосами и светлой кожей. Под седлом у него черный конь, а в гербе он носит либо орла – чернь на серебре, либо три сердца и трех львов – золото и багрец.

– Хм! – как можно равнодушнее хмыкнул Хольгер. – Мне кажется, что-то такое слышал... Как, ты говоришь, его имя, рыцарь?

– Я не называл имени, – ответил Карау. – Пусть это имя будет таким, каково оно есть, да простишь ты мне эту скрытность. Дело в том, что у него много врагов, которые не замедлят напасть на него, как только прознают, где он находится.

– Он твой друг?

– Прости еще раз, но будет лучше, если и мои отношения с ним останутся тайной. О, это не значит, что я не доверяю тебе, сэр Руперт, но и у стен могут быть уши. А я здесь одинок, и не только в этой части света, но и вообще в вашем времени.

– Что-о-о?!!

Карау кинул на Хольгера изучающий взгляд.

– Вот об этом я могу рассказать без утайки. С человеком, которого я ищу, я познакомился несколько столетий назад. Но вскоре он куда-то исчез. Потом мы встретились снова, и он снова исчез. Потом мне стало ясно, что он появляется всегда в тот момент, когда прекрасной Франции начинает грозить опасность. Я долго искал его. Однажды во время странствий по морю шторм выбросил меня на берег плавучего острова И-Бразель, и я оказался в гостях в замке прекраснейшей из всех земных женщин. – Он грустно вздохнул. – Время имеет там свои законы. Говорят, оно ведет себя так же в холме эльфов и на острове Авалон. Для меня прошел один год, а здесь миновали столетия. Когда до меня дошли слухи, что поднимаются силы Срединного Мира, я воспользовался магическими знаниями моей госпожи и любимой и узнал, что битва разразится именно здесь, на восточных границах империи. Я узнал также, что Ожь... этот рыцарь, встречи с которым я так страстно желаю, будет вызван сюда высшими силами. И тогда под покровом ночи я сел на волшебный корабль и устремился прочь. На побеге купил коня, и вот я здесь. Но Господь еще не послал мне желанной встречи.

Карау одним махом опорожнил кубок. Хольгер выпил свой. Вполне правдоподобный рассказ. Для этого мира, конечно. Но может быть, это все ложь. Хотя сарацин производит впечатление искреннего человека. К тому же это смуглое сухое лицо кажется Хольгеру почему-то очень знакомым. Где-то когда-то он знал Карау, но остается вопрос: кто он – друг или враг? От прямого ответа он уходит, а значит, допытываться не стоит. То, что он отзывается о человеке, которого ищет, лестно, ничего не доказывает: рыцарский кодекс обязывает отдавать должное даже злейшим врагам.

– Я не хотел бы казаться назойливым, – учтиво произнес Карау, – но меня не может не томить любопытство: а что заставило тебя пуститься в путь по этим беспокойным землям? Твой Граустарк – где он?

– Немного южнее, – пробормотал Хольгер. – Я... я дал обет. Дева-лебедь любезно согласилась помочь мне его исполнить.

Карау кивнул. Вряд ли он поверил Хольгеру, но расспрашивать больше не стал, а весело улыбнулся и предложил:

– Может, споем для веселья? Тебе, конечно, известно много баллад и песен, которые улаждают слух скитальца, привыкший лишь к свисту ветра и вою волков.

– Давай попробуем, – обрадовался Хольгер перемене темы.

Они запели и, не забывая о кубках, горланили несколько часов подряд. Вечер кончился тем, что они, ревя на весь дом что-то из датского фольклора и поддерживая друг друга, с тру-

дом одолели лестницу, крепко обнялись и разошлись по комнатам, горячо пожелав друг другу спокойной ночи.

Глава 17

На следующий день Хольгер проснулся с сильной головной болью. Был уже почти полдень. Алианора благоразумно молчала. Оставив лошадей под присмотром Хуги на постоялом дворе, они направились к дому Мартинуса. Хозяин проводил их подозрительным взглядом. Вероятно, у него был богатый опыт общения с постояльцами, имеющими пышное генеалогическое древо, но тощие кошельки.

Волшебник встретил их широкой улыбкой.

– О, я вижу, не раз, не раз ты вчера заглянул на дно кубка, мой юный друг, – засмеялся он и укоризненно покачал головой. – Что ж, весьма кстати у меня имеется эффективнейшее и очень дешевое снадобье, излечивающее малярию, заражение крови, меланхолию, мозоли, ревматические боли, конъюнктивит, проказу и похмелье. Вот этот кубок. До дна, до дна... Чуть-чуть горчит... Ну что?

Мартинусовская панацея в самом деле оказалась волшебной. На таком снадобье Хольгер на Земле мог бы нажить целое состояние.

– Я не мог установить твою личность, сэр Хольгер, – печально сказал волшебник. – Все демоны, к которым я обращался, оставляли мой вопрос без ответа. Это может означать только одно: ты действительно помещен в центр событий. Враг, однако, не мог предусмотреть всего. Я связался с духом воздуха, вызвал на консультацию Ариэля и с их помощью сумел определить место, где схоронен меч Кортана. Это не так далеко отсюда, но путешествие не обещает быть приятным.

Хольгер вскинул голову:

– Где?

Мартинус взглянул на Алианору:

– Ты знаешь о церкви Святого Гриммина на Горе?

Она кивнула.

– Меч там. – Волшебник погладил лысину. – Я от всего сердца, от всего сердца не советую тебе ехать туда, мой юный друг.

– Что это за место? – спросил Хольгер.

– Заброшенная церковь в горах. К северу отсюда. Несколько столетий назад ее возвели миссионеры, дабы обратить в христианскую веру тамошних варваров. Но она простояла недолго. Миссионеров варвары перебили, а церковь превратили в руины. Говорят, их вождь осквернил святой алтарь человеческим жертвоприношением, поэтому церковь утратила святость и стала логовом злых духов. Теперь даже сами варвары боятся приблизиться к ней.

– М-да... – Хольгер поежился. Мартинус не шутил. Зачем он вообще морочит себе голову? Ради возвращения домой? А что, собственно, так влечет его туда? Друзья, разные воспоминания, знакомые местечки... Но, положив руку на сердце, там нет ничего, о чем бы он по-настоящему тосковал. Там царят война и голод, продажность и бездуховность. Кроме того, вполне возможно, что, вернувшись, он очутится на том же самом месте и в то же самое время, из которых был вырван. То есть на пляже под огнем гитлеровцев. И кто знает, не суждено ли ему сложить там голову?

К дьяволу! Тот мир чужд ему. Его место здесь, в этом мире, а тот – только ссылка, место изгнания. Здесь, со всех точек зрения, ему и лучше, и проще...

Правда, здесь тоже опасности и ловушки. И тоже нет никакой гарантии, что он останется жив.

Солнечный луч, пробившись сквозь пыльное стекло, упал на волосы Алианоры и заставил их жарко вспыхнуть. Никогда и нигде не встречал он такой девушки. Может, послать к черту все эти хитросплетения и удалиться с ней куда-нибудь? Неужели он не сумеет обеспечить

ей сытую и спокойную жизнь? Чем не судьба – быть царем лесного народа? Или он не сможет выкroить себе удельное владение в этих ничейных землях? Или не устроится, если возникнет тяга к цивилизованной жизни, где-нибудь в центре империи?..

Пожалуй. А дальше? Ведь Хаос поднимается на войну. Фарисеи хотят распространить тьму на земные пределы.

Увы, у него нет выбора. В такие времена у каждого честного человека нет выбора. Ему придется пройти этот путь до конца, найти меч и вручить его владельцу – или сразаться самому, если выяснится, что владелец – он. А уж после того – если это «после» когда-нибудь наступит – решать, как все-таки вернуться домой.

Он тряхнул головой:

– Я еду!

– Мы едем, – поправила Алианора.

– Как угодно, – тихо произнес Мартинус. – Я буду молиться за вас. Да поможет тебе Бог, рыцарь, ибо ради всех нас ты идешь туда. – Он вытер увлажнившиеся глаза, высморкался и сделал попытку улыбнуться. – Ну хорошо. А теперь поговорим о счете. Перед таким небезопасным путешествием ты, конечно, имеешь желание урегулировать все дела такого рода.

За него ответила Алианора.

– У нас сейчас нет денег, – решительно сказала она. – Но я обещаю, что твой счет будет оплачен.

– Вот как? – Мартинус опечалился. – Я предпочел бы, чтобы у вас были деньги. Видите ли, видите ли, мое заведение не предоставляет кредита...

– Твоя реклама говорит о том, что ты умеешь набивать кошельки, – заметил Хольгер.

– Реклама всего лишь реклама. Маленький яркий штришок для целостности композиции.

– Мой дорогой! – Алианора улыбнулась и взяла волшебника за руку. – Как ты можешь досаждать разговором о деньгах человеку, который призван спасти весь мир? Твоя помощь зачтется на небесах, твое имя будет прославлено в песнях.

– Но этим не рассчитаешься с кредиторами, – попробовал воспротивиться Мартинус.

Алианора погладила его по плечу:

– Разве сокровища на небе не стоят всех сокровищ земных?

– Э-э-э... В Священном Писании есть слова, которые звучат примерно так же, но...

– Ах, дорогой друг! Благодарю тебя! Я знала, что ты все поймешь и согласишься. Благодарю тебя!

– Но... э-э-э... нельзя ли все же...

– Нет-нет, ни слова больше! Мы ни за что не согласимся принять от тебя помощь большую, чем та, которой ты уже одарил нас. До свидания, благородный человек! – Алианора чмокнула старика в щеку и, прежде чем Хольгер успел что-либо сообразить, вытолкала его за дверь.

«О женщины!» – только и подумал датчанин.

Возвратившись на постоялый двор, они увидели вышагивающего возле крыльца Карау. Заметив их, он поспешил навстречу.

– Ваш слуга-карлик проговорился, что вы собираетесь в путь.

– Да, – ответил Хольгер и, заметив косой взгляд хозяина, добавил: – Быть может.

Карау погладил бороду длинными, украшенными перстнями пальцами.

– Не будет ли с моей стороны дерзостью задать вам вопрос: в какую сторону вы направляетесь?

– На север.

– В земли варваров? Несомненно, вас там ждут приключения, о которых будут сложены саги. Если, разумеется, хоть один их свидетель вернется домой.

– Я уже говорил тебе, рыцарь, что дал обет.

– О, прости меня, друг. – Карау поклонился. – Я не смею быть назойливым, но позволь мне дать тебе добрый совет. Когда хочешь сохранить тайну, не следует говорить загадками. Чем больше загадок, тем больше слухов. Кто-то скажет, что ты поклялся убить тролля, хоть местные жители и уверены, что тролли бессмертны, кто-то – что сэр Руперт желает вызвать на поединок короля варваров. Но большинство – такова уж природа людей – будут считать, что ты охотишься за сокровищем, спрятанным в этих краях. Будь уверен, люди с удовольствием перемоют все косточки и тебе, и твоей прекрасной спутнице. Сплетни, как гонцы, понесутся впереди вас. А кто-то, возможно, и пойдет по пятам... Тебе нужна легенда, и чем невероятней она будет, тем легче люди поверят в нее и оставят тебя в покое.

Алианора клянула на это речистое дружелюбие.

– Но наша цель и впрямь необычна, – простодушно сообщила она. – Мы едем к проклятой церкви Святого Гриммина.

– Я поклялся совершить паломничество в эти места, – пытался выйти из положения Хольгер, – чтобы... чтобы спасти священные реликвии, которые, возможно, еще сохранились. Но я предпочитаю не распространяться на эту тему по той причине, что... это епитимья за проступок, о котором я не хотел бы...

– Вот как? Я еще раз прошу прощения. – Карау пристально взглянул в глаза Хольгера. – Но ты заронил в мою душу сомнение, рыцарь. Я не искал еще в тех краях того, кого хочу найти. Это непростительная оплошность. Поэтому я прошу твоего позволения следовать вместе с тобой. Беседа с другом сокращает путь, а рука друга делает его безопаснее. К тому же признаюсь: слушая тебя, я подумал, что, может быть, заслужу хоть малую Божию милость, если помогу тебе исполнить священный обет.

Хольгер и Алианора обменялись взглядами.

– Но, – неуверенно отвечал Хольгер, – нам будут угрожать не только земные силы. Мы можем столкнуться с магией...

Карау улыбнулся и махнул рукой:

– Твой меч прямой, мой – изогнутый. Не все ли равно, как выглядит враг?

Хольгер колебался. Вне всяких сомнений, такой спутник может оказаться очень полезным. Однако нет ли у Карау каких-либо тайных мыслей? Не посланник ли он Хаоса? Он ведет себя странно: разыскивая одного, почему-то набивается в спутники другому. Возможно, он заинтригован тайной Хольгера и рассчитывает, что тот каким-то образом связан с объектом его поисков. А если нет, то его желание исследовать северные предгорья выглядит правдоподобно...

– Я еще раз прошу удостоить меня чести сопровождать тебя, рыцарь, – продолжал настаивать сарацин. – Особенно тебя, прекрасная дама. Я страстно желаю этого. Если вы окажете мне эту милость, я буду считать вас своими гостями с момента нашей встречи. И пожалуйста, не возражайте. – Он был вправе позволить себе иронию: финансовое положение Хольгера всем, кажется, бросалось в глаза. Рассчитывать на бескорыстие хозяина постоянного двора, конечно, не приходилось.

– Идет! – Хольгер протянул руку Карау. Тот пожал ее. – Значит – союз?

– И порукой ему – моя честь.

– И моя. – Хольгер вдруг ясно понял, что принял правильное решение. Карау будет надежным товарищем. – Без дружбы за спиной стужа, – улыбнулся он.

Карау вздрогнул:

– Что? Где ты слышал эту пословицу?

– Нигде, просто пришло в голову. А в чем дело?

– Я знал человека, который любил ее повторять. И, скажу откровенно, это был тот, которого я ищу. – Он вновь пристально посмотрел в глаза Хольгеру. Потом отвел взгляд и переме-

нил тему: – Думаю, самое время перекусить, а потом начать собираться. Не тронуться ли нам в путь завтра утром?

За трапезой он шутил, балагурил, пел и предавался рискованным воспоминаниям. Затем оба рыцаря проверили свое снаряжение. Доспехи Карау оказались надежными и изысканными: стальной панцирь с широкими наплечниками был испещрен замысловатой гравировкой, к круглому шлему крепилась железная сетка, защищающая шею, ноги закрывали железные наколенники. На щите, в обрамлении красной полосы с золотыми лилиями, цвела серебряная шестиконечная звезда на голубом поле. С седла белой лошади свисали лук и колчан со стрелами.

Карау похвалил каштанового мерина Алианоры, но предложил обзавестись еще и мулом, который повезет Хуги и запасы провизии. Потом он ушел в город, где накупил на рынке всякой всячины.

Они рано легли спать, и Хольгер долго ворочался с боку на бок. Он думал о том, что, несмотря на меры предосторожности, фея Моргана будет, конечно, знать все. И пойдет на все, чтобы им помешать.

Глава 18

Две первые ночи они останавливались на ночлег в деревенских домах. Хольгер, опасаясь невольных оговорок и разоблачения, старался держать язык за зубами, зато сарацин говорил за двоих. Он был так галантен, остроумен, весел и уделял Алианоре так много внимания, что Хольгер становился все более угрюмым и молчаливым. Он не имел на Алианору никаких прав, у него не было даже права на ревность, но отчего-то он все чаще чувствовал ее болезненные уколы.

На третий день они оставили позади последнее человеческое селение и провели ночь в пастушьей хижине, хозяин которой не пожалел для них жутких историй о нравах дикарей, наводящих ужас на местное население. Еще более страшные дела творили, по его словам, тролли, изредка навещающие в пределы человеческого жилья.

И вот утром они вступили на землю, населенную каннибалами. Дорога вновь повела их в горы, но куда более высокие и крутые, чем те, которые лежали на востоке. Алианора сообщила, что по другую сторону этих гор нет ничего, кроме холода, тьмы и льда, и только полярное сияние освещает глубокий мрак страны, принадлежащей великанам.

Конечной целью их путешествия было плоскогорье у подножия самой высокой горной гряды. Идти туда нужно было не меньше семи дней, да все по земле, полной смертельных опасностей.

Тропа вела их вверх – через скалы, изуродованные лавинами и изглоданные ветрами, по острым как бритва камням, вдоль ущелий, никогда не видевших солнца. Леса остались внизу, а здесь было нищее царство карликовых деревьев и жесткой сухой травы. По ночам на землю падали заморозки. Солнце было здесь бледным, а звезды – огромными и колючими. То и дело приходилось переправляться через ледяные реки, с ревом летящие со скал. Лошади напрягали все силы, чтобы справиться с бурным течением. Только Хуги удавалось оставаться после переправ сухим – его ноги едва доходили до края тюков, на которых он восседал.

Карау сразу простыл, стал чихать и сморкаться, но упорно продолжал сопровождать их.

– Когда я вернусь домой, – мечтательно говорил он, – я улягусь на солнышке под цветущим деревом. Музыканты будут играть для меня, а наложницы – класть в рот виноград. Но конечно, я буду заниматься и физическими упражнениями, чтобы сохранить форму, – два раза в день крутить ручную мельницу и молоть себе кофе. А когда через несколько месяцев мне наскучит такая жизнь, я отправлюсь в новое странствие, далеко-далеко – в кофейню на другой улице.

– Кофе... – вздохнул Хольгер и вспомнил, что табак у него уже закончился.

Время от времени Алианора превращалась в лебедя и улетала вперед, чтобы разведать путь. На четвертый день, когда она в очередной раз поднялась в воздух, Карау взглянул на Хольгера и сказал с необычной для него серьезностью:

– Несмотря на своеобразное ее одеяние, редко встретишь подобную красавицу.

– Я тоже так думаю, – согласился Хольгер.

– Прости мою дерзость, но Господь дал мне глаза, чтобы видеть. Ведь она не принадлежит тебе?

– Нет.

– С твоей стороны это просто глупость.

– То же самое и я говорю ему, – вмешался карлик. – Пречудное это изобретение – рыцарь. Обойдет всю землю, чтобы деву спасти, а после не знает, что с ней творить. Разве что отвезет ее домой да, набравшись смелости, упадет на колени, чтобы выпросить ленточку на рукав. Просто диво, что рыцари до сих пор не вымерли.

В тот день Алианора вернулась к вечеру.

– Я видела церковь, – сообщила она. – Правда, издалека. На пути к ней – два варварских поселения, а вокруг каждого – колья с человеческими черепами. Они там суетятся и возятся – похоже, собираются в поход. – Она помолчала. – Я высмотрела дорогу для нас – вон через тот перевал. Там нет поселений, может быть, потому, что где-то в пещере обитает тролль. Но охотников мы повстречать можем. А они могут привести других.

Карау взял ее за руку.

– Если дело примет плохой оборот, – хмуро сказал он, – ты должна улетать не задумываясь. Мир, возможно, обойдется без нас, но станет таким невеселым, если потеряет ту, которая его озаряет.

Она задумчиво покачала головой и не сразу убрала руку. Хольгер разозлился. Этот тип просто профессионал! Но что он мог противопоставить цветистому красноречию сарацина? Чувствуя себя глубоко несчастным, Хольгер прищипил коня и ускакал вперед. Вряд ли он сможет долго терпеть эти приемчики, хотя нельзя сказать, что Карау ловит рыбку в чужом пруду. Но должен же он, черт побери, знать место и время! А Алианора? Хороша, нечего сказать! Или она ничего не понимает? Дитя леса, святая простота. Самые избитые банальности и грубейшую лезть она принимает за глубокий ум и высокие чувства. Нет, Карау не должен так играть с невинным созданием. Да еще в таком сложном и опасном походе... Черт бы их обоих побрал!

Сумерки застали их в долине. Прямо за ней вздымались скалы, на которые предстояло карабкаться завтра. Их четкие черные силуэты, словно зубья гигантской пилы, отчетливо вырисовывались на фоне еще светлого неба. Белый водопад, пенясь, падал с лилового обрыва в красные воды озера. Стая диких уток сорвалась с пологого берега при их приближении.

– Я и хотела, чтобы мы успели до ночи добраться сюда, – сказала Алианора. – Если мы забросим удочки на ночь, то на завтрак будет что-нибудь повкуснее, чем солонина.

Хуги потряс головой и фыркнул:

– Не знаю, не знаю. Эта страна вся провоняла нечистой силой, а в этом месте стоит такой смрад, какого я еще никогда не встречал.

Хольгер потянул носом воздух. Пахло сыростью и травой.

– А по-моему, все в порядке, – сказал он. – Но о том, чтобы до темноты добраться до другого берега, нечего и мечтать.

– Мы можем вернуться, – предложил Карау.

– Ну уж нет! – фыркнул Хольгер. – Впрочем, если кому-то страшно...

Сарацин вспыхнул, едва удержавшись от ответа на оскорбление. Алианора поспешила вмешаться:

– Посмотрите, вон там, кажется, удобное и сухое место.

Мох под копытами лошадей хлюпал, как мокрая губка.

Алианора указывала на огромный мшистый валун с плоской верхушкой, покрытой сверху тонким слоем дерна. В центре ветвился сухой кустарник – вполне подходящее топливо для костра.

– Как будто специально для нас приготовлено, – сказала Алианора.

Через несколько минут, разнуздав лошадей, Хольгер и Карау принялись за выкладывание магического круга, а Хуги, вооружившись топором, затеял войну с кустарником. Полнеба было охвачено пламенем заката. Алианора раздула костер и вскочила на ноги.

– Пусть разгорается. Я пока пойду заброшу удочки.

– Нет, прошу тебя, останься. – Карау сидел на земле, скрестив ноги и подняв на нее глаза. Каким-то чудом его живописный наряд, несмотря на все тяготы путешествия, сохранял свою первозданную чистоту и элегантность.

– Ты не хочешь свежей рыбы на завтрак?

– Разумеется, хочу. Но что такое гастрономическое удовольствие по сравнению с тем наслаждением, которое дарит тебе присутствие красоты?

Девушка вспыхнула.

– Но я... – замялась она, – не очень понимаю тебя...

– Присядь. – Он похлопал по земле ладонью. – В меру своего скромного поэтического таланта я постараюсь тебе все объяснить.

Она вопросительно взглянула на Хольгера. Тот стиснул зубы и отвернулся.

– Я сам заброшу удочки! – буркнул он и, схватив снасти, слетел со скалы и зашагал к камышам.

От желания оглянуться у него заболела шея. К тому времени, когда камыши скрыли их от него, его башмаки и штаны были мокры насквозь.

«Перестань скулить, – уговаривал он себя. – Ты один виноват в том, что Алианора попала в силки этого прохвоста. Разве не ты оттолкнул ее?»

Но беда была в том, что иначе он поступить не мог. Судьба играла им, как котенком.

«Посмотри на себя! – с презрением шептал он. – Ты весь пропах потом и измазлся грязью. Сарацин просто денди рядом с тобой. И нет ничего удивительного, что Алианора... К черту! Почему я должен страдать? Наоборот, прекрасно, что нашелся наконец тот, кто поможет тебе избавиться от ее любви. Проклятый камыш!»

Он яростно рубил камыши ножом. Меч он оставил в лагере. В зеркале озера отражались черные скалы и пурпурный закат, бледный месяц и первая звездочка рядом с ним. Камыши волновались и что-то шептали. С гнилой коряги, прибившейся к берегу, плюхнулась в воду семейка лягушек. Хольгер разложил на коряге удочки и стал наживлять на крючки ломтики солонины.

Ему было холодно, замерзшие пальцы плохо слушались. Сгустившиеся сумерки заставляли напрягать зрение.

«А ведь я мог бы сейчас блаженствовать на Авалоне, – вдруг подумал он. – Или, на худой конец, в холме эльфов. Неужели эта дева-лебедь действительно так наивна, чтобы не понимать, к чему может привести привычка разгуливать перед мужчиной почти нагишом? Черт бы побрал всех женщин на свете! Они годятся только для одного. Меривен, по крайней мере, осознавала это».

Рука дрогнула, и крючок впился в палец. Он вырвал его и разразился бешеной бранью.

За его спиной послышался смех. Он вздрогнул, обернулся и увидел перед собой обнаженную женщину. Он не успел ничего понять, как вокруг его шеи обвились нежные руки, силы оставили его, и он начал куда-то проваливаться. И воды озера сомкнулись над его головой.

Глава 19

Полузадушенный, он сделал попытку вырваться, но тело отказывалось повиноваться, а воля куда-то исчезла. Через некоторое время он почувствовал, что его отпустили.

Он обмяк и сел. Невероятно, но он не испытывал ничего похожего на удушье. Несколько минут он сидел, приходя в себя, неподвижно. Потом оглянулся по сторонам. Вокруг был белый речной песок. Там, где из песка торчали черные камни, колыхались длинные зеленые водоросли. Зеленый, странный, как будто люминесцентный, свет позволял видеть все вокруг достаточно ясно. Из его рта вырвался рой пузырьков и умчался вверх, как рассыпанная ртуть. Слева показалась рыбина, медленно проплыла мимо и исчезла в зеленой мути. Он вскочил, рванулся вверх, но, потеряв равновесие, стал падать. Тело ничего не весило. Падение было медленным, как в кошмарном сне. Каждое движение встречало упругое сопротивление воды.

– Приветствую тебя, сэр Ольгер, – услышал он. Голос был прохладным и нежным. Он обернулся. Перед ним стояла женщина. Длинные зеленые волосы, как водоросли, клубились вокруг ее головы. На круглом лице с приплюснутым носом и чувственными губами светились ярко-желтые глаза. В ее теле была какая-то необыкновенная грация.

«Грация рыбы», – подумал он.

– Кто... ты?..

– Не бойся, – засмеялась она. – Ты же не простолюдин, а благородный рыцарь. Еще раз приветствую тебя. – Она подплыла поближе, и он заметил, что длинные пальцы на ее ногах соединены перепонками, а ногти, как и губы, окрашены в зеленый цвет. Однако это почему-то не вызывало у Хольгера отвращения. – Прости меня за такое бесцеремонное приглашение. – Пузырьки, вылетающие из ее губ, путались в волосах и сверкали, как бриллианты. – Я должна была воспользоваться тем кратким моментом, когда на тебе не было железа и ты проклинал Бога. Поверь, я не хотела тебя испугать.

– Где я, черт побери?! – взорвался он.

– На дне моего озера. Я так одинока здесь. – Она взяла Хольгера за руку, и он вновь почувствовал, что от прикосновения ее прохладных пальцев стал беспомощным, как младенец. – Не бойся, ты не утонешь, мои чары охраняют тебя.

Хольгер в самом деле не испытывал затруднений с дыханием. Он чувствовал себя как обычно, разве что толща воды немного давила на грудь. Он попытался найти хоть какое-то научное объяснение этой загадки. По-видимому, магические силы создали вокруг его тела тончайшую, возможно, молекулярную пленку, проницаемую для кислорода и непроницаемую для воды... Впрочем, какая разница?! Как он выберется отсюда?

– Кто тебя послал? – резко спросил он.

– Никто. – Она усмехнулась и грациозно изогнулась, подняв над головой руки. – Ты не представляешь, какая скука заедает нас, бессмертных и одиноких. Как, по-твоему, быть русалке, когда к берегу ее озера судьба приводит прекрасного молодого воина с глазами как небо и волосами как солнце? Она не может не полюбить его с первого взгляда.

Он насторожился. Глаза как небо? Значит, она воспринимала его внешность такой, какой она была до превращения у Мартинуса? И скажите на милость, откуда ей известно его имя?

– Тебя послала фея Моргана! – воскликнул он.

– Какая разница? – Она пожала плечами. – Пойдем ко мне, мой дом рядом. Устроим пир. А потом... – Она соблазнительно улыбнулась.

– Моргана, конечно, следила за мной. Знала, что мы идем к озеру, а потом с помощью чар устроила сцену ревности...

– О, разве тебе не известно, рыцарь, что ни один смертный не может быть зачарован, если он сам того не желает?

– Мне лучше знать, чего я желаю! Все, конечно, сделано по ее сценарию! Ну что ж, отлично! Сгинь, нечистая! – И Хольгер начертал знак креста.

Русалка улыбнулась своей сонной и таинственной улыбкой и покачала головой. Ее волосы заколыхались в воде.

– Слишком поздно, рыцарь. Кто попал сюда, тому отсюда не выбраться. Хочешь знать правду? Пожалуйста. Да, ее высочество госпожа Авалона повелела мне подкараулить тебя и пленить, если представится случай. И держать тебя здесь до тех пор, пока она не пришлет за тобой. А это случится только после окончания войны, которая вот-вот начнется. – Она легла на воду и опять улыбнулась. – Но есть еще одна правда. И она в том, что я, Русель, рада, очень рада, что исполнила наказ. И приложу все силы, чтобы твое пребывание здесь оставило у тебя самые приятные воспоминания.

Хольгер с силой оттолкнулся от дна, мощно загребая воду, устремился к поверхности озера. Русалка без видимых усилий с улыбкой плыла рядом. Никаких попыток удержать его. Но вдруг рядом мелькнула серая молния. У лица щелкнула зубастая пасть. Перед ним повисла уродливая морда громадной щуки. Еще одна, нет, еще десять... сто щук окружили его со всех сторон. Одна из них цапнула его за палец. Острая боль и клубящаяся в воде кровь.

Хольгер остановился. Русель взмахнула рукой, и щуки медленно отплыли и стали кружить поодаль.

Он был побежден и вернулся на дно. Русалка взяла его за руку и поцеловала укушенный палец. Рана исчезла.

– Ты останешься здесь, сэра Ольгер, – ласково сказала она. – Ты оскорбишь меня, если снова попробуешь так невежливо убежать.

– Черт побери! – только и смог он произнести.

Она рассмеялась и взъерошила его волосы.

– Фея Моргана, увы, заберет тебя у меня. Но пока ты мой пленник. И я сделаю твой плен наслаждением.

– Там остались мои друзья, – хмуро сказал он.

– Без тебя они не представляют для нас никакой угрозы. Кстати, – язвительно усмехнулась она, – когда зашло убийственное для меня солнце, я понаблюдала немного за поведением одной особы из твоей компании. Сдается мне, что дева-лебедь позволит кому-то развеять ее печаль после твоего исчезновения. И если не в эту ночь, то наверняка в следующую.

Хольгер сжал кулаки. Сарацинский красавчик! А дева-птица? Куриные мозги! Клонуть на такие приемчики?..

– Ладно, – ответил он. – Где тут твой дом?

– О, как ты обрадовал меня, прекрасный рыцарь! Пойдем. Какие яства я для тебя приготовила! Но главное – ты не можешь и вообразить, какие наслаждения ждут твое тело здесь, где оно свободно и невесомо.

– Могу себе представить, – буркнул Хольгер.

– Разве ты не хочешь сначала снять эту ужасную одежду?

Он оглядел свой мокрый наряд и потянулся к пряжке пояса. Пальцы наткнулись на стилет Альфрика. Он на мгновение задумался, потом потрянул головой и сказал:

– Не сейчас. В доме. Может, она мне еще пригодится.

– Вот уж нет. Моргана разоденет тебя в меха и шелка. Но не будем, не будем думать о той минуте, когда ты должен будешь оставить меня! Идем!

Русалка умчалась вперед, как стрела. Неуклюже загребая воду, Хольгер последовал за ней. Она вернулась и со смехом закружила вокруг него. Щуки плыли следом. Их глаза блестели, как монеты.

Хольгер ожидал увидеть коралловый дворец, но дом Русель оказался иным. Круг, выложенный из белых камней, был чем-то вроде фундамента, на котором стояли, нет, из кото-

рого росли стены – длинные, колышущиеся коричневые и зеленые водоросли. Рыбы сновали сквозь них. Мелочь брызнула прочь при их появлении, а форель собралась и окружила Русель, искательно тыча мордами в ее ладони. Они прошли сквозь склизкую кисею. В доме было несколько комнат, выгороженных тем же способом. Русель ввела своего гостя в центральный зал. Здесь стоял каменный стол, инкрустированный перламутром и жемчугом и ломящийся от яств в золотой посуде. Вокруг стояли легкие изящные стулья из рыбьих костей.

– Хочу отметить, рыцарь, – улыбнулась русалка, – что благодаря помощи королевы мне удалось раздобыть для тебя даже такую редкость, как вино. – Она протянула ему круглый сосуд с узким горлышком, напоминающий реторту. – Нам придется пить прямо отсюда, иначе вода испортит драгоценную жидкость. Выпьем за наше знакомство.

Они чокнулись. Вино оказалось старым, густым и крепким.

Русалка села к нему на колени.

– О рыцарь, – промурлыкала она. – Чем мы займемся прежде? Едой или друг другом?

«От этого мне не отвертеться, – подумал Хольгер. – Придется провести с ней ночь. И попробовать усыпить ее бдительность, прежде чем снова попытаться удрать».

– Не так уж я голоден, – ответил он.

Она поцеловала его в губы и стала расстегивать его кафтан. Он снял пояс. Русель отпрянула – она увидела торчащий из ножен стилет.

– Не может быть! – воскликнула она. – Я почувствовала бы близость железа... Но это не...

Она осторожно вытянула стилет и внимательно осмотрела.

– «Пламенное лезвие». Необычное название. Это из Фейери?

– Я взял его у герцога Альфрика, когда победил его в бою, – похвастал Хольгер.

– Ничего удивительного, благородный рыцарь. – Русалка потерлась щекой о его плечо. – Да, никому из смертных это не под силу, но ты – это ты. – Ее пальчик пробежал по лезвию. – Все, что у меня есть, сделано из золота. Хотя я не раз пыталась втолковать жрецам варваров, что хотела бы иметь бронзовый нож. Однако они так глупы, что никак не могут понять, зачем демону озера может быть нужен иногда острый нож. Считают, что золото больше мне подходит. У меня есть несколько кремневых ножей, оставшихся со стародавних времен, но они уже совсем затупились.

– Тогда прими от меня этот стилет в подарок, – небрежно сказал Хольгер, стараясь скрыть от Русель охватившее его волнение. Кажется, он нашел путь к спасению...

– О благодарю! Я сумею одарить тебя, добрый рыцарь, – промурлыкала она. Ее рука скользнула под кафтан. Хольгер притворно нахмурился, пробуя пальцем лезвие.

– Не годится, он совсем тупой, – сказал он. – Надо бы его наточить. Но ведь ты не отпустишь меня ради этого на берег?

Она отрицательно покачала головой. Хольгер улыбнулся и небрежно отбросил нож:

– Как хочешь.

Его руки легли на ее точеные бедра.

И его игра обманула ее! Она задумалась и сказала:

– Знаешь, среди кучи мусора, который наташили мне в дар, кажется, есть точило. Хочешь попробовать?

Потребовалась вся выдержка, чтобы равнодушно ответить:

– Завтра.

Она отодвинулась.

– Нет, сейчас! – капризно сказала она. Эту болезненную капризность и нетерпеливость он наблюдал у жителей Фейери.

Она потянула его за руку:

– Пойдем, я покажу тебе мои сокровища.

С тем же снисходительным равнодушием он ей поддался.

– Варвары несут и несут мне дары, – со смехом рассказывала она. – Каждую весну приходят к озеру и бросают в воду всякую всячину, которая, по их мнению, должна мне понравиться. И кое-что мне действительно нравится. – Она раздвинула колышущуюся стену. – Это моя сокровищница. Сюда я переношу все их дары, вплоть до самых нелепых, над которыми можно только посмеяться на досуге.

Хольгеру бросились в глаза многочисленные человеческие кости. Русель выложила из них жуткую мозаику – на это, должно быть, ушло немало времени. В глазницах черепов сверкали драгоценные камни. Тут же высилась пирамида золотых и бронзовых кубков, посуды и украшений. В стороне беспорядочной кучей громоздилась разнообразная утварь, которую варвары сочли ценным для демона подношением (или таким образом они избавлялись от хлама?): размокшие церковные книги, хрустальный шар, челюсть дракона, сломанная статуэтка и великое множество мусора, потерявшего в результате долгого пребывания под водой всякую форму.

– Тебе, стало быть, приносят и человеческие жертвы? – с содроганием спросил Хольгер.

– Каждый год – юношу и девушку. Только не знаю зачем. Я не тролль и не каннибал, чтобы потчевать меня таким угощением. Но они думают иначе. И наряжают этих бедняг в праздничные одежды. – Русель взглянула на него самым невинным взглядом.

«Существо без души», – подумал Хольгер.

Русалка запустила руку в середину кучи и выдернула из хлама допотопное точило. Деревянная рама казалась насквозь прогнившей, бронзовые детали окислились, но точильный круг отзывался на повороты рукоятки.

– Разве не смешные у меня игрушки? Выбирай что угодно. – Она обвела рукой сокровищницу. – Включая меня.

В этом могильнике Хольгеру стало сильно не по себе. Но он сделал над собой усилие, изобразил улыбку и сказал:

– Я уже выбрал. Но сперва займемся стилетом. Ты можешь покрутить рукоятку?

В ее грациозном теле таилась невероятная сила. Она уперлась ногами в дно и так раскрутила точило, что образовался небольшой водоворот. Точило мощно и ровно гудело. Хольгер коснулся его стилетом.

Раздался неприятный скрежет. Откуда-то вновь появились щуки и свирепо уставились на него.

– Быстрее, – попросил он. – Если можно.

Точило завывало. Рама тряслась, от оси летели зеленые клочья. Господи, лишь бы эта рухлядь не развалилась!

Щуки буквально обнюхивали его. Русель не желала рисковать: у него в руках было оружие. Ее верные слуги за три минуты обглодают его до костей. А затея могла и провалиться. Но ведь и под водой предметы нагреваются от трения, а магний горит в воде...

– Может, хватит? – взмолилась Русель. – Я уже устала.

– Ну еще чуть-чуть! – Он всем телом налег на стилет.

Вспышка света ударила его по глазам. Русалка закричала.

Хольгер, закрыв глаза, стал размахивать перед собой стилетом. Одна из щук умудрилась все же цапнуть его за лодыжку, он пинком отшвырнул ее и, оттолкнувшись, рванул вверх.

Ослепленная Русель осталась внизу. Она кричала, приказывая щукам атаковать. Но за Хольгером погналась только одна. Он взмахнул факелом – и она сбежала. Адские рыбы либо тоже не выдержали ультрафиолета, либо власть Русель над ними ослабевала на расстоянии. Второе казалось более правдоподобным: любая магия теряла силу на расстоянии.

Он изо всех сил работал ногами и загребал свободной рукой. Быстрее вверх! Как будто из космической дали донесся до него голос русалки:

– Ольгер, Ольгер, зачем ты меня покидаешь? На суше тебя ждет смерть! Вернись, Ольгер! Ты узнаешь блаженство со мной...

Он греб изо всех сил. Ее гнев словно толкнул его в грудь:

– Тогда – умри!

Вода хлынула ему в легкие. Чары были сняты. Он едва не выронил факел. Русель, окруженная стайей щук, догоняла его. Вверх, вверх! Мышцы деревенели, мутилось сознание... Вверх!

Он вынырнул и закашлялся, захлебнувшись воздухом. Луна выстелила на воде светящуюся дорожку. Хольгер устремился к берегу. Вскоре ноги нащупали дно. Он опустил факел к поверхности воды и побежал. Свет горящего магния угас как раз тогда, когда он достиг камышей. Он выскочил из воды, споткнулся, упал, встал и помчался по черной раскисшей почве.

Потом, уже порядочно удалившись от озера, он снова упал, но не стал подниматься. Сердце готово было выскочить из груди. Мокрая холодная одежда неприятно липла к телу. Он долго лежал, переводя дыхание, пока смертельная усталость не оставила его.

Глава 20

Лагерь не пришлось искать долго. Выделяясь на фоне лунного неба, черный валун торчал из земли, как корабль; ветер гнал облако, и это создавало иллюзию, что корабль плывет. К какому берегу его вынесет?

Хольгер вскарабкался на скалу. От костра оставалась только кучка багровых углей. Кони жались друг к другу. Карау стоял на краю, устремив взгляд на север. Ветер трепал его одежду. Лунный свет играл на обнаженном клинке.

К Хольгеру метнулась низкая тень, схватила его за штаны и разъяренно дернула.

– Куда ты пропал, человек? Мы тут сошли с ума! Почему от тебя так смердит нечистью? Почему ты мокрый? Что с тобой приключилось?

Карау обернулся. Из-под шлема сверкнули белки глаз. Увидев Хольгера, он молча поднял руку в знак приветствия и снова отвернулся, весь поглощенный созерцанием чего-то важного для него. Хольгер взглянул на север. Там, на краю долины, под вздымающимися к небу горами, мерцало бледно-красное зарево, словно кто-то жег большой костер.

– Где Алианора? – испуганно спросил он.

– Полетела искать тебя, сэр Руперт, – ответил Карау простым и будничным тоном. – Когда ты исчез, она превратилась в лебедя и поднялась в небо, чтобы осмотреть долину сверху. Боюсь, она полетела туда, где зарево. А я сомневаюсь, что в этих краях вокруг больших костров собираются добрые люди.

– И ты не остановил ее? – вскипел Хольгер. – Почему?!

– Благородный рыцарь, – учтиво отвечал Карау, – как я мог остановить ее, если она поднялась в воздух прежде, чем я успел подняться с земли?

– Так оно и было, – встал на защиту Карау Хуги. – Лучше ты расскажи нам, где пропадал. Вижу, что враг сумел взять тебя в оборот.

Хольгер сел у костра, протянул ладони к огню и выложил спутникам историю своего пленения и бегства. Хуги поскреб бороду и подытожил:

– А что я тебе говорил? Я не из тех, кто любит напоминать о своих словах, но я предупреждал, что это место нечистое. Так что в следующий раз не стоит отмахиваться от Хуги, как от назойливой мухи. У него тоже, конечно, бывают промашки, но куда реже, чем попадание в цель. А доказательство тому – и этот пример, и множество других историй из моей жизни, и только врожденная скромность не позволяет поведать вам о них. Но об одном случае, когда я предупреждал бедного сэра Турольда, что в некоем гроте водится мантикора...

Карау все так же спокойно оборвал карлика:

– Все это говорит о том, сэр Руперт, что твоя миссия не укладывается в обычные рамки. Иначе откуда такое нагромождение препятствий?

Хольгер был слишком измучен, чтобы вновь городить какие-нибудь объяснения, и промолчал. Вместо ответа он занялся своим платьем: снял и развесил мокрое вокруг костра и стал рываться в тюке в поисках сухого белья. Именно в этот момент над их головами раздалось хлопанье крыльев. Мелькнувший на фоне голубого неба белый силуэт заставил его побить все рекорды по скоростному надеванию мокрых штанов.

Алианора приземлилась и приняла человеческий вид. Увидев Хольгера, она ойкнула и бросилась было к нему, но, что-то вспомнив, остановилась. Темнота скрадывала выражение ее лица.

– Итак, ты цел и невредим, – холодно произнесла она. – Я летала туда, на зарево. Там лысая гора и... – Ее голос дрогнул. Она взглянула на Карау, словно прося у него помощи. Тот снял епанчу и набросил на плечи Алианоре.

– И что увидела там самая храбрая и прекрасная из женщин? – тихо спросил он, заботливо оправляя епанчу на худеньких плечах.

– Они правят там шабаш. – Она всмотрелась в бездонную, безмолвную темноту. – Я никогда не видела шабаша, но это, конечно, он. Тринадцать мужчин стоят полукругом у алтаря, и перед ними лежит сломанный крест. Их одежды и украшения... Наверно, это вожди диких племен. Все они старые, очень старые, а в их лицах такое зло, что, увидев их, я едва не упала на землю. Чудовища... Этот кошмар будет преследовать меня всю жизнь... Эти тринадцать стояли и смотрели на алтарь, а на нем в луже крови... – Она подавила стон. – В луже крови лежал младенец... с перерезанным горлом... А над алтарем росла, как снежный ком, мгла... Я повернулась и улетела. Это было не меньше часа назад... Но я не могла заставить себя вернуться к вам, пока ветер не выдул из меня ужаса...

Она упала на колени и спрятала лицо в ладони. Карау тронул ее за плечо – она со стоном оттолкнула руку. Тогда подошел Хуги и погладил ее по голове. Алианора, плача, обняла его, и карлик стал ей что-то нашептывать.

Карау приблизился к Хольгеру и хмуро сказал:

– Значит, то, что я слышал в И-Бразеле, правда. Хаос стягивает силы. Хаос готовится к войне. – Он помолчал. – Несколько сотен лет назад мне случилось странствовать по этим местам. Здешние дикари и тогда были язычниками, но их вера была чище. Они не чтили дьявола и не ели человеческого мяса. Но испорченность сделала их игрушкой в руках врага человеческого рода. Их вождей приняли в темный круг, и теперь они готовы вести свои племена против жителей долин. Может быть, этот шабаш – один из военных советов.

– Я тоже так думаю, – согласился с ним Хольгер. Карау понял его ответ по-своему.

– Ты думаешь о многом, но прячешь свои мысли от нас, – на что-то намекнул он. – Впрочем, не будем. Сон принесет больше пользы, чем разговоры. Но в следующий раз я все же осмелюсь задать тебе несколько вопросов.

Нелегкий выдался день. Натянутые, как струна, нервы долго не давали Хольгеру заснуть. Наконец он впал в беспокойную дремоту, то просыпаясь и ворочаясь, то погружаясь в причудливый лабиринт сновидений. Такой сон утомлял больше, чем освежал, поэтому он даже обрадовался, когда Хуги наконец потряс его за плечо: ему выпало дежурить перед рассветом.

Взошло солнце. Они торопливо позавтракали, оседлали лошадей и двинулись в путь, когда озеро еще дымилось ночным туманом. Вскоре оно скрылось с глаз. Дорога шла вверх. Становилось холодно, ветер гнал по небу свинцовые тучи. Последнее дерево осталось внизу, и только жесткая серебристая трава как-то скрашивала однообразие серого камня. Вершины крутых утесов заслоняли небо.

Указав на крутой и гладкий северный склон, Алианора сказала, что на плоскогорье им лучше всего взойти по нему. С воздуха она высмотрела удобную для восхождения расселину. Другие, более пологие тропы проходили слишком близко от туземных селений.

Хуги поморщился и плюнул.

– Неудивительно, что даже варвары сторонятся этого склона, – проворчал он. – От него за милю смердит троллем; в нем, думаю, его нор и туннелей – как дыр в сыре.

Алианора нахмурилась. Хольгер попытался пошутить:

– На нашем боевом счету целый зверинец: ведьма, фарисей, дракон, великан, оборотень и русалка. Что нам какой-то тролль?

– Я предпочел бы с ними всеми разом столкнуться, чем со зверем из этой горы, – мрачно произнес Хуги. – Рядом с великаном он как россомаха с медведем. Не такой, правда, громадный, но яростный и свирепый без меры и страшно изворотливый. А жизни его лишить только удушением можно. Великанов-то немало от человеческих рук полегло, но, говорят, ни один рыцарь из схватки с троллем живым не вышел.

– Как же так? – нахмурился Карау. – Разве они не боятся железа?

– Боятся, конечно, жжет оно их, как тебя бы жгла раскаленная кочерга. Только оттого он еще больше свирепеет и прет на врага. А раны – что? Он их потом залечит. – Хуги помолчал и вдохновенно продолжил: – Тролли, да будет вам известно, в родстве с гхоулами, выедающими мертвецов из гробов, и ежели священные вещи не очень сильны, то им они не страшны. Крест, например, годится, только если он чудотворный. Вот так. Мог бы я вам о них еще рассказать, да сам ничего не знаю, потому как тех, кто тролля видел и живым возвратился, почти что и нет на земле.

Карау вспомнил рыцарский кодекс.

– Тем больше чести убить его! – воскликнул он.

«Дудки, – подумал Хольгер. – Лучше остаться живым».

Около полудня, вынырнув из узкого ущелья, они увидели перед собой людоедов. Встречи никто не ждал. Хольгер с проклятием натянул поводья. Страху не было – драться так драться.

Дикарей было около двух десятков. Они торопливо спускались по склону, но, заметив путешественников, взвыли, резко изменили маршрут и побежали к ним навстречу.

Высокий и уродливый предводитель бежал впереди всех. Его желтые волосы были заплетены в косы, лицо размаковано красными и синими полосами, голову украшали бычьи рога и сноп ярких перьев. На плечах развевался короткий плащ из барсучьих шкур, бедра закрывала мохнатая юбка-килт.

Он кричал и размахивал стальным боевым топором. Остальные были ему под стать. Сборище чучел, вооруженных топорами, копьями и мечами. У одного из них, почти голого, торчал на голове ржавый рыцарский шлем, другой дул в деревянную дуду, третий громыл толстой железной цепью на шее – и все они мчались на Хольгера.

– Назад! – крикнул Карау. – Бежим!

– Это нас не спасет, – возразил Хольгер. – По таким камням человек передвигается быстрее лошади. Кроме того, у нас нет времени на игру в прятки.

Брошенное копье вонзилось в землю впереди в нескольких метрах от них.

– Алианора! В воздух! – скомандовал Хольгер. – Ты там будешь в безопасности.

Она отрицательно покачала головой и подъехала к нему поближе.

– Оттуда ты сможешь помогать нам, – подсказал Карау.

Этот довод она приняла. Взмахнув белыми крыльями, лебедь взмыл вверх.

Превращение Алианоры ошеломило нападающих. Они остановились как вкопанные. Некоторые упали на колени, другие взвыли, третьи закрыли лица руками.

– Слава Аллаху! – воскликнул Карау. – То есть... слава богу! Их испугала магия.

Белая птица спикировала на людоедов. Вождь вырвал лук из рук ближайшего воина и натянул тетиву. Лебедь едва успел увернуться. Вождь криками и пинками стал приводить своих людей в чувство.

– Ого! – скривился Хуги. – Этот наверняка принадлежит к черному кругу и, видно, магии не боится. Он их сейчас на нас натравит.

– Не похоже, что он очень уверен в себе, – спокойно, словно разговор происходил за обеденным столом, проговорил Карау и снял с плеча короткий, с двойным выгибом лук. – Еще бы один такой магический фокус...

Еще один фокус! Легко сказать. Хольгеру ничего не приходит в голову, кроме карточных фокусов... Хотя...

– Хуги! – бросил он. – Высеки мне огонь.

– Зачем?

– К черту вопросы! Огня!

Пока гном извлекал из мешочка на поясе кресало, Хольгер успел набить трубку. Когда трубка разгорелась как следует, крадущиеся к ним дикари были совсем близко. Уже можно

было разглядеть шрам на лбу одного, костяную палочку в носу другого... Топот босых ног и сиплое дыхание... Хольгер глубоко затаился и – выпустил клуб дыма.

Дикари застыли как статуи. Он курил с таким остервенением, что из глаз полились слезы, а из носа закапало. Ветра, к счастью, здесь не было. Варвары стояли, разинув рты и вытаращив глаза.

Выпустив очередное облако дыма, Хольгер поднял руку и заревел:

– У-у-у-у-у!!!

Врагов будто ветром сдуло. Склон усеяло брошенное в панике оружие, а через миг откуда-то из-за скал донесся удаляющийся вой.

Вождь, однако, остался. Один как перст. Хольгер вытащил меч. Вождь заскулил и тоже исчез. Карау пустил ему вслед стрелу, но промахнулся.

Алианора превратилась в девушку и, подбежав к Хольгеру, обняла его за ногу и запричитала:

– О Хольгер! О Хольгер!

Карау держался от смеха за живот.

– Ты гений! – хохотал он. – Просто гений! Руперт, как я тебя люблю!

Хольгер снисходительно улыбнулся. Откуда им знать, что это плагиат и он просто обратился в очередной раз к классике, но не пересказывать же им «Янки при дворе короля Артура»? Довольно и того, что фокус удался.

– Поспешим, – сказал он. – Предводитель этих команчей вряд ли успокоится.

Они тронулись. Хуги принялся рассуждать:

– Да, отвaga из них улетучилась вместе с твоим дымом, рыцарь. Однако слышал я, что они храбрые воины. В чем тут дело? Думаю, твоих малых чар испугались оттого, что навидались в последние времена таких мерзких и великих, что стало им самим тошно...

Хольгер тем временем размышлял, преднамеренна или случайна эта встреча. Скорее всего, это дело рук Морганы. Узнав, что Русель не смогла его задержать, она ввела в игру свежие силы...

Карау прервал размышления Хольгера.

– Мне показалось, что наша прекрасная спутница, обращаясь к тебе, произнесла не знакомое мне имя, – сказал он.

– Разве? – вспыхнула Алианора. – Нет-нет, ты ослышался...

Карау поднял брови, но промолчал. Рыцарский кодекс чести не позволяет публично уличать даму во лжи.

А Алианора заторопилась отвлечь его внимание.

– Как скучно путешествовать среди голых скал, – тоном светской кокетки произнесла она. – Не развлечешь ли ты меня, рыцарь, рассказами о своих подвигах и приключениях? Ты совершил их так много и повествуешь с таким искусством...

– Хм... Разумеется.

Карау клюнул на лесть. Он приосанился, подкрутил ус – и его понесло. Такого вранья Хольгер еще никогда не слышал.

Но Алианора! Она слушала этот невероятный вздор с таким откровенным восторгом, что Хольгер в конце концов не выдержал, пнул ни в чем не повинного Папиллона и поскакал вперед.

Глава 21

К вечеру они достигли разлома в скале, к которому вела их Алианора. Дно расселины устилали обломки скал. Подъем на плоскогорье, который они единодушно перенесли на утро, отнимет не меньше часа. Но, сказала Алианора, когда они поднимутся туда, им останется до цели совсем чуть-чуть и дорога будет прямой и ровной.

У подножия скалы они обнаружили крохотную лужайку. В центре торчал грубый каменный истукан: когда-то здесь было капище варваров. Вероятно, тролль, запах которого заставлял морщиться Хуги, поселившись где-то поблизости, вынудил дикарей бросить своего идола на произвол судьбы. Благодаря этому площадка не была вытоптана и ее покрывал тонкий ковер жесткой травы.

Наступила ночь. Поднялся сильный ветер. Оранжевое пламя костра прижималось к земле, искры летели по воздуху и гасли далеко в стороне. Черное небо было затянуто тучами, сквозь разрывы в них то и дело выкатывался круглый глаз полной луны. Из темноты неслись шорохи, вздохи, стоны...

Все были настолько измучены, что, кое-как перекусив, поспешили завернуться в одеяла и лечь. Хуги выпало первое дежурство. Вскоре он растолкал Хольгера и сразу же захрапел. Хольгер подбросил в костер дров, закутался в плащ и подсел ближе к огню.

Его друзья спали. Неверный свет костра освещал их неподвижные фигуры. Карау даже во сне не терял своего обычного спокойствия и самоуверенности. Хуги свернулся вместе с одеялом в клубок, оставив снаружи только трубно храпящий нос. Взгляд Хольгера остановился на Алианоре. Одеяло сползло с нее, она лежала на боку, свернувшись от холода калачиком и прижав к груди маленькие кулачки. Беззащитная и милая, как ребенок... Хольгер поднялся и поправил на ней одеяло. Поколебавшись, он украдкой коснулся губами ее щеки. Она улыбнулась во сне.

Он вновь подсел к костру и глубоко задумался. Если он сейчас окажется втянутым в водоворот войны, то выдержит все испытания, какие ни пошлет ему Господь! Но она... Он не может позволить ей следовать за ним по кругам ада. Прогнать ее? Но где взять силы от нее отказаться?..

Он сжал кулаки:

– Пусть черт поберет этот мир!

И услышал:

– Ольгер!

Он вскочил. Меч вылетел из ножен. Никого. Только мрак за дрожащей границей света. Шум ветра, шепот сухой травы, уханье филина вдалеке.

И снова:

– Ольгер!

– Кто здесь? – вполголоса спросил он. Разбудить остальных?

– Ольгер, – вновь отозвался певучий голос. – Не тревожь спящих. Я хочу говорить только с тобой.

Он почувствовал странную истому. Фея Моргана вышла из темноты.

Костер красным светом облил ее длинное сказочное платье, зажег красные искры в темных глазах.

– Что тебе надо? – У него сел голос.

Она улыбнулась – роза расцвела на губах.

– Поговорить с тобой. Иди сюда.

– Нет. – Он потряс головой, отгоняя наваждение. – Этот трюк не пройдет. Я не переступлю круг.

– Тебе нечего опасаться. Те, кто сильнее тебя, сейчас далеко и готовятся к битве. – Она пожала плечами. – Что ж, мы можем поговорить и так.

– Что ты для меня опять приготовила? Еще одну шайку людоедов?

– Те, которых ты встретил сегодня, не причинили бы тебе ни малейшего вреда. Они должны были, не считаясь со своими потерями, захватить тебя в плен целым и невредимым. А потом доставить ко мне.

– А что было бы с моими друзьями?

– О, кто они для тебя, Ольгер?! Ты знаешь их всего несколько дней. В них нет ничего достойного твоего внимания. Ты должен уйти со мной. Хотя бы потому, что вождь, которого ты опозорил сегодня, в ярости и клянется, что умрет или съест твое сердце. Ты встретился с горсткой воинов, но сейчас он собрал остальных. Он рвет и мечет, и я не могу удержать его.

– Разве не ты их наставница? Кто же научил их есть человечину?!

Она поморщилась:

– Не я. Но ты прав, мои союзники – демоны и колдуны гор, которых призвал к себе Хаос. Это они насадили веру в дьявола. Я никого ничему не учила. Но хватит об этом! – Снова улыбка. – У нас с тобой есть другие интересные темы. Мы знали настоящее счастье. И я верю, что мне удастся вернуть его – и тебе, и себе.

– Счастье с тобой? Пустой звук! – холодно сказал Хольгер.

Он видел, что она говорит искренне. Но он тоже не притворялся. Влечение к ней, от которого он с таким трудом избавился тогда, в роще, исчезло. Перед ним стояла чужая красивая женщина – и только.

– Ты никогда не отличался постоянством в любви. – Она все еще продолжала улыбаться. – Когда-то ты взбунтовался даже против своего господина, самого Карла. В твоём лице он приобрел самого опасного соперника. И только твое великодушие положило конец вашему спору...

– И мы с ним стали союзниками?

Моргана остановила взгляд на Алианоре и печально вздохнула:

– Теперь над тобою властвуют чары сильнее моих... Мне... тяжело, Ольгер. Что ж, остаётся утешаться прошлым...

– У всех есть прошлое, кроме меня! – с непонятной горячностью бросил он. – Превратить меня в бессмысленного младенца и вышвырнуть за самые дальние рубежи мира – спасибо! Но я вернулся. Вопреки тебе. Благодаря власти, источником которой выше тебя и меня.

– Ты уже так много узнал? – удивилась она. – Но хочешь знать еще больше? Я могу вернуть тебе всю память.

– А чем я буду платить? Друзьями?

– Зачем? Я могу позаботиться о том, чтобы и с ними ничего не случилось. А твои намерения приведут к гибели всех вас.

– Почему я должен верить тебе?

– Позволь мне вернуть тебе память. Выйди из круга, чтобы я могла прибегнуть к чарам, которые рассеют твой мрак. И ты вспомнишь, какие клятвы давал мне.

Он внимательно посмотрел на нее. Она стояла – высокая, сильная, спокойная. Волосы черной волной лились из-под золотой короны. Но он почувствовал, что она напряжена, как звенящая струна, которая вот-вот лопнет.

Почему могущественнейшая волшебница боится его? Он стоял и думал. Дул ветер. Спали друзья. Чернело небо. Да, в ее руках могучие силы, и эти силы брошены против него. Но и в нем живет мощь, неподвластная ей. И она удерживает его от рокового шага за круг. Вся магия в мире не имеет теперь власти над ним. И даже прелести Морганы – ничто рядом с серыми озерами глаз и с каштановой копной волос... Ни одно заклинание не может победить это волшебство.

– В том мире, – сказал он задумчиво, – ты только миф. Вот уж не думал, что буду сражаться с мифами.

– Там был не твой мир, – сказала она. – Там ты тоже легенда. Твое место здесь, рядом со мной.

Он покачал головой:

– Оба этих мира – мои. И там, и тут я на своем месте.

Ему стало не по себе. Ну конечно! Почему он не понял этой очевиднейшей вещи раньше? Он сам – персонаж каролингско-артуровского круга. Значит, ребенком он читал в книгах двадцатого века о своих собственных древних подвигах!

Но если даже и так – его прошлое спрятано от него. Он мог быть легендарным героем, мог быть кумиром собственного детства, но заветное Морганы стерло его память...

– Мне кажется, ты сам давно понял, что находишься сейчас в том мире, который больше тебе подходит, – сказала Моргана. – И тебе не хочется возвращаться в тот. – Она шагнула к самой границе круга и дотронулась до Хольгера. – Да, это правда, что оба мира идут к кульминации, а ты помещен в их центры и тут, и там. Однако, если ты вмешаешься в борьбу сил, о которых даже ничего не знаешь, ты, скорее всего, потерпишь поражение. Ты погибнешь. А если победишь, то станешь потом горько жалеть об этом. Сбрось с плеч эту ношу, Ольгер, и пребудь со мной, только со мной, – в счастье. Еще не поздно!

Он усмехнулся.

– Ты слишком настойчиво уговариваешь меня. Значит, мои шансы на победу достаточно велики, – сказал он. – Ты сделала все от тебя зависящее, чтобы обмануть или пленить меня. Вероятно, следующим твоим шагом станет моя смерть. Но я выбрал свой путь и не сверну с него.

«Что за высокопарный слог! – разозлился он. – Разве таковы в самом деле мои убеждения?»

Он устал. По-настоящему хочется только покоя. Где конец этому блужданию во мраке? Где то место, в котором он мог бы укрыться с Алианорой от жестокости того или этого мира? Нет, он не может позволить себе даже минутного отдыха. На карту поставлено слишком многое. Сколько людей погибнет, если он откажется от борьбы?

Моргана смотрела на него и молчала. В скалах завывал ветер.

– Все предопределено, – наконец нарушила она молчание. – Даже Карау нашел тебя. Великий Ткач плетет твой узор. Но ты зря так уверен, что никто не сможет порвать его нити.

В ее глазах блеснули слезы. Она приблизилась и поцеловала его – поцелуем легким, нежным и полным любви.

– Прощай, Ольгер, – сказала она. Повернулась и растаяла в темноте.

Он стоял как столб и дрожал от холода. Может, все-таки разбудить остальных? Нет, пусть поспят. Им не обязательно знать о том, что произошло. Их это не касается.

Он взглянул на небо, пытаясь определить по положению луны, не подошло ли его дежурство к концу. Небо было затянуто сплошной пеленой. Что ж, он может бодрствовать до утра. Все равно ему не заснуть...

Ветер крепчал. Сквозь его вой слышался грохот камней и звон металла...

– Хей!

Вождь каннибалов прыгнул в круг, освещенный пламенем костра. За его спиной блеснули наконечники копий. Сколько их там – сотня? Две? Они прятались в засаде и ждали, когда фея Моргана покинет его!

– Подъем! – закричал он. – У нас гости!

Хуги, Алианора и Карау вскочили. Сарацин выхватил саблю и бросился к лошади, сломав ногой колышек, к которому были привязаны поводья. Алианора взвилась на своего коня. Двое дикарей с истошным воем помчались к ней. Один замахнулся копьем. Хуги – коричне-

вый смерч – бросился ему в ноги. Оба упали. Хольгер обрушился на другого. Меч поднялся и опустился – и череп врага лопнул, как орех.

Тело упало на него, но он отшвырнул его с такой силой, что сбил с ног следующего нападающего. Кольчуга спасла его от мощного удара копьем в грудь. Он увидел перед собой вождя и попытался достать его мечом. Тот увернулся. Чьи-то руки сомкнулись на его шее. Он вспомнил о шпорах на сапогах и сильно пнул ногой назад. Дикарь взвыл и отлетел в сторону.

Хольгер попятился, стараясь держаться спиной к истукану. Здоровенный воин с татуировкой, изображающей дракона, ринулся на него. Хольгер рубанул – и голова дикаря покати-лась с плеч. Кольцо врагов сжималось. Поверх их рогов и перьев Хольгер видел, как Карау гарцует на лошади и сыплет ударами своей кривой сабли.

Папиллон лягал дикарей, топтал и кусал, его грива и хвост развевались, как черные флаги.

Кто-то нырнул Хольгеру под руку и замахнулся ножом. Он отбил удар рукой. Хуги выка-тился из темноты, дернул людоеда за ноги и свалил. Рыча, они покатались по земле.

Перед Хольгером вырос вождь. Его топор взлетел в воздух и с силой обрушился на шлем Хольгера.

«Великий Боже и святой Георгий!» – услышал он собственный стон.

Каким-то образом Хольгер отбил удар. Рядом с вождем встали два его воина. На шлем и кольчугу Хольгера посыпался град ударов. Он пошатнулся.

Вдруг за спиной вождя появился Карау. Его клинок запел в воздухе. Один из врагов с воплем схватился за плечо, глядя расширенными от ужаса глазами, как оно отваливается от тела. Хольгер ударил ногой – и другой враг отлетел в сторону. Вождь развернулся и атаковал сарацина. Они закружились в смертельном танце, обмениваясь ударами и проклятиями.

Лошадь Алианоры жалобно заржала и повалилась на землю. Белый лебедь взмыл в воздух и через миг молнией упал вниз, целясь клювом в глаза врагов. Хольгер перевел дыхание. Кто-то пролаял приказ, и в рыцаря полетели копья. Его меч летал, как коса. Папиллон вставал на дыбы во весь свой исполинский рост и крушил передними копытами черепа людоедов. Человек и конь размели врагов и вернулись к камню.

Из-под безжизненного тела своего противника выкарабкался Хуги и встал рядом с ним. Алианора приземлилась и обратилась в девушку. Карау осадил рядом коня. Хольгер сунул ногу в стремя и взлетел в седло. Пинком в зубы отшвырнул дикаря, вцепившегося ему в сапог. Снял с седла щит и надел на левую руку. Протянул Алианоре руку с мечом. Она схватилась за нее и через миг сидела за спиной Хольгера. Карау поднял в седло Хуги. Рыцари обменялись взглядами, кивнули друг другу и ринулись в битву.

Они рубили, кололи, кромсали. Потом внезапно вокруг них образовалась пустота. Враг отступил. Карау и Хольгер, тяжело дыша, вернулись к каменному истукану. Мечи были залиты кровью. В дымящихся лужах крови отражался огонь костра. Земля была устлана трупами врагов... Людоеды молча стояли поодаль, сливаясь в темную массу с проблесками стали. Хольгер увидел вождя: лишившись рогов и перьев, он тяжело ковылял к своим людям.

Карау сверкнул улыбкой.

– Славная, славная битва! – воскликнул он. – Клянусь дланью пророка... Пророка Иисуса... Раньше я думал, сэр Руперт, что только один человек на земле способен биться так, как бился сегодня ты.

– И ты был сегодня на высоте, – ответил Хольгер. – Жаль только, что мы не прикончили вождя. Сейчас он снова пошлет их в бой.

– Будь в их головах хоть немного мозгов, они давно бы изрешетили всех нас стрелами, – заметил Хуги.

Хольгер повернулся в седле, чтобы взглянуть на Алианору. Ее левая рука была в крови.

– Ты ранена? – ужаснулся он.

– Ничего страшного. – Она попыталась улыбнуться. – Стрела задела крыло.

Он осмотрел ее рану. В обычных условиях он назвал бы ее довольно скверной, однако, принимая во внимание все обстоятельства, пожалуй, ничего страшного действительно не было. Он с облегчением вздохнул.

– Построю часовню святому Себастьяну... в благодарность.

Алианора прижалась к нему.

– Есть еще более приятные способы вознести хвалу Богу, – шепнула она ему на ухо.

– Никто никогда уже ничего не построит, – вмешался Карау, – если мы сейчас же не уберемся отсюда. А если сейчас повернуть назад, сэр Руперт, я думаю, мы сумеем уйти от погони.

– Нет, – решительно сказал Хольгер. – Здесь путь к святому Гриммину. Других дорог нет, а если есть, то, возможно, они под еще более сильной охраной. Мы пойдем вперед.

– К ним в лапы? – воскликнул сарацин. – Карабкаться на эту насыпь в темноте, отбиваясь от сотни воинов? Уж не сошел ли ты с ума, рыцарь?

– Ты волен выбирать, – ледяным тоном ответил Хольгер. – А я еще этой ночью должен добраться до церкви.

Хуги остановил на Хольгере тоскливый взгляд. Ему стало не по себе.

– Что ты уставился? – буркнул Хольгер. – Да, мы можем здесь умереть, я знаю это не хуже тебя. Беги вместе с ним. Я пойду один.

– Ну уж нет.

Повисла пауза. Хольгер отчетливо услышал звук своего сердца. Наконец карлик заговорил – хрипло и медленно:

– Уж коли зашел у тебя ум за разум и ты отступить не хочешь, то я хоть немного твоей глупости своим умом послужу. Самому тебе ведомо, что через тот проход нам не пробиться. Есть, однако, другой путь наверх, и никто на нем мешать нам не будет. Я могу вход в берлогу тролля вынюхать, а мой нос говорит, что это где-то рядом. Наверняка много ходов идет к ней через скалу, и нам может повезти. Может, тролль вылез куда-то, или спит, или забрался в далекий угол и нас не учует. Может, конечно, и не повезет – однако другого выхода у нас нет. Ну так что?

Алианора за спиной Хольгера тяжело вздохнула.

– Карау, – сказал он, – забери Алианору и постарайся доставить ее в безопасное место. Хуги и я пойдем через пещеру тролля...

Девушка крепко обхватила его за пояс.

– Нет! – гневно сказала она. – Так легко тебе от меня не избавиться. Я иду с тобой!

– И я, – добавил Карау и сглотнул слюну. – Никогда еще не бегал я от опасности.

– Дурни! – фыркнул Хуги. – Кости ваши в этой норе белеть будут. Впрочем, не первые вы из тех рыцарей, которые сгинули потому, что гордыни в головах у них было много, а ума мало. Жаль одну только деву. Ну, поехали.

Глава 22

Хуги взялся быть проводником, поэтому они с Карау двинулись первыми. Перед глазами Хольгера болтался из стороны в сторону хвост лошади Карау с вплетенными в него голубыми и красными лентами. Внезапно Папиллон вздрогнул.

Они двигались на восток, вдоль темного склона, на котором прятались людоеды. Из темноты донесся пронзительный вой. Хольгер вовремя заметил летящее в него копьё, поднял щит и отразил его. В ту же минуту в щит вонзилось три стрелы.

Хольгер пришпорил коня. Белая лошадь Карау и его просторные белые одежды маячили впереди мутным пятном. Папиллон остушился. Из-под копыт брызнули искры. Вокруг царил непроницаемый мрак. Какое-то шестое чувство подсказывало Хольгеру, что он движется вдоль мощной скалы. Тяжесть камня, нависающего над головой, ощущалась почти физически.

Он оглянулся. Вождь людоедов размахивал выхваченным из костра поленом. Полено ярко вспыхнуло, и, подняв над головой топор, вождь что-то крикнул окружающим его воинам и бросился в погоню.

Очень скоро он нагнал осторожно ступающих лошадей. Хольгер заметил, что каннибалы, послушные приказу, бегут сзади, но без особого, как ему показалось, энтузиазма. С левой стороны была скала, и вождь забегал слева. Меч тут был бесполезен. Предводитель подбежал к Папиллону и замахнулся топором, целя в бабку. Жеребец отпрыгнул, едва не сбросив седоков. Хольгер развернул его мордой к врагу.

Через минуту людоеды придут на помощь вождю, и все будет кончено.

– Алианора, держись! – крикнул Хольгер.

Он привстал в седле и резко наклонился вперед, пытаясь достать противника мечом. Тот отбил удар топором. Более проворный, чем человек на коне, людоед отпрыгнул. Размалеванное лицо с бородой, заплетенной в косички, скривилось в издевательской ухмылке.

Однако факел, который вождь держал в левой руке, оказался слишком близко к Хольгеру. И тот ударил. Факел упал горящим концом на голую грудь людоеда. Дикарь завопил от боли. И прежде чем он опомнился, Хольгер был уже рядом. На этот раз он не промахнулся. Сталь вошла в плоть, вождь пошатнулся и рухнул.

«Бедный сукин сын», – пожалел его Хольгер.

Он вновь развернул Папиллона и направил его вслед за Карау. Бой занял всего несколько секунд.

Они продвигались в полной темноте. Людоеды, подгоняя себя криками, бежали следом, но не отваживались атаковать. В воздухе то и дело свистели стрелы.

– Сейчас они соберутся с духом и набросятся на нас, – крикнул Карау через плечо.

– Я не думаю, – возразила Алианора. – Вы чувствуете запах?

Хольгер потянул носом воздух. Холодный ветер дул в лицо. Он всхлипывал и подвывал, развевая его епанчу, и трепал оперение шлема. Какой еще запах?

– Ух! – воскликнул Карау. – Вот это вонь!

Дикари дружно завывали. Хольгер, чье обоняние было испорчено табаком, был последним, кто почувствовал вонь. Дикари отказались от погони и остановились, не смея пересечь невидимую границу. Но уходить не собирались. Они будут ждать в засаде до утра, дабы убедиться, что враг не выбрался из западни.

Если холод имеет запах, то тролль пах именно так. Когда они оказались у входа в пещеру, Хольгеру захотелось заткнуть нос. Они остановились, и Алианора соскользнула на землю.

– Надо сделать факел, – сказала она. – Тут по земле разбросаны сухие ветки, наверно, тролль растерял их здесь, когда устраивал свое логово.

Она собрала пучок хвороста. Хуги высек огонь. Вспыхнуло пламя, и Хольгер увидел в скале дыру, диаметром метра три, ведущую в полный мрак.

Все спешили. Алианора взяла поводья, а рыцари вышли вперед. Хуги поднял факел.

– Тронулись, – сказал Хольгер и облизал пересохшие губы.

– Надеюсь, мы когда-нибудь снова увидим звезды? – прошептала Алианора. Хуги взял ее за руку.

– Даже если мы встретимся с троллем, – произнес Карау, – наши мечи превратят его в крошево. По-моему, мы испугались бабушкиных сказок, друзья.

Он решительно двинулся к пещере и первым вошел в темноту.

Хольгер поспешил за ним. Его щит и меч стали громоздкими и тяжелыми. Рубашка липла к мокрой от пота спине, тело чесалось и ныло, словно вспомнив наконец о том, сколько оно сегодня получило ударов. Воздух в пещере был спертым, густым от запаха тролля и смрада гниющего мяса. Факел горел неровно, то почти затухая, то ярко вспыхивая. Уродливые тени плясали по горбатым стенам. Хольгер мог поклясться, что отчетливо видел высеченные в стенах лица, кривляющиеся в жутких гримасах. Пол пещеры был усыпан острыми каменными обломками и обглоданными костями животных. Алианора то и дело нагибалась, предусмотрительно подбирая с земли куски дерева и сухие ветки. Тишину нарушало только звонкое цоканье лошадиных подков, отзывающееся дробным эхом. Естественная пещера кончилась, дальше в скалу вел вырытый троллем туннель – по размерам почти такой же. Хольгер с содроганием подумал, что если тролль вырыл такой туннель голыми руками...

Туннель был настоящим лабиринтом, и они кружили то вправо, то влево. Хольгер полностью потерял ориентацию: ему стало казаться, что они спускаются все ниже и ниже и будут идти бесконечно – до центра Земли.

«Только без паники», – скомандовал он себе.

Туннель кончился, и путешественники очутились в огромном зале. Из него вело целых три выхода – все неизвестно куда. Хуги жестом остановил их. В свете факела его лицо выглядело нелепой карикатурой, а тень карлика плясала, как мрачное чудовище, готовое броситься на него.

Он внимательно наблюдал за грязным желтым пламенем, потом послунывил палец и стал водить им по воздуху, затем опустил на колени и обнюхал пол. В конце концов он показал на левый туннель.

– Сюда, – буркнул он.

– Нет, – сказал Хольгер. – Разве ты не видишь, что он ведет вниз?

– Ничего не ведет. И не надо так громко.

– Ты с ума сошел! – возмутился Хольгер. – Любому дураку ясно...

Хуги зыркнул на него из-под кустистых бровей:

– Дураку, может, и ясно. Тут такое дело, что, может быть, ты и прав. Я-то голову на отсечение не дам. Только я думаю, что хорошая дорога через этот туннель ведет, а мне о подземельях ведомо побольше твоего. Так что решай, куда нам идти.

Хольгер кашлянул.

– Ладно, – сказал он. – Извини. Веди нас.

Хуги улыбнулся:

– Я всегда говорил, что ты не дурак.

Он нырнул в туннель. Остальные потянулись за ним. Вскоре туннель стал забираться вверх. Хольгер не произнес ни слова, когда Хуги прошел мимо нескольких боковых пещер, даже не удостоив их взглядом. Однако вскоре они опять оказались перед такой же тройной развилкой, и карлик заколебался.

Проделав те же, что и в первый раз, манипуляции, он озабоченно заявил:

– Все о том говорит, что можем мы идти только средним путем. Но и смрад оттуда самый сильный несется.

– Как тебе удастся уловить эту разницу? – с брезгливой гримасой спросил Карау.

– Видно, там его логово, – шепнула Алианора. Лошадь Карау фыркнула. В каменном мешке это прозвучало как выстрел. – Нет ли другой дороги в обход?

– Может, и есть, – неуверенно ответил Хуги. – Только на поиски ее времени много уйдет.

– А нам надо торопиться, – добавил Хольгер.

– Зачем? – спросил Карау.

– Есть причины, – ответил Хольгер. – Сейчас поверь мне на слово, ладно?

Сарацин, конечно, заслуживал полного доверия, но здесь было не место для долгих рассказов. Хольгер уже не сомневался, что меч Кортана имеет решающее для этого мира значение. Если бы дело касалось пустяка, враги не прилагали бы столько усилий, чтобы воспрепятствовать ему.

Моргана без всякого труда могла добраться до церкви гораздо раньше его. Однако ей не под силу перенести меч куда-то в другое место – он слишком тяжел для нее, а ее чары не действуют на столь священный предмет. Она могла прибегнуть к помощи других людей, как она это и сделала, когда похитила меч, но дикари испытывали ужас перед закланной церковью и ни за какие сокровища не осмелились бы приблизиться к ней, даже получив приказ от королевы фей. А личные воины Морганы были заняты подготовкой войны с империей в других странах мира.

Другое дело, если бы у нее было время. Она успела бы вызвать кого-то или... что более вероятно... бросила бы против Хольгера силу, которой он не смог бы противостоять. До сего времени ему везло больше, чем он того заслуживал. Но он отдавал себе отчет в том, что из лап самых сильных ее союзников он бы, конечно, не выбрался. Только святой мог совладать с силами Тьмы, а до святости ему было ох как далеко.

Поэтому он должен спешить.

Карау помолчал и сказал:

– Как пожелаешь, друг.

Хуги пожал плечами и двинулся вперед. Туннель, изгибаясь, пошел вверх, потом вниз и снова вверх, ход отчаянно петлял и становился то шире, то уже. Их осторожные шаги гремели, как колокол: «Мы здесь, тролль, мы здесь, тролль!»

Коридор стал таким узким, что они едва протискивались между каменными стенами. Впереди шел Хуги, за ним – Хольгер. Здесь царил непроницаемый мрак, который нарушало только красное пламя факела. За спиной Хольгера Карау тихо сказал:

– Тягчайшим грехом ляжет на меня то, что позволил такой прекрасной деве оказаться в этом зловещем месте. Бог мне этого не простит.

– Но я прошу, – отозвалась Алианора.

Сарацин засмеялся:

– О! Этого достаточно! И правда, моя госпожа, зачем нужны солнце, или звезды, или луна, если рядом находишься ты?

– Прошу тебя, молчи. Мы слишком шумим.

– Что ж, я буду восклицать мысленно. Я буду славить красоту, прелесть, нежность и доброту, славить Алианору!

– О Карау...

Хольгер до боли закусил губу.

– Тихо там, сзади, – прошипел Хуги. – К самому логову приближаемся.

Лаз оборвался. Они очутились в огромном зале, таком огромном, что его потолок и противоположная сторона терялись во тьме. Пол устилал толстый слой веток, листвы, полусгнившей соломы и костей. Над всем этим витал сладковатый запах смерти.

– Теперь тихо! – приказал Хуги. – Мне тут не нравится. Мы должны пройти это место тихо, на цыпочках. Выход, наверное, с той стороны.

Мусор трещал под ногами. Хольгер, спотыкаясь, брел по рыхлому ковру. Он ушиб ногу о пень. Ветка царапнула его щеку и едва не попала в глаз. Под подошвами рассыпался человеческий позвоночник с остатками ребер. Лошади проваливались и негодуя фыркали.

Факел ярко вспыхнул. И в этот самый миг Хольгер почувствовал ледяное дуновение.

– Мы не так далеко от выхода, – прошептал Хуги и вскрикнул: – Ай!

– Ай... – ответило эхо. – Ай!

Из-под кучи сухой листвы выбрался тролль. Алианора взвизгнула. Хольгер успел подумать, что впервые услышал в ее голосе настоящий страх.

– Боже, храни нас! – пробормотал Карау. Хуги согнулся и зарычал. Хольгер уронил меч, наклонился, поднял его и снова уронил: ладони стали скользкими от пота.

Тролль, волоча ноги, брел к ним. Он был ростом метра два с половиной, если не больше; он сильно сутулился, его руки свисали до земли. Безволосая зеленая кожа висела складками, как будто была ему велика. Узкая трещина рта, висящий, как хобот, нос, черные дыры глаз.

– Хо-о-о!.. – Тролль улыбнулся улыбкой идиота и протянул руки к Карау.

Тот вскрикнул и ударил саблей. Из раны вырвался дым, но дебильная усмешка не покинула лица тролля. Он потянулся к сарацину другой рукой. Хольгер поднял меч и бросился в атаку.

Тролль размахнулся и ударил. Удар пришелся по щиту, он треснул, а датчанин полетел в грудь сухой листвы. Несколько секунд он лежал без движения, переводя дыхание. Лошадь Карау обезумела от ужаса и с диким ржанием взвилась на дыбы. Алианора повисла на ней. Он увидел это прежде, чем вскочил на ноги. Потом он перевел взгляд на Карау.

Сарацин буквально танцевал на груди веток, служивших троллю постелью. Каким-то невероятным образом он умудрялся сохранять равновесие, и при этом его сабля не знала ни секунды отдыха. Он нырял, отскакивал, уклонялся от неуклюжих ударов чудовища. Свистела сталь, и улыбка сверкала на темном лице. Каждый его удар оставлял на теле тролля ужасную рану. Но тролль только хрюкал в ответ. Карау целил по правой руке повыше запястья. В конце концов ему удалось отсечь кисть. Он радостно засмеялся:

– Одна есть. Посвети нам немного, Хуги!

Карлик воткнул факел в какую-то рогатку и бросился на помощь Алианоре. Папиллон кружил вокруг, выжидая удобного для нападения момента.

И дождался. Тролль замахнулся на Карау левой рукой, и жеребец напал на него сзади. Копыта ударили в широкую спину, как в бубен. Тролль упал ничком, а Папиллон, не теряя времени, поднялся во весь свой устрашающий рост и обрушился вниз. Череп тролля разлетелся вдребезги.

– О небо! – Карау перекрестился и, повернувшись к Хольгеру, весело сказал: – Все было не так уж и плохо.

Хольгер взглянул на свой треснувший щит.

– Великолепно, – ответил он уныло. – Только я не особенно отличился.

Кобылу продолжала бить крупная дрожь, но она уже успокоилась настолько, что позволила Алианоре обнять себя за шею.

– Ну вот! А теперь поскорее уберемся отсюда, – подал голос Хуги. – А то у меня нос прямо отваливается от этого смрада.

Хольгер кивнул:

– Выход где-то... О боже!..

Отрубленная кисть тролля бежала по полу, как огромный зеленый паук. Сначала по листьям, потом по пню, цепляясь за кору ногтями, а потом по ветке – прямо к перерубленному запястью. Достигнув его, она мгновенно приросла на место. Осколки черепа тролля покати-

лись по земле и соединились в целое. Чудовище поднялось на ноги и вновь оскалило рот в жуткой усмешке. Пламя красными бликами заиграло на ужасных клыках.

Троль пошел на Хольгера. Больше всего датчанину хотелось повернуться и пуститься наутек. Но бежать было некуда. Он в сердцах плюнул и поднял меч. Когда троль потянулся к нему, он ударил, вложив в удар всю свою силу.

Стальное лезвие вонзилось в твердую, как дуб, руку. Удар. Еще удар. Фонтаном била зеленая дымящаяся кровь. Казалось, меч раскалился и светится в темноте. Еще удар – и рука тролля была перерублена. Она отлетела в сторону, покатила по ковру из листьев и тяжело поползла обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.